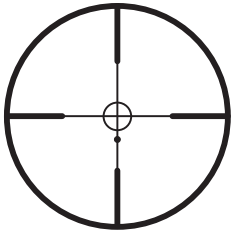
Андрей
ДОБЖАНСКИЙ

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Андрей ДОБЖАНСКИЙ

ПОД ПРИЦЕЛОМ



Воронеж
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2РОС=РУС) 6
Д 55

Добжанский Андрей
Д 55 Под прицелом. — Воронеж, 2023. — 200 с.

В новой книге Андрея Добжанского продолжается тема борьбы Русского мира, которая ещё очень долго не будет давать покоя многим русским людям вне зависимости от участия или неучастия их в происходящих событиях. Впрочем, о неучастии говорить не стоит: это касается всех. Всей страны. Всего народа.

Из памяти жителей Донбасса не выветрилось ни единого дня украинской агрессии. Автор видит и все последствия уже произошедшего, и текущие события, и пишет об этом с болью и яростью. Той самой. Благородной.

ISBN

© Авраменков А. М., 2023
© Глушкова И. В., иллюстрации, 2023
© Сурнин А. А., вёрстка, дизайн, 2023

РУССКАЯ ДУША В СРАЖЕНИИ С МИРОВЫМ ЗЛОМ

Радует, что у молодого писателя Андрея Авраменкова, который пишет также под псевдонимом Добжанский, вышла новая книга. Но это не только литературное событие, но и событие социальное, общественное. Об этом отчетливо свидетельствует само ее название, характерное для автора, — «Под прицелом». Оно свидетельствует, что священная тема освободительной войны на Донбассе остается неизменной в произведениях Добжанского. О ней написаны и предыдущие его книги, такие как «Город сломанных судеб», «Ополченец», «Русская весна в Луганске. Как начиналась война».

Эта книга стала уверенным шагом Андрея в его творческом росте. Молодой, но уже сложившийся автор со своим видением жизни и своим емким, суровым стилем, Добжанский уверенно вошел в сегодняшнюю российскую литературу. Его произведения повествуют о трагических судьбах жителей Донбасса, в жизнь которых с 2014 года безжалостно ворвалась развязанная нацистами война на уничтожение всех, кто не принимает идеологию нынешнего украинского фашизма. И каждый из жителей свободолюбивых ДНР и ЛНР делает свой выбор: одни поспешно уезжают от войны, вторые взволнованно надеются выжить под вражескими бомбежками и артобстрелом, третьи смело, решительно берут в руки оружие возмездия.

В прозе Добжанского ощутимо присутствует напряженный драматизм, характеры его героев показаны в их становлении и развитии в непростых судьбийных обстоятельствах. Андрей с первых страниц книги погружает

читателя в их вихревую атмосферу, насыщенную глубоким патриотическим смыслом борьбы света и тьмы. Об этом свидетельствуют все его рассказы, составившие книгу — «Прошу помнить вечно», «Затянувшаяся война», «Защитник», «Записки о войне и жизни», «С автоматом наперевес» и ряд других.

Нельзя не отметить недавний весьма знаковый итог литературного творчества Андрея, — он стал в 2022 году лауреатом Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области за повесть «Ополченец», опубликованную в известном литературно-художественном журнале «Подъём». Эта повесть также основана на реальных военных событиях.

Все написанное Андреем Добжанским подкупает искренностью и серьезным, личностным знанием сложного фронтового материала, взыскательным видением человека в человеке, находящего порой в самых, казалось бы, неодолимых для него обстоятельствах. Рассказы, вошедшие в новый сборник «Под прицелом», невольно вызывают у читателя чувство искреннего сострадания и сопереживания героям Добжанского, открывают нам правдивое понимание того, что происходит сейчас на линии фронта.

По большому счету все вместе его рассказы составляют образ нового современного человека начала XXI века, не только сохранившего, но и развивающего в себе лучшие качества русской, российской души, способной выстоять и победить в духовном и боевом сражении с мировым злом. Это крайне необходимая и ответственная полномасштабная задача для российской литературы сегодняшнего времени. На каждой странице у Андрея налицо его стремление решить тот или иной предельно острый жизненный вопрос по гамбургскому счету, без снисхождения и самолукавства. И в этом ему уверенно помогает его простой, но ёмкий и такой убедительный стиль: «Уже несколько дней погода куролесила... Ветер старательно отгонял тучи, но они возвращались, гремели молниями, словно бряцали

оружием... К полуночи отряд вернулся в город. Изможденные, злые лица бойцов, испуганные, заплаканные, несчастные лица мирных жителей. Казалось, даже маленькие дети постарели».

Я с волнением прочитал эту замечательную книгу, убедительно свидетельствующую, что в мужественном противостоянии России современному фашизму победа будет за нами. Память о победном мае сорок пятого реет над бойцами нынешних священных сражений на Донбассе.

Сергей Пылёв, член Союза писателей России

«ПРОШУ ПОМНИТЬ ВЕЧНО»

Он резким движением затянул шнурки на кроссовках, выключил свет в коридоре и, захлопнув дверь квартиры, начал неспешно спускаться во двор. Обшарпанный подъезд ещё сильней портил настроение, которое и так было не на высоте.

Артур давно где-то вычитал, что физические нагрузки помогают избавиться от стресса и депрессии, способствуя выработке эндорфинов. Он был равнодушен к спорту, но сейчас решил сделать пробежку, чтобы избавиться от не дающих покоя неприятных мыслей, связанных с Катей, его девушкой.

Дворовые деревья нависали над пятиэтажками. Оставалось загадкой, как они вымахали такими огромными. Величественные тополя скоро начнут засевать землю пухом. Его можно собирать в кучки и поджигать, наблюдая, как моментально испаряется воздушная белая масса. Старые беседки окончательно развалились. Как они с мальчишками любили лазить по ним в детстве! И цеплялись за своды, и прыгали по лавочкам и бревнам, а на землю ступать было нельзя, ведь там будто бы лава. Ещё горше стало от этих мыслей. Ведь детство уже не вернётся. Проблемы выстроились в ряд и ломятся в твои двери.

Усталость накапливалась в ногах, а дыхание затруднилось. Он видел перед собой ломаный асфальт, справа нестройным рядом стояли частные дома, слева — полузаброшенные парковки и сквер. По дороге редко ездили машины. Переругивались птицы, спорили о весне. Иногда на бегущего парня лаяли собаки и норовили пуститься в погоню. Артур не боялся собак. Мчался вперед, меняя

темп — то быстрее, то медленнее. В зависимости от усталости. Через несколько километров силы, казалось, окончательно покинули его, и он уже практически шёл, а не бежал. Футболка покрылась мокрыми пятнами, молодое лицо горело жаром, икры стали деревянными. Ещё бы сто метров, ещё немного. И наконец, сила воли, переламывая усталость, открывает второе дыхание. Вновь появляется энергия, даже мощь в теле. Артур чувствует, что сейчас в этот конкретный момент он может свалить с ног любого противника. Его наполняет радость, вытесняя плохие мысли и не лучшее настроение.

Выдохся окончательно уже возле многоэтажек. Высокие каменные исполины отбрасывали тени, и Артур с удовольствием спрятался в них от жаркого солнца. Заметил маленький магазинчик, — ему хотелось пить. Милая девушка улыбнулась, но парню было не до флирта. Утолил жажду холодной, живительной водой.

Раннее утро. Чем заняться? Надо загрузить себя работой, не сидеть на месте, чтобы отвлечься... Он бросил взгляд на многоэтажные дома, разбросанные по кварталу и уходящие за горизонт. Недалеко живет его бабушка. «Надо обязательно её навестить!» — пришла в голову мысль. Через пять минут он уже стоял возле её двери и звонил.

— Кто там?

— Это я, твой внук, — как можно громче произнес парень. У бабушки уже начались проблемы со слухом.

— Ой-ой, — раздалось из-за двери. — Заходи, унучок.

— Привет, ба. Как ты, как дела? — разуваясь, бросил он.

— Ничего, всё нормально. Вот пенсию сегодня жду.

— Тебе денег хватает? — поинтересовался Артур. Если бы бабушка ответила, что нет, то у него всё равно не было средств, чтобы помочь ей.

— Да, все есть.

Маленького роста старушка быстро пошла на кухню, немного подволакивая ногу, и уже через секунду начала шипеть сковородка, загремели кастрюли. Нет

для нормального пожилого человека большего счастья, чем когда приходит внук.

— Есть хочешь? — крикнула бабушка.

— Да, не откажусь. А то я только с пробежки, дома ничего не ел.

Он рассматривал бабушкину квартиру. Знал ее интерьер в деталях, но ему все равно было интересно. С самого детства все эти предметы казались загадочными артефактами. Вот на старом позвякивающем серванте стоит резной деревянный орел с поднятыми крыльями. На стене неспешно тикают старые часы. Недалеко от них угрожающе выпирают оленьи рога. На журнальном столике стоит разукрашенная церковными башнями шкатулка, принадлежавшая предкам бабушки.

С удовольствием позавтракал. Говорили о происходящем в стране и мире.

— Да, теперь чуть ли не каждый день митинги, — сказал парень. — Требования, ультиматумы, переговоры. Но что-то никакого толку.

— Будет ещё хуже, унучок. Мы уже не раз такое проходили. Иуды пришли нас продавать.

— Ниче, ба, у нас народ не такой уж покорный. Мы ведь не стадо баранов, все понимаем.

— А что с того? Народ всегда используют, сделают, как им надо.

Чтобы не тратить нервы, перешли с политики на другие темы.

— Баба Дина умерла. Ездила на похороны. Уходит уже наше поколение. Почти никого не осталось из моих знакомых.

— Ну, бабушка, ты еще поживешь.

— На дачу ездила. Уже с трудом добираюсь и еле работаю. Не работа, а так ото.

— Родители тоже собираются на выходных.

— Как там они?

— Нормально. Папа работает. У мамы на работе пугают сокращениями.

— А что там у вас с Катей?

Внук заметно погрустнел. Знала бы бабушка, что именно от мыслей о ней он бегал всё утро.

— Да не знаю. Все как всегда. Сложно. Морочит мне голову. Я уже совсем разучился понимать её, да и вообще девушек. И так стараюсь, работаю, подарки дарю. А она выкаблучивается.

— То она под себя тебя пытается делать, — ухмыльнулась бабушка. — Сейчас девки такие.

С кухни они пришли в зал. Артур лег на диван, старушка села в ногах. И они продолжили болтать.

— Может, в карты поиграем?

Они любили во время разговора играть в «дурака». Бабушка всегда выигрывала. Артур понимал, что её годы уходят, угасают. Поэтому старался почаще навещать её, общаться, делать приятные подарки. Хотя разве навещать бабушку раз в месяц — это часто? Но у многих и того нет. Много стариков живут вдали от своих детей и внуков. И бабушка Ида никогда не обижалась на внука, если тот долго не приходил. Она очень любила и его, и его родителей, постоянно помогала им то деньгами, то связями, оставшимися от работы в администрации.

Артуру надоело валяться, и он начал бродить по комнате и снова выискивать артефакты и древности. Заглянул в шкафчик: здесь его взгляд сразу наткнулся на альбом фотографий, толстый, пыльный. Бабушка редко заглядывала в него, а он всего раз смотрел эти снимки, лет девять назад. Руки сами потянулись к этой старой вещи, аккуратно достали её.

Удобно устроился в крепкое советское кресло.

На первой странице была запечатлены большая семья — несколько женщин, а также мальчиков и девочек, облепивших их со всех сторон. Но не было мужчин.

— После войны это было, — прокомментировала бабушка, заглянув в альбом. — Наши отцы ушли защищать Родину. И не вернулись. Такая доля им выпала.

Он листал страницы. На большинстве фотографий была маленькая бабушка, её мама Люда, братья и сёстры, многочисленные родственники. Снимки были желтые или серые, потертые, заломленные, с трещинами. Это придавало им особую ценность.

— Ты не вздумай выкидывать фотоальбом после моей смерти, — вдруг сурово сказала бабушка Ида. — Здесь весь твой род, ты должен сохранить память.

Артур продолжал листать страницы. На одном из снимков был отряд солдат.

— Это кто здесь?

— А... Это мой папа, Семён.

— Во время службы в армии?

— Ага, во время Великой Отечественной.

— Расскажи о прадедушке, — мягко потребовал Артур. — Я ведь даже не знаю, кем были мои предки.

Бабушка поправила цветочного окраса халат, присела на край соседнего кресла, смотрела долго в окно.

— Наш род из Воронежской области, прародители были крестьянами, занимались земледелием и скотоводством. В семнадцатом веке мы были одними из основателей деревни Казачская. Это то, что я запомнила. Если взять ближе уже, то мой дед Иван служил на крейсере «Аврора», он был машинист. Как раз в это время началась революция. Он активно принимал в ней участие. У мамы даже хранились какие-то награды, врученные ему советским правительством.

Старушка умолкла, раздумывая и вспоминая. Артуру показалась, что сейчас она размышляет не о родственниках, а о тех великих и страшных годах, когда происходил слом системы, разрушение государства. Парень помрачнел, проведя аналогию с тем, что творилось сейчас в его стране. «Приводят ли революции вообще к чему-то хорошему? — пронеслось в голове у него. — Это годы упадка, тяжкой работы для людей, чтобы потом, лет через 20–30, произошло возрождение. Может, изменений лучше

добиваться эволюцией отдельно взятого человека и общества в целом?»

— Потом родился мой отец — Семён. Я не знаю, чем занимался он до войны. Мама редко говорила о нем.

Артур рассматривал фотографию отряда военных. Кто из них прадед, он понять не мог. Слишком плохого качества она была.

— Если честно, то я не помню папы, — губы старушки задрожали, но всего на секунду. — Я ведь родилась, когда начиналась война, в июле 1941 года. К этому времени папа уже призвался, он ушел в военкомат в первые же дни. А маме надо было вот-вот рожать. Дедушка Вася, мой старший брат, остался единственным мужчиной в доме, на хозяйстве. Ему тогда десять лет было. Он делал всё. Работал в поле, следил за огородом, стирал, готовил, ухаживал за мамой, потом за мной. Моё детство было непростое, но, наверное, все-таки счастливое. А у Васи не было этого детства. Потом, много лет спустя, мы разговаривали с ним, и он сказал, что не помнит ничего из детства, кроме усталости и голода. Даже игр не помнит, а он ведь играл со мной, уделял внимание, насколько мог.

— Кем дед Семен служил? — поинтересовался Артур.

— Он не имел высоких чинов, но возил начальника фронта, — уважительно проговорила бабушка. — Сначала был рядовой, потом ефрейтор.

— А почему мы на Пасху не ходим к нему на могилку?

— Так он не здесь похоронен, в Германии. В сытой Европе, где сейчас издеваются вандалы над советскими памятниками и захоронениями, над памятью моего папы, который погиб в борьбе с фашистской чумой. Но им это зло, видимо, ближе, чем освободившая их Россия.

Перебирая фотографии, которые не были приклеены, а просто лежали в альбоме, Артур неожиданно нашёл снимок человека в военной форме.

— Это дедушка Семён?

— Да, единственная фотокарточка, где его можно хорошо разглядеть.

С нее на Артура смотрел человек, отдаленно похожий на него. У прадеда был светлый широкий лоб, узкие губы и стальной, хладнокровный взгляд. Может, в то время фотографировали так, а может, он и жил так же сурово, как выглядел.

— Он погиб в самом конце войны, не дожил до Дня Победы несколько недель. Они шли к Берлину, налетели немецкие самолеты и начали бомбить. Папа был ранен и скончался, пока его везли в госпиталь... — тихо завершила бабушка.

Что-то трогательное было в этом ее «папа». Семидесятитрехлетняя старушка, а все равно чей-то ребенок, любящий папу и маму, хоть их давно уже нет. Неловкость и жалость почувствовал Артур. И, повинуясь своему порыву, взял бабушку Иду за руку. Теплую, дряблую и с выпирающими костяшками, такую родную и любимую. Она несильно сжала ладонь внука. Улыбнулась чему-то своему.

Он, держа правой рукой фотокарточку, перевернул её и увидел надпись: «Родным детям от отца. Прошу помнить вечно. Посылаю 7 ноября 1944 года». И роспись.

— А знаешь, внучек, он меня все же видел один раз. Прошел пешком много километров, чтобы взглянуть на новорожденную дочь. Подержал на руках и ушел защищать Родину.

На обратном пути Артур шел медленно, обдумывая услышанную историю бабушки. Насколько сложны судьбы человеческие, как горьки слёзы, столкнувшихся с войной, какое несчастное поколение. Это было время женщин, воспитывающих своих детей в одиночку. Несгибаемых, настоящих, не гнавшихся за богатством и роскошью, знавших цену хлебу и улыбке малыша. Прадеды подарили своим жёнам и детям величайшую победу, дали самое бесценное — возможность жить не под плетью врага. На плечи прабабушек легло всё остальное, — они продолжили в мирное время возрождать и укреплять страну, падали, обессиленные, в полях, работали сутками на заводах, вырастили наших

бабушек, мам и пап, застали рождение правнуков. И только тогда отправились на другую сторону — к своим мужьям.

Как его зацепила эта фраза: «Прошу помнить вечно»! Было в ней что-то особенное и даже непонятное. «Ведь нет ничего вечного, — рассуждал Артур. — Всё равно, рано или поздно, человека забудут. Или нет, может, я не прав? Я случайно узнал об этой истории, случайно нашёл фотографию. Но теперь я никогда не забуду об этом. Расскажу своим детям, внукам и правнукам, чтобы они знали, что их предки были героями!» Подвиги встречаются и в нашей жизни. Вот пожарный спас из горящей квартиры двух детей, офицер вынес на руках девочку из школы в Беслане, хирург успешно провел сложнейшую операцию. Все они сохранили божественный огонек, хранящийся в человеке. Спасенные никогда не забудут спасителей, передадут рассказы об их подвигах потомкам. А если представить Подвиг целого народа? Народа, где практически в каждой семье был и есть свой герой, который никогда уже не умрёт. Герои прошлого растят героев будущего.

«Прошу помнить вечно»... Что же это значит?

— Алло, Арт! — раздался её голос в трубке. Он автоматически ответил на звонок, даже не посмотрев, кто именно звонит. Все утро он в прямом смысле бегал от мыслей о ней. — Ты меня слышишь?

— Да, чего ты хочешь? Опять потрепать мне нервы?! Слушай, Катя. С меня хватит. Ты и так крутила мной достаточно. То ты хочешь быть вместе, то нет. Это не отношения. Раз ты кинула меня, то всё, давай на этом поставим точку.

— Подожди, Артур. Пожалуйста. Я знаю, что вела себя, как непонятно кто. Но... нам надо поговорить. Давай встретимся.

— А какой в этом смысл? Что ты мне нового скажешь? Опять будешь то приближать к себе, то пинать. Держать на крючке, чтобы было не скучно.

— Пожалуйста! Умоляю тебя! Нам надо поговорить. Это очень важно.

«Да ну и черт с тобой. Надо — поговорим», — решил парень.

— Хорошо. Где, когда?

Водитель гнал свой автобус, видимо, отставал по графику. Артур смотрел в низкое окошко. Он хотел раз и навсегда решить все проблемы с Катей. «Что же, ничего не поделать. Пробегу ещё больше. Километров сто. И перестану думать о ней навсегда», — надеялся он, готовя себя к встрече с человеком, которого изо всех сил хотел сделать для себя чужим. Но пока так и не мог.

По центру города с флагами России шли горожане. Они скандировали: «Донбасс — с Россией», «Нет фашизму», «Крым, мы с тобой». Сколько этих митингов прошло за последние недели и месяцы — не счесть.

Они встретились в одном из кафе на улице Оборонной. Он, естественно, пришел раньше. Заказал кофе и, ожидая, пялился в кружку, пытаясь разглядеть дно. Но дна не было. Катя впорхнула в легком цветастом сарафанчике, на голове прыгали кудряшки. Была не похожа на себя, выглядела очень обеспокоенно.

— Спасибо, Артур, — присела рядом, уперев в него несгибаемый взгляд.

— Ты что-нибудь будешь, пиццу или роллы? — из вежливости спросил он.

— Честно говоря, не до еды сейчас. Я бы хотела поговорить...

— Я весь внимание.

— Ну, не надо так формально и холодно.

— А чего ты хотела после всего?

— Может ты и прав. Я заслуживаю. Я дрянь...

— Не надо самоуничижения, — очень деловито ответил он, пытаясь не показать, что разволновался. — Ближе к делу.

— Я вела себя, как маленькая взбалмошная девчушка, трепала тебе нервы только потому, что каждая уважающая себя девушка должна так делать. Я как будто внутри

скрывала ту теплоту, с которой отношусь к тебе. Не смейся, пожалуйста. Это правда. Ты видишь, какая я нервная стала. Для меня это не игра, честно. Но я пришла даже не для того, чтобы просить у тебя прощения. Это дело сугубо твое, личное. Я хотела тебе признаться... хотела сказать...

Её руки сильно дрожали, но взгляд был тверд и направлен прямо в глаза. Артур не мог его выдерживать и постоянно смотрел по сторонам, желая казаться безразличным.

— Ты должен это знать. Я беременна.

— Я записался в ополчение, — словно отвечая на атаку противника, произнес он.

Повисло молчание. Совершенно непонятное. Такое молчание, которое подводит определенную черту. Оба поняли, что сейчас они оказались на перекрестке. И выбор

делают не вместе, а отдельно. Он может пойти направо, она продолжить путь прямо. Но тогда дороги не совпадут... Артур не знал, зачем он в такой неподходящий момент сделал своё признание. Хотел перебить ее новость, струсил, оставил за собой последнее слово.

— Я долго думала, — продолжила она, сделав вид, что не обратила на его слова никакого внимания. — Не знала, что делать. Сначала испугалась, хотела сделать аборт. Но передумала. Он появится, хочешь ты того или нет. Будешь со мной или нет. Я твердо решила.

— Если ты всё решила, то чего от меня хочешь? — неожиданно для самого себя мягко спросил Артур.

— Да понять, любишь ты меня? Примешь ли ребенка? — повысила она голос. Посетители кафе обратили на них внимание.

— А сама-то как думаешь!? Возился с тобой всё это время, терпел... Конечно, люблю!

Неуверенная улыбка появилась на её лице впервые за весь разговор.

— Правда? Ты не против ребенка?

— Ну, если он от меня, то не против.

— Вот ты, дурак! От кого же ещё?! — засмеялась она. Пересела к нему и крепко прижалась. — Ты решил идти в ополчение?

— Да, ничего не поделать. Время такое.

— А может...

Артур построжел.

— Не бойся, теперь всё будет хорошо. Поверь мне. У нас будет ребенок, — и это самое главное. Остальное — не страшно, — поцеловал её в лоб и добавил. — Катя... Я хочу подарить тебе своё фото. На обратной сторон я напишу: «Прошу помнить вечно»...

ЕВРОПЕЙСКИЙ ШЛЯХ

Настало самое тяжелое для города время. Мины и снаряды щедро бахались на здания и улицы. Число погибших и раненых с каждым днем увеличивалось. Рейсовые автобусы не ходили, последний поезд уже давно отправился прочь из города.

Некоторые жители не собирались никуда, у других еще теплилась надежда покинуть это опасное место, наполненное горьким дымом, запахом пепелищ и видами разодранных домов. Но как это сделать, когда город в осаде, окружен практически со всех сторон врагами, которые еще недавно были братьями? Самому отправляться в такое путешествие... тут как повезет. Но, скорее всего, не повезет.

Были те, кто помогал в этом. Проводники, хорошо знавшие тайные тропы вокруг города, — они могли безопасно вывезти. За отдельную плату, конечно. Одним из них был Виктор Кузьмичёв. Здоровый, светловолосый донбасский мужик.

В тот раз к нему снова обратились знакомые — давнишний приятель Славка и его жена Юля:

— Витя, помоги выбраться из города!

И момент такой неудобный: жена Виктора уехала в село помочь старым родителям, а пятнадцатилетнего сына не с кем оставить. И что делать, куда деваться?

Витя, загружая свою «Ниву», взглянул на своего пацана. Эх, хорош, парень: рукастый, технику любит и знает, общительный. Весь в отца. Как на молодого себя глядел Виктор на своего Никиту. Но нехорошо на душе было, тревожно. Не хотел он малого с собой брать. Но как его тут одного оставлять? Уж лучше вместе.

— Ну что, выезжаем? — спросил Славик, когда в его внедорожнике уже устроились Юля и их десятилетняя дочь Оксана.

Кузьмичёв осмотрелся. Над ним возвышались девятиэтажки, а сбоку раскинулся частный сектор. Вокруг никого. Принюхался. Тяжелый летний воздух, да еще с нефтебазы доносится запах бензина. Прислушался. Вдалеке свист и гром. И почудилось Виктору, что они все ближе и ближе.

— Да. Не мешкай и езжай за мной, — похлопал он Славика по плечу. Повернулся к Никите. — Ты не высовывайся.

Сын кивнул. Он старался не нервировать отца и не произносил ни слова. Знал, что сейчас необходимо безоговорочно подчиняться ему. А ведь до войны и ссоры были, и обиды с обеих сторон. Да и будут еще. Если они сумеют пережить все это.

И две машины направились вон из города. По асфальтовой дороге гнали так быстро, как позволяла техника. Помех никаких, машин нет. Огненный воздух задувал в открытое окно. Недалеко послышались выстрелы из стрелкового оружия. Короткая перестрелка, и тишина. Кто, в кого, есть ли убитые? «Бог его знает», — подумал Виктор.

Мелькали разноцветные стены и окна частных домов. Остались ли в них люди? Наверняка. Сидят по подвалам. Нет, сейчас затишье, стреляют в другой стороне, поэтому, скорее всего, выбрались из укрытий, чтобы успеть сделать необходимые дела. Всегда наготове. Чуть раздастся свист, вой металлический — сразу в укрытие, если есть что подходящее, да желательно поглубже. Кирпич не спасет — земля убережет.

Проехали блокпост ополченцев. Этих Виктор знал, некоторых ещё до войны. Всё прошло нормально.

Дальше — опасней. Тут могут и ближние бои происходить. Витина машина свернула на грунтовку, Славик за ним. Мчались они по полям, перелескам и буеракам. Звуки сражений остались где-то сбоку позади.

«Ну, вроде вырвались», — кивнул сам себе Кузьмичёв. Глянул на Никитку, — он напряженно смотрел то по сторонам, то вперед, оглядывался назад на машину Славика.

Раньше дорогу в сосновый бор перегораживал шлагбаум, но теперь он, ржавея, валялся рядом. Два автомобиля, не сбавляя скорости, преодолели и этот рубеж. В скором времени они должны оказаться на украинской территории, в небольшом вымирающем селе. Подъезжать к нему надо не напрямую, по главной дороге, а в объезд, там, где не было блокпостов и позиций украинской армии. Для этого необходимо сделать размашистый крюк, переехать мелкую пересохшую речушку.

Поворачивая на проселочной дороге, Кузьмичёв дал по тормозам. Витя опешил, увидев железнодорожный вагончик и несколько человек с оружием возле него. Посреди грунтовой дороги стоял двухколесный прицеп, преграждающий путь. Флага не было, но Кузьмичёв сразу понял, что это украинские армейцы. Что же это такое? Ведь свободна была эта дорога. Или он что-то напутал? Да нет, вроде.

Машины затормозили. На них уже были направлены дула автоматов. Один из трех солдат, видимо, старший, подошел ближе и махнул рукой.

— Выходим, — окрикнул он.

— В машине сиди, — сказал отец Никите. — Я сам разберусь.

Кузьмичёв не спеша вышел и направился к военным. Знаков различия и принадлежности на них он не заметил. Из-за стресса потерялись мелкие детали. Только обратил внимание, что все — ещё пацаны, немногим старше его сына.

— Здорово, командир.

— Кто такие? Куда и откуда?

— Из Луганска в Харьков. Вывожу семью.

— Раздевайся, — держа на прицеле, скомандовал старший.

Виктор ловко скинул с себя футболку. Никаких татуировок, отметин, синяков. Молодой вояка удовлетворенно кивнул.

— С тобой кто едет?

— Знакомые с ребенком. Они силовики. Бегут от ополчения на Украину.

— Долго ждали, — беспристрастно прокомментировал солдат.

— Есть такое дело, командир. В багаже личные вещи. Показывать?

— Не, они мне и даром не нужны.

Витя оглянулся на сына. Тот спокойно сидел и смотрел по сторонам. Славик во второй машине нервно сверлил взглядом украинских солдат. Юля обнимала дочь.

— Смотри, дядя, дорога теперь платная, — прохрипел солдат. — По сто евро с машины. И валите.

— Сейчас, командир, погоди, — кивнул Кузьмичёв.

Он быстро подбежал к Славику и пересказал ему короткий разговор. Его попутчик что-то ответил, сторонник новой украинской власти не расслышал что. Но заметил, что Виктор возвращается без купюр в руках.

— У нас двести долларов, командир. Устраивает?

Это явно не понравилось человеку с автоматом. Его дружки начали напрягаться и подошли ближе к машинам, заинтересованно осматривая их.

— Дядя, ты меня не услышал? По сто евро с машины. Евро! Мне твои доллары на хрен не нужны. Украина теперь в Евросоюзе, понял? Мы теперь Европа, и ходить у нас будет евро.

— Как тебя по имени? — Кузьмичёв нервничал, но пытался держать себя в руках.

— На кой тебе моё имя? Ну, Глеб.

— Давай отойдем, перетрём в вагончике?

— А что нам с тобой перетирать?

Виктор немного приблизился к нему и тихо сказал:

— Ты же хочешь хорошо заработать? У меня есть к тебе предложение.

Глаза у молодого военного по имени Глеб загорелись. Он сказал своим, чтобы те были наготове, и провел Виктора в вагончик. Металл был раскаленный, внутри жарко и грязно, летали мухи, на полу валялись пустые бутылки из-под водки и коньяка.

— Командир, у нас нет евро, понимаешь? Только доллары. Чем они плохи?

— Дядя, они идеологически нам не подходят.

— Так Америка же поддерживает Украину, — парировал Кузьмичёв.

— Ну и что? Мы — Европа!

«Какой же ты тупой», — удивился Виктор, но вслух ничего не сказал.

Они были близко друг от друга. Воспользоваться автоматом солдатик не успеет. Может, просто вырубить его, отобрать оружие и застрелить их всех? Кузьмичёв поднял на него глаза. Молодой и глупый мальчишка, практически ровесник Никитки. Кто тебя ждет дома? Отец, мать, сестра, любимая девушка и друзья? Но что ты тогда забыл здесь? Ты пришел, если и не убивать, то по крайней мере зарабатывать на людском горе. Ты стервятник, падальщик, а падальщиков не жалко. Кузьмичёв незаметно сжал кулак, готовясь нанести удар. Но внезапно...

* * *

Еще с детства Витя влюбился в горы. Практически каждый год ездил он к бабушке на Кавказ. Из-за учебы в университете несколько лет он здесь не был. И вот по окончании снова приехал увидеть знакомые и любимые места. Бабушки уже не было в живых, но остались родственники — троюродный брат Махрам, его мать Асият и жена Саяра.

Долгая дорога измотала, и первый день ушел на отдых и разговоры. Селение находилось в горах, внизу

простиралась широкая изумрудная долина, ловившая деревьями отблески быстрой реки. Витя выходил во двор и любовался снежными вершинами и причудливыми горными хребтами, могучими деревьями и серо-зелеными склонами, иногда белой, а иногда и синей рекой, смывающей все на своей пути. И вроде не поэт, не романтик, а глаз не оторвать. Кто создал эти места? Да, на Донбассе таких пейзажей не увидишь. Можно подумать, что оказался в сказке. Наверняка, в былые времена здесь правил халиф, строил дворцы, сражался с недругами.

За двором слышались крики детворы, да еще и на непонятном языке. Витя не раз задумывался над причудами судьбы. Вот его родственники живут на Кавказе, типичные

представители этого региона, а сам он типичный русский Иван из Луганска.

— Маладец, что приехал, Витенка, — с акцентом сказала тетя Асият и похлопала его по плечу.

В Чечне в самом разгаре была вторая кампания, было опасно. Родители не хотели его отпускать, но Витя чувствовал, что должен побывать здесь до того, как окончательно простится с юностью. Впереди ждали беспросветные рабочие будни, без каникул и отдыха. Когда он еще посетит родину своей бабушки? Может быть, уже никогда.

Махрам сиял от радости. «Брат с Украины приехал», — радостно докладывал он встретившимся на его пути сельчанам.

«Хорошо, когда тебя ждут», — думал Виктор. Внутри было спокойно. Хорошо. Так хорошо, как бывает не часто в жизни. Вот чтобы время застыло, а ты стоишь, и тебе радостно.

— Ты жениться еще не надумал? — подшучивал Махрам. — У моей Саяры сестер много.

А жена у него действительно была очень красива. Витя засмущался.

На следующий день Махрам взял Виктора, и они поехали на «девятке» на рыбалку. Вниз в долину, к реке. Братья долго разговаривали, делились всеми новостями за прошедшие годы, причем, по возможности, именно в хронологическом порядке с момента последней встречи.

Волны били по большим камням, размеренный шум был приятен, умиротворял, успокаивал. Клев оказался хорошим, удочки не скучали. Переждав в тени полуденную жару, братья отправились домой. «Девятка» грохотала на крутой дороге, дергалась, двигатель хрипел. Витя обернулся и посмотрел вниз, на уже проделанный путь. Как бы назад не покатиться, беспокоился он. Махрам только покачал головой. И непонятно, как это интерпретировать, то ли как укор родственнику за неверие, то ли сам переживал. Когда дорога выровнялась и стала более-менее

горизонтальной, Махрам прибавил газу, и видавшая виды колымага помчалась по ухабам, дергаясь влево-вправо, чтобы не попасть в яму или не врезаться в каменный осколок. Витя мог поклясться, что по пути от автомобиля отлетело немало деталей.

Брат припарковался у недавно покрашенных зеленых ворот. За ними возвышался дом из красного кирпича с серым шифером на крыше. Они вышли, Витя нес с собой улов, рыба бодро плескалась в ведре. Не заметили ничего необычного, все было, как всегда. Но не успели братья зайти во двор — двое неизвестных направили на них пистолеты. Кузьмичёв от неожиданности отпустил ведро. Не сильно испугался, но люди с оружием не вселяли доверия. На них были маски с прорезями для глаз.

— В дом! — резко приказал один из них.

Оба были худые, в черных спортивных костюмах. Двигались дергано, резко. Неуверенно, как показалось Вите. Такие не внушали страх сами по себе. Только оружие придавало им силы.

— В чём дело? — попытался наладить с ними диалог Кузьмичёв.

— Рот закрой, иначе я тебя пристрелю, как собаку. Ты жить хочешь?

Дуло пистолета неприятно ударило в спину Вите. Он дернулся, и зашагал в дом. Махрам молчал, играя желваками. Как бы какой финт не выкинул братец. Может всё плохо закончиться. Асият и Саяра сидели на кровати в слезах, — у обеих были связаны руки. Витя только сейчас понял, насколько всё серьёзно. Он заметил взгляд Махрама, который оценил состояние матери и жены. Нет, их не трогали, но женщины перенервничали.

— Что ж вы творите, нелюди! У вас что, родителей нет? — закричала тетя Асият.

— Мама, успокойся.

— Сидеть! — скомандовал бандит.

Они послушались и присели на диван.

— Давайте все деньги и всё золото! Ты, русский.

— Я не знаю, где деньги. Я здесь гость.

Незнакомец выругался.

— Тогда ты.

Махрам спокойно встал и под присмотром прошёл в соседнюю комнату. Он пытался по голосу узнать: может, кто из знакомых? Вроде бы нет. Откуда они тут взялись? Боевики, террористы? Тоже не похоже. Просто бандиты, беспредельщики? Возможно. Знают ли они, что это дом милиционера? Махрам выгреб всё из закромов.

— Положи на стол и отойди.

Грабитель осторожно, не отпуская из рук пистолет, забрал всю добычу. Они вернулись в зал. Женщины продолжали плакать. Виктор был напряженным, нервным, щёки его покраснели.

— Ключи от машины.

— Забирай эту колымагу! — вспыхнул Махрам, который любил свой автомобиль.

Бандиты, забрав ключи, осторожно начали пятиться, и вышли из дома. Они, спотыкаясь, побежали вон из двора, к машине.

Завелась она не с первого раза.

Они не знали, что в доме для подобных случаев имеется сюрприз.

Как только грабители вышли, Витя вскочил с дивана, поднял одну из его половин и, отбросив одеяло, взял в руки автомат Калашникова. Приведя его в боевую готовность, он помчался вслед за незнакомцами. Махрам кинулся к шкафу, где была кобура, в которой покоился ПМ. Через мгновение он уже догонял брата.

Кузьмичёв прицелился в машину, подпрыгивавшую на ухабах, и выпустил длинную очередь. Потом ещё и ещё. Патроны быстро закончились. В стеклах и железе автомобиля появились отверстия от пуль, но машина продолжала удаляться.

Подбежал брат и сделал несколько выстрелов, но прекратил, поняв, что это уже не имеет смысла. Авто было слишком далеко.

Они переполошили все село. Такого здесь давно не было. Махрам быстро успокоил подошедших соседей, а Витя вернулся в дом, спрятал автомат и начал успокаивать женщин. Позже к нему присоединился и хозяин дома.

Витя с братом решил, что они продолжат отдыхать. Сегодня. А завтра начнут разгребать. Хотя, собственно, что разгребать-то? Все живы остались — и хорошо. Но нет, здесь это не так работает. Происшествие вышло за рамки дозволенного. Эти непрошенные гости покусились на дом, женщин. Такое Махрам прощать не собирался. Мать и жена — это святое.

Удивительно, но нападавших удалось быстро найти. Для этого пришлось обратиться к авторитетным людям, проявить к ним уважение и преподнести подарки. За считанные дни незнакомцев нашли. Это были два наркомана, задолжавшие и искавшие деньги на погашение долга. После недолгих споров с авторитетными людьми Махрам добился своего — их жизни были в его руках. За это пришлось заплатить деньгами.

Встреча состоялась в безлюдном, но шумном месте — рядом тяжело бросала вниз свои воды река.

— Я вас достану, — ругался один из наркоманов. — Только попробуйте нас пальцем тронуть!

Он, видимо, не понимал сложившейся ситуации. Думал, что дело обойдётся привычным мордобоем. Но Махрам достал пистолет.

— Нет, ты не должен этого делать, — сказал Витя. И забрал у него оружие. — Так будет лучше. — И шепнул на ухо. — Тебе ещё жить здесь.

Кузьмичёв выстрелил. Хлопок растворился в шуме водопада. Тело упало и покатилось вниз по каменному склону. Птицы, сидевшие на кустах, взмыли ввысь.

Птицы — вверх, человек — вниз. Еще два быстрых выстрела, второй отправился вслед за своим товарищем.

Витя не сожалел. Он был силен и молод. Он был прав. Тогда их лица не преследовали его по ночам, грех убийства не жёг душу. Это пришло намного позже, когда к тридцати появилась необъяснимая пустота в сердце. Но в юности нет. This is a man's world. Слабые и неосторожные погибают. Они сами виноваты. Могли сделать по-другому. Тогда и спрос был бы другой. Но они задели честь, оскорбили своим вторжением женщин. Асият и Саяра не хотели бы быть причиной чей-то гибели, но так сложилось. К счастью, об этом они не узнали.

* * *

Виктор разжал кулак, понурил голову, вспомнив этот случай. Почему в юности всё так? Так легко? Даже отнять жизнь у человека — и то легко.

— Ты говорил что-то про заработать?

Голос молодого украинского солдата отвлёк его. Кузьмичёв посмотрел на юные черты лица этого пацана. Так вот в чём дело, вот почему они такие злые и несговорчивые. Право сильного. Они имеют на это право. Они так считают.

— Да. Давай договоримся? Наладим дорогу. Сейчас я отдам тебе баксы, а в следующий раз заплачу еврами? Хорошо? — пытался все решить миром Виктор. — Чё ты уперся-то? Тебе двести баксов не деньги?

Глеб потер подбородок и кивнул.

— Ладно. Хрен с тобой. Времени и так много на вас потратил. Давай бабки, и валите отсюда.

Через несколько километров они выехали на асфальтовую дорогу. Впрочем, на грунтовой было даже лучше, а тут постоянные выбоины и ямы угрожали уничтожить всю ходовую часть автомобиля. Счастливые лица Славика и Юли отражались в зеркале заднего вида. Им не верилось, что они смогли так легко проскользнуть.

Кузьмичёв посмотрел на Никитку. Тот думал о чём-то своём.

— Сына, ты как?

— А я-то что? — отмахнулся он.

— Не испугался?

— Их что ли? Нет. Была бы возможность, там бы их положил.

Лицо Виктора перекосила гримаса. То ли улыбка, то ли выражение боли. Неприятным сделалось лицо отца. Он покачал головой.

— Нет, сынок. Людей надо любить.

— И этих?

— И этих.

— Да пошли они, уроды.

— А давай, как закончится война, съездим на Кавказ?

— Зачем? — не понял сын. — Что мы там забыли?

— Оттуда твои предки, бабушки и дедушки. Там у тебя родственники, дядя Махрам и тетя Саяра.

— Да ты что? А почему ты раньше не рассказывал?

— Да как-то не довелось. Ежедневная суета.

— Я бы хотел посмотреть на Кавказ.

— Там очень красиво, поверь мне. Наша степь надоела, да? И на море обязательно съездим. С мамой. Главное, чтобы война закончилась.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ ВОЙНА

Этот город рухнет на нас стеной,
и мы прорвемся.
Это море вынесет нас волной,
и мы вернемся.

Иван Демьян

Серега не хотел вставать. Последнее время не высыпался чудовищно. Старался загрузить себя работой до самого вечера. А работы журналисту в военном Луганске хватало. Хотя, конечно, не таком уж военном, как летом 2014 года. Жизнь в городе вернулась в нормальное русло, насколько это было возможным. Ведь война еще продолжается. И те, с другой стороны, наверняка попытаются стереть Донбасс с лица земли. Через год, два или три. Когда поступит указание от вышестоящих кураторов. Но сейчас все же были поводы писать о хорошем, о позитивном, о достижениях. Литвинов пытался упорно разглядеть эти позитивные вещи, и временами ему это удавалось. Например, недавно, гуляя неподалёку от Луганского моря, он с удивлением обнаружил, что ремонтируется дорога, ведущая к поселку Тельмана. Или вот: молодые каратисты завоевали первые места на соревнованиях в России.

Такие новости помогали бороться с депрессией. Недостатки можно найти везде, в самых лучших местах. А в Луганске они сами бросаются в глаза. Но Сергею хотелось акцентировать внимание именно на чем-то хорошем. Он писал, и писал много, а в редких случаях и хорошо. Публицистикой своей Литвинов был крайне недоволен, но некоторые статьи ему все-таки нравились.

Солнце вставало рано, весна давно вступила в свои законные права. А там еще месяц — и лето.

Он часто вспоминал университетские годы: безделье, романтичные вечера и вечный поиск денег на пиво. Все было так просто в те годы. А теперь... Столько бед пережито, проклятая война. Литвинову подумалось, что и без войны любой человек окунается после универа в это море житейских проблем.

Надо вставать! Прекрасное весеннее утро! Дышащий полной грудью город, гудящий с самого утра. Зарядку бы сделать, подумал Серега. Или покурить натощак? Что там советуют врачи?

— Алло, да, мам! Если получится, сегодня заскочу вечером. Ну, вдруг встречи какие по работе, кто его знает. Ладно, скучаю, обнимаю.

Долгое время он уже жил один, снимал маленькую квартирку возле Восточного рынка. Часто ездил к родителям, раз в несколько дней. Но ему хотелось свой угол, чтобы побыть одному и не зависеть от родительских правил. Посуда не помыта? Мам, я журналист, а не посудомойка. Ну ладно, ладно...

Пасмурная погода весной — это классно. Не холодно, но свежо, прямо хочется попасть под дождь и ощутить на себе буйство природы, сопротивляясь ураганному ветру, пробежать в кроссовках по глубоким лужам, и наконец, укрыться под козырьком подъезда, зная, что в рюкзаке лежит манящая бутылка портвейна. Делаешь глоток, все внутри согревается, и становится плевать на мокрые ноги и на все остальное.

Сергей прочел в прогнозе, что дождя сегодня все-таки не будет, ближе к обеду тучи уйдут подальше от города. Ничего, грозы еще порадуют, думал он.

Вышел из подъезда и, случайно бросив взгляд, заметил интересную наклейку на доске объявлений.

— Опа-ча! — вырвалось у Литвинова.

На листовке, прикрепленной возле самого входа в подъезд, черными буквами на сине-голубом фоне значилось: «Украинские войска скоро освободят Луганск от российских оккупантов». Серега сорвал листок бумаги, скомкал его и хотел выбросить, но урны рядом не оказалось. «На работу доберусь, там выброшу. Но сначала надо будет сфотографировать этот прекрасный образец пропаганды», — мелькнуло в голове у журналиста.

Бодрым шагом он отправился на работу. Впереди ждал новый день.

* * *

После таких встреч хочется нажраться так, чтобы забыть свое имя. Начать с чистого листа и сделать вид, что не было этого разговора. Будто не встречался с человеком и не пропустил его горе через себя.

Литвинов шел вдоль трамвайных путей, за спиной в весеннем солнце сверкали купола церкви. Внутри был пусто и тяжело. Наверное, между этими понятиями можно поставить знак равенства. Ведь не бывает пусто и легко, пусто и радостно, пусто и светло. Сердце сжало в тиски от многочисленных выкуренных сигарет. Но не только от них...

В ее квартире много икон и церковных книг. И его фотографий. Она с нежностью смотрит на них.

— Вот на этой Леша получился очень хорошо, такой настоящий.

Он стоит в камуфляже с автоматом, бородатое лицо со светлыми глазами. Через окно за его спиной пробивается свет заходящего солнца.

— Когда Алеша служил, началась война в Югославии, самолеты НАТО бомбили Белград. Он рвался туда. Говорил, что его гордость за русских берет. Но Бог тогда смилостивился, тех ребят, которые собирались туда идти,

не взяли. Ну а тут, когда у нас такое случилось, выхода не было. Он мужчина, он военный, он верующий, он знает, что надо защищать народ, — говорит тетя Люба.

Она заварила и разлила по чашкам чай, Сергей достал печенье. На улице и в квартире было уже тепло, на дворе стоял апрель. От горячего чая бросило в жар.

— Он так изменился, когда вступил в ополчение. У него поменялось лицо, стало более худым и измученным. Лешенька говорил: «Мам, я такое видел...» Я его спрашивала, как же он это все переживает, а он говорил, что настроился и готов ко всему. Про ребят-сослуживцев Алеша говорил: «Ма, они мужики такие здоровые и сильные, а все равно как дети. Они верят в лучшее, надеются на победу. Я с ними просто душой отдыхаю». Он очень гордился ими. Как орлы слетелись, их никто не гнал на тот момент, они сами шли воевать.

— Почему он пошел в ополчение? — продолжала она. — Леша служил в ВДВ, у него была подготовка, он умел воевать. В жизни у него всякое было. И вот он вернулся домой и увидел здесь чистых и самоотверженных людей, он просто удивлен был. Выйдешь, говорит, на передовую, там ребята сидят в окопах, замерзли, в любой момент их могут убить, а все равно улыбаются, шутят, разговаривают. Это и есть русский дух, который хотят уничтожить. Но Матерь Божья хранит нас.

Сергей встал и прикрыл форточку, так как по спине тянуло прохладным весенним воздухом. А в квартире стало еще жарче.

— Он помогал мне растить младшего сына. Алеша рано потерял отца, но стал для меня надежной опорой. Он везде и во всем был надежный. Для младшенького он был как отец. Алешка внимательный и терпеливый, он может долго сидеть заниматься. Всегда и во всем стоит за справедливость. Если нужно за человека заступиться, то он поднимается и заступается, даже если при этом

может потерять что-то. У него нет страха. Как-то гулял он по городу с женой. Вдруг стали к нему два лба здоровых приставать. Он им улыбнулся, по-хорошему что-то ответил. А они давай к жене приставать, за руки хватать. Через мгновение они уже лежали на земле. Он же в армии служил, очень сильным был. Ему Господь такое дал. Каждому Господь дает свое. И на этом поприще человек должен работать на совесть.

Еще такой момент очень характеризует Лешу. Он же в «Беркуте» служил. Страдал после каждого случая, если приходилось кого-то бить или еще что-то. Он от этого очень переживал. Есть люди, которым это в удовольствие. Но не ему. Леша говорил: «Если я этого не сделаю, то подставлю своего товарища». И потом он решил уйти, не смог там быть, потому что для него это было очень тяжело. Он очень тянулся к светлому.

Но когда «Беркут» начали в Киеве жечь и избивать, убивать их, он сразу загорелся, ему стало обидно за них. Да не может быть, говорит, такого. Если бы приказ отдали, то «беркутовцы» сразу всех на место поставили бы. Они свое дело знают, тут что-то не так. Он бы никогда не купился на этот Майдан, да и никто у нас в семье не купился...

После института он со своей группой поехал в Одессу золотить оперный театр, это наши ребята всю эту красоту делали. Леша предложил младшему брату, который только окончил школу, поехать вместе с ними. Тот согласился, но сперва у него не получалось, он чуть ли не плакал там. А Леша ему говорит: «Как хочешь, но ты мой брат и ты меня не должен подвести». В итоге он научился благодаря Алеше. После этого младший в Краматорске полностью золотил церковь. И обрамление, и киот они сделали. Это Алеша его научил, и оставил такой след в жизни.

Литвинов слушал воспоминания тети Любы о погибшем сыне. Ему хотелось взять ее за руку. Уже больше двух

лет прошло с момента гибели Алексея. Она отойдет. Со временем. Сергей верил в это.

— Я его спрашиваю: «Как ты это переносишь?» А он говорит: «Мама, я уже настроился. Мы все уже настроились реагировать нормально. Мы должны это сделать».

У нас дома умер один человек, молодой человек. Стали просить, чтобы похоронили, потому что кругом стреляли, выйти невозможно, больница отказывалась, говорят: «Идите к ополченцам». А ополченцы — это же дети наши. И Леша помог похоронить его. Он еще в таком непонимании был от того, что бросали стариков. Сколько было в городе одиноких брошенных и немощных стариков... Они просто не могли себя сами обслужить. И наши ребята за них все делали, всю грязную, как говорится, работу выполняли. А ведь ее никто не видел, она никого не касается, но ее кто-то делал. Он шел, зная, что рядом пули свистят. Думала, что отмолим у Господа, выпросим у Него, чтобы не погиб, живым вернулся мой Алешенька. Мы же семья православная, верующая...

Она говорила еще много вещей, которые беспокоят душу. Осенью Леша хотел уйти из ополчения, но заключил контракт на дальнейшую службу. А она не настояла, чтобы он ушел... Никто не знает, какой путь пройдет человек и как он его пройдет.

Сергей подумал о том, что в ополчении было и есть много разных людей, не всегда встречаются достойные, идейные и чистые. Святых еще не встречал. Но Леша... Конечно, он не был святым. Но Литвинову показалось, что такие, как он, стоят на ступень ближе всех остальных к Господу.

Журналист шел вдоль трамвайных путей, за спиной сиял купол церкви. И как писать об этом? Слишком много всего было в разговоре. Сколько лет еще будет тлеть этот конфликт, то разгораясь в связи с внешнеполитическими обстоятельствами, то внезапно затухая? Сергей

размышлял над этим по пути домой. Хотелось напиться до беспамятства, проснуться утром и почувствовать себя более новым, более легким, чем сейчас.

Она осталась совсем одна. Младший уехал еще до войны, а старший... Старший погиб. Сереге хотелось верить, что у нее есть смысл жить дальше, и она справится с тяжелой потерей. Православным остается лишь смирение. Леша всегда будет рядом с ней. Дома хранятся его фотографии, письма из армии, короткие стихи для любимой мамы. Она будет пересматривать и перечитывать их, вспоминать счастливые дни его детства.

* * *

Погода все улучшалась и улучшалась. Весна отогревала. Литвинов сбросил куртку, будто вылез из панциря, и ходил теперь в толстовке, погода уже позволяла. Ароматы цветущих абрикосов возвращали в юность, когда так хотелось в кого-нибудь влюбиться.

Он подошел к прилавку на рынке, чтобы купить домой овощей. Все было каким-то неприглядным и выглядело невкусным.

— Дяденька, купите пирожок, — услышал он тонкий детский голос сбоку. Сергей повернулся и посмотрел на лохматого мальчишку.

— Пойдем, тут рядом чебуречная.

Журналист хлопнул ребенка по плечу, и вместе они направились к ларьку. Серега купил несколько пирожков с капустой и картошкой. Присели на лавку. Рядом балагурили мужики, периодически доставали из кармана небольшую бутылку водки и, оглядываясь, выпивали.

— Спасибо, дядя.

— Да не за что. Ешь на здоровье. Как тебя звать?

— Илья, — мальчишка жадно уплетал за обе щеки пирожки. Ему было лет восемь или девять. Он не походил на бродягу, одежда на нем была чистой, хоть и не новой.

— А родители твои где?

— Мама на работе, сестра в детском садике. А я в школу не пошел. Не хочу.

Литвинов не стал толкать нравоучительные речи, чтобы вдохновить мальца к учебе.

— Я, например, плохо учился в школе. И ничего... Но родился, и жил я, и выжил, — сказал Сергей и автоматически добавил. — Дом на Первой Мещанской в конце.

Ребенок, очевидно, был очень голодным, он быстро съел два пирожка, и теперь, казалось, был полностью доволен жизнью. Литвинов незаметно улыбнулся.

— А отец твой где?

— Папа... Он ушел воевать.

— В ополчении, стало быть.

— Нет, дядя. Он за Украину воюет.

Одна из тысяч историй о распавшихся семьях и сложно переплетенных судьбах. Сколько таких уже слышал Сергей? Добрую сотню. И по-прежнему эти истории не оставляют сердце спокойным.

— Сейчас, подожди. Посиди тут, — сказал Литвинов.

Он отправился в супермаркет и вернулся с пакетом, в котором лежали продукты.

— На вот, возьми. Маме домой отнесешь.

Мальчишка не упирался и сразу взял пакет, но даже не стал смотреть, что было внутри. Он был рад всему съестному. Сергей чувствовал себя очень неловко. Добрые дела, наверное, всегда делаются с таким чувством, подумал журналист.

* * *

Летом солнце встает рано и заставляет подниматься других. Литвинов проснулся в полшестого и понял, что уже не уснет. «Что делать в такую рань?» — посетовал он. Принял душ, сбросил с себя сон. На кухне заварил крепкий кофе и вышел покурить на балкон. Город только просыпался, ездили первые маршрутки. Было прохладно.

Кофе согрел грудь и желудок. Первая затяжка вернула вкус к жизни. Все-таки хорошо вот так стоять летним утром на балконе, пить кофе и курить сигарету. Чувствуешь себя крутым. И пусть в сейфе нет миллионов, да и самого сейфа тоже нет, но в этот момент ощущаешь себя на вершине мира. Хотя бы на пару минут.

Людей на улице почти не было. Все еще спали или едва начинали просыпаться. Только какой-то парень копошился возле соседнего подъезда. Сергей присмотрелся и заметил, что незнакомец разглаживает какую-то бумажку на доске объявлений. Тот, подчинившись шестому чувству, повернул голову и увидел Литвинова. Незнакомец начал спешно уходить. Сергей запомнил только темно-синюю футболку с гербом какой-то футбольной команды, в которых он не разбирался. «Странный тип», — подумал журналист. И вдруг его осенило. Он перегнулся через перила, чтобы лучше разглядеть доску объявлений. На ней появилась листовка, точно такая же, какую он сорвал у своего подъезда больше месяца назад. «Интересненько», — хмыкнул Серый. Сделал глубокую затяжку, запив дым крепким кофе. Впереди ждал стандартный рабочий день.

Литвинов приехал на работу и узнал, что ночью обстреляли Красный Яр — одну из окраин города. Здесь в основном были частные дома и дачные участки. Срочно требовалось ехать туда. Дорога заняла менее получаса. По пути Серега думал о том, когда все это прекратится. Должно же когда-то. Три года идет война. Это много или мало? Он вспомнил лето четырнадцатого года. Попробуй недельку посидеть под обстрелом. Может, тогда скажешь. «Как все это затянулось. Ведь по-другому все должно было быть», — сетовал мысленно журналист. Сколько вообще длятся войны? Бывает и так, что десятки лет. Ему захотелось лечь в египетский саркофаг, притвориться фараоном, но проснуться в ту первую минуту, когда объявят, что война окончилась. Когда отдерут от подошвы эту приставучую жвачку трагедий и потерь.

В поселке уже вовсю работали сотрудники МЧС, они осматривали места, куда упали снаряды, делали фотографии. Снаряды повредили несколько домов и линию электропередач. Литвинов надеялся, что никто не погиб. Он подошел к одному из жилищ. Рядом беспорядочно валялся хлам. Неясно, всегда ли он тут лежал или появился из-за обстрела. Крыша дома была пробита, торчали балки, часть шифера еще держалась. Стекла, словно блестящая роса, усыпали молодую траву. Взрывной волной вынесло рамы. Сергей подошел и увидел на них кровь. Позже он узнал, что при обстреле пострадали два человека. К счастью, ранения их были легкими и ничто не угрожало жизни.

Рядом ходили соседи, собирали какие-то вещи, оказавшиеся вне дома. Пожарные потушили почти все постройки, но сарай еще немного тлел, — вверх уходила струйка черного дыма. Неподалёку играли дети. «Привыкшие, — подумал Сергей. — Может, в детстве оно легче переносится?»

Потом подошел представитель Народной милиции. Он поделился с журналистами оперативной информацией, которая была известна на данный момент. Обстрел начался не ночью, как сказали в редакции, а под утро. По поселку выпустили около десятка 120-мм снарядов. Они попали в три двора, повредив два дома и хозпостройку. Несколько снарядов упали на одну из улиц и повредили столбы с проводами. Есть угроза, что один из них может упасть на жилой дом. Поэтому улицу обесточили, сотрудники МЧС и электрики сейчас осуществляют необходимые работы, чтобы устранить неполадки. Во время обстрела пострадала пожилая женщина, которая самостоятельно не передвигается. Она получила контузию, ее госпитализировали. Также пострадала женщина 1979 года рождения, ее взрывной волной выбросило из дома. «Наверное, это ее кровь была на тех оконных рамах», — подумал Сергей. Пострадавшую осмотрели медики, женщина получила ушибы и гематому.

По словам представителя Народной милиции, обстановка на линии разграничения обострилась. За прошедшие сутки по территории республики было выпущено 347 снарядов, пострадали не только военные, но и несколько мирных граждан в других населенных пунктах, в районе Кировска и Калиново. Украинские солдаты вели огонь из артиллерийских орудий, вооружения БМП, гранатометов и стрелкового оружия.

«Вот такие пирожки с котятами», — вспомнил Сергей бабушкину присказку. Он тяжело вздохнул. Переносить такие новости каждый день, пропускать их через себя было непросто, как набрать в дуршлаг воды. Однажды Литвинов поймал себя на мысли, что эта война постепенно отнимает у него годы жизни. Кто-то печется о размере пенсий, он же с какого-то момента начал чувствовать, что до пенсии не доживет. Эта затянувшаяся война в Донбассе со временем закончится, но через годы придет новая, разгорится очередной конфликт, от которого Сергей не сможет остаться в стороне. И жизненные силы будут постепенно покидать его.

Журналист присел на лавочку возле соседнего дома, достал пачку сигарет. Раньше он курил Camel, но теперь в Луганске их практически не продавали. Появилось много других марок. Вот и приходилось курить непривычные по вкусу опилки. Сергей затянулся, дым заполнил все внутри, он закашлялся.

Сверху на происходящее глазело солнышко. Не особо разбирая, кто прав, а кто виноват в этом конфликте, оно улыбалось всем.

«Вот бы искупаться сейчас в пруду», — подумал Литвинов. На душе по привычке было противно. Давило сердце.

Надо возвращаться в редакцию. Он огляделся вокруг. Старые домики еле стояли. А тут их еще и обстреливают, чуть ли не каждый день. Сколько они еще выдержат?

* * *

Он не успел долго поработать в редакции, как снова надо было ехать на мероприятие. На этот раз — спорт. Ну, отлично. Хоть что-то позитивное, а то сплошная депрессия. «Когда же я все это отписать успею?» — хмыкнул Сергей.

До центра ехать недалеко. Кажется, что в Луганске вообще все рядом. Брифинг был посвящен участию местных молодых спортсменов в чемпионате России по боксу. Прошел через охрану, которая постоянно проверяла его, несмотря на то, что хорошо знала. Поднялся на четвертый этаж, вошел в конференц-зал. Многие коллеги уже собрались. Он уселся с краю, достал диктофон и фотоаппарат. Почувствовал на себе взгляд. Это была Валерия. Она смотрела на него грозно. Почему, чем вызвано ее недовольство? Все очень просто — он не заметил ее, когда вошел. А значит, уже провинился. Сергей попытался улыбнуться ей, но Лера демонстративно дернула головой и отвернулась. До чего обидчивый народ эти девушки.

После брифинга Литвинов спускался на первый этаж.

— Эй, господин журналист, — Валерия смотрела на него сверху. На лице у нее сияла улыбка.

Вот... как? Только она обижалась, и уже в хорошем настроении?

— Лучше уж, товарищ журналист, — усмехнулся он.

Она грациозно спустилась со ступенек, и они поравнялись. Сергей ощутил ее цветочное дыхание.

— Ты меня избегаешь? — серьезно спросила она.

— Нет, конечно, Лера. Что за глупости?

— А чего же тогда...

— Да просто хотел побыть один немного.

— Ну и как? Не надоело одиночество? — она резко притянула Литвинова к себе, затем развернула и прижала к стене. — А то мне...

Ее губы были слишком близко к его лицу. Он ощутил прилив. Такое испытываешь, когда рядом стреляет

артиллерия. Горячая волна пробежалась по телу. И не подростки уже давно, а чувства вдруг... Может война тому виной? Два одиночества нашли друг друга? Сергей уже хотел притянуть ее к себе, чтобы поцеловать, но оба услышали шаги спускающихся сверху коллег. Отстранились. И в этом тоже был свой шарм. Они не афишировали отношения.

— Да, ну наши хоккеисты молодцы вообще, завоевали медали, — громко сказал Литвинов.

— В смысле, боксеры? — поправила Валерия.

— Да, боксеры. Красавчики ребята.

Коллеги ехидно усмехнулись. Секрет полишинеля, что эти двое неравнодушны друг к другу.

Зайдя за угол здания, она взяла его за руку, крепко сжала.

— Ты сегодня приедешь? — ее светло-зеленые глаза показались большими, смотрели с мольбой.

— Вообще я к родителям собирался заехать... Но, если ты хочешь, то я...

— Конечно, хочу, — она дала ему легкий подзатыльник. Мол, дурак, ты, Серега, когда я не хотела?

— Тогда я у тебя останусь? — вопросительно протянул он.

— Да, конечно.

И они разошлись в разные стороны — она пошла к центральному рынку, а он вниз, в сторону краеведческого музея. Хорошо было на улице, не жарко и не холодно. Приятно. Как поцелуй Леры. Со стороны могло показаться, что он пренебрегает отношениями с ней, но это было не так. Он просто боялся показать свои эмоции лишний раз, старался казаться спокойным и даже безразличным. Все это было банально, как стриптизерша на мальчишнике. На самом деле внутри у него цвела весна, когда Лерка была рядом.

Впрочем, Леркой ее и не назовешь — она была старше более чем на десять лет. Хотя девчонки — они в любом возрасте девчонки.

Он доделывал работу, засидевшись в редакции дольше обычного. За окном немного потемнело, приближались приятные летние сумерки. Литвинов взглянул на часы. Удивившись скоротечности времени, схватил сумку и побрел к остановке.

Серега залил горячей водой растворимый кофе, по пути на балкон взял из пачки сигарету. Лера, отдохнув немного, пока кипятилась вода, встала и накинула на себя тонкий халатик.

— Дай затянуться, — попросила она на балконе. Сергей поднес к ее губам сигарету. Лера сделала глубокую затяжку, выпустила клубы дыма. Это не перебило ее цветочный запах.

— Кофе? — предложил он.

— Нет, спасибо.

Город уже спал. Вот-вот выключат фонари, и станет совсем темно. Ездили таксисты, развозили запоздалых пассажиров. Сейчас начнется комендантский час.

— До сих пор не могу привыкнуть к тому, что гулять можно только до одиннадцати вечера, — сказал он после того, как сделал глоток кофе.

— Да, признаки военного времени, — грустно протянула она.

— А ты любила тусоваться?

— В университете был период. Я тихоней была в школе, у меня почти не было друзей. А когда стала студенткой, то позволила себе немного погулять. Но на четвертом курсе познакомилась с парнем. И все пьянки и походы в клубы прекратились. Остались редкие и скучные посиделки с однокурсницами.

— Ты была замужем?

— Была.

— И как?

— Нормально.

— А чего же расстались?

— Я детей ему не хотела рожать.

Фонари отключились. Далеко за городом раздался взрыв. Затем еще один. И еще.

— Ты у меня интервью пытаешься взять? — засмеялась Лерка.

— Да, — подтвердил Сергей. — Только ты замкнутый собеседник.

— Так ты расположи меня к себе, — парировала журналистка.

— Опять? — ухмыльнулся он. — Тебя домогались на работе?

— Да, иногда бывали случаи. А тебя?

— Ну, если не считать тебя, то нет.

— Не поверю, проказник.

— Чего ты со мной возишься? — задумался вслух Литвинов. — Я же тебе толком ничего не могу дать.

— А мне и не надо ничего. Все, что было, то прошло.

— Я думал, что все девушки хотят семью, детей.

— Я уже перегорела этим. Я хотела когда-то, но жизнь так сложилась.

— Ты чувствуешь себя одинокой?

— Каждую минуту.

— Тогда почему не заведешь кошек?

Она легонько хлопнула его по плечу. Он взял ее руку и начал целовать. Валерия провела ладонью по его волосам в том месте, где была яркая седая прядь, которая виднелась даже в темноте.

Обнявшись, они лежали на мягкой кровати. Прохладный воздух, не спрашивая, заходил через открытый балкон. Ночь была светла благодаря Луне, которая следила за спокойствием этой части мира, пока Солнце грело другое полушарие.

— Завтра рано вставать. Ты же едешь в Кировск?

— А что там?

— Отремонтировали больницу или школу. Не помню.

— Нет, не еду. Я могу поспать подольше.

* * *

На выходных Сергей решил покататься на велосипеде, чтобы поддерживать себя в форме. Хотя это громко сказано. Он принял душ и вывел железного коня на улицу. Солнце только выходило из-за горизонта, воздух еще не прогрелся. Литвинов предусмотрительно накинул ветровку, чтоб не замерзнуть.

Ветер обдувал лицо, голова замерзла почти сразу же. Но через несколько минут тело разогрелось, вспотело. Внимательно оглядевшись, Серега выехал на проезжую часть. В такое раннее время можно не опасаться машин. Широкая и длинная дорога. Как же это круто! Силы то уходили из его тела, то снова возвращались, сердце активно стучало, от нагрузки начали болеть запястья. Он оказался на окраине города и развернулся, чтобы поехать в сторону рынка. Какое же это наслаждение кататься на велосипеде! Как хотелось отправиться в долгое путешествие по просторам России... Но не прокатавшись и получаса, Сергей почувствовал, что дальше уже не может ехать. Сердце вылетало из груди, а ноги стало ломить от усталости. Постепенно замедлил темп езды, перейдя на прогулочную скорость. Хотелось пить, он решил, что остановится в районе рынка, сделает небольшую передышку.

В столь раннее время еще никто не торговал, модули и магазинчики были закрыты. Уже начали ездить первые автобусы. Сергей свернул в проезд и, преодолев еще метров сто, оказался возле тех лавочек, на которых он сидел с незнакомым пацаненком и кормил его пирожками. Рядом делали пристройку, возле здания лежала груда кирпичей. «Удивительно, что еще никто не стащил. У нас народ ушлый!» — мелькнула у Литвинова мысль. Он остановился рядом, облокотил велосипед на пристройку, а сам попытался отдышаться. Когда, наконец, удалось совладать с дыханием, достал из рюкзака бутылку воды. Руки немного

дрожали от напряжения после езды, по-прежнему болели запястья. Из-за этого Серега уронил пробку прямо в груду кирпичей. «Твою же мать!» — выругался он. Не выбрасывать же бутылку. Журналист присел и откинул пару белых кирпичей.

Интуиция внезапно забила тревогу. Литвинов не понял, в чем дело. Он заметил что-то необычное, какой-то темный предмет, покоившийся между кирпичами. Лучи солнца упали под нужным углом, и Сергей увидел, что в груде стройматериалов лежит граната. Он не поверил своим глазам. Секунду спустя напомнил себе, что сейчас идет пусть и не такая активная, но все же война. Литвинов осторожно, не смея больше трогать кирпичи и совсем забыв о крышке, сделал несколько шагов назад. Затем достал из кармана мобильный и позвонил в полицию.

Присел на лавочку, закурил. Ноги не держали. Потом нервно засмеялся, сам даже не понимая почему. «Какое странное утро, — подумал журналист. — День начался очень удачно». Руки немного дрожали, и он не мог понять из-за чего именно — от физической нагрузки или нервов.

— У меня, наверное, сегодня второй день рождения, — сказал он вслух, хотя никого рядом не было. — Очень странное утро. Почему я вообще здесь оказался? Именно здесь. Я ведь мог дальше спать, часов до десяти. Выходной.

Сергей встрепенулся и огляделся вокруг. И понял. Кое-что он все-таки понял. Никого не было на рынке, но через час появятся уличные торговцы, через два часа откроются магазины и ларьки. Придут строители, чтобы продолжить свою работу. Люди приедут на рынок... Удачное место подобрали, ничего не скажешь.

— Вот уроды, уроды проклятые, — процедил сквозь зубы журналист.

Минут через пять прибыли правоохранители, — отделение находилось совсем недалеко. Они оцепили

место происшествия. Вскоре приехали и сотрудники МЧС. Полицейские записали данные Литвинова, узнали, что он работает журналистом, и сказали, что ему лучше уйти отсюда, так как сейчас будут проводиться работы по разминированию.

— Мужики, а велик?

Один из полицейских подвел к нему велосипед.

— Езжай, спортсмен.

Серега поехал по дворам и выехал на большую дорогу, ведущую в центр. Разогнавшись на спуске, дал волю скорости. Хотел как можно скорее уехать отсюда.

Начинался новый день.

* * *

Вечером Валерия услышала звонок в дверь. Гостей она не ждала, подумала, что соседи чего-то хотят. Тихо прокралась к двери, пытаясь не выдать шумом свое присутствие. Посмотрела в глазок. За дверью стоял знакомый силуэт.

— Кто там? — решилась спросить она.

— Открывай уже, а то прячешься в своем гнезде.

Лера включила свет в коридоре и открыла дверь.

— Чего это ты нежданно-негаданно? — немного ехидно произнесла она. — Соскучился, что ли?

— Лерка, а поехали на море? — предложил Сергей.

Она изменилась в лице от удивления.

— На море?

— Ты не хочешь? Я отпросился с работы. Шеф дал неделю отпуска. И тебя, если надо, отпросим. Поедешь?

— Это неожиданное предложение, — отозвалась Лера. — Я как-то даже не рассчитывала.

— Какая разница, рассчитывала или нет, — немного раздраженно отозвался Литвинов.

— Ну, отпроситься с работы я, в принципе, могу... Но вот...

— Что вы, тетя, мнетесь? В чем дело? Если в деньгах, то не парься вообще. У меня есть. Я насобирал.

— Неожиданное просто предложение. Я согласна! — обняла его Лерка.

— Вот и отлично. Но что-то ты долго думала... Может, ты с кем другим хотела?

— Да нет! Я просто пыталась обдумать все.

Они начали целоваться в коридоре, перешли в спальню. Она ловко сняла одежду с себя, а после этого раздела и Сергея...

— У тебя было много девушек? — она уже давно хотела спросить его об этом. Лера была жуткой собственницей, но пыталась не показывать этого. Она украдкой следила за тем, как Сергей во время мероприятий общается с другими девушками. И успокаивалась, когда не находила в его поведении никакого флирта и заигрываний по отношению к другим.

— Нет, совсем немного.

— Сколько? — не унималась она.

— Это не имеет значения. У меня на любовном фронте сплошные поражения.

— А я? Тоже твой проигрыш?

— Я не могу понять. Я не пойму, зачем я тебе нужен. Встретились два одиночества? Но почему именно я? Что во мне особенного? Ты очень красивая, мне кажется, любой захотел бы быть с тобой. И не похожа на тех, с кем я был раньше.

Ответ удовлетворил Валерию.

— Я с тобой, — отозвалась она, — потому что в тебе есть какая-то изюминка. Ты необычный. Хотя с виду — серый и невзрачный. Но бывает, на тебя так странно падают солнечные лучи и превращают совершенно в другого человека. Помнишь сказку про царевну-лягушку?

— Вот спасибо. С лягушкой, да еще и царевной, меня никто не сравнивал.

Оба рассмеялись.

— Я имею в виду, что ты неограненный алмаз. Или как-то так. А еще я чувствую, что ты мой. Не могу это толком объяснить.

Серега задумался. Он испытывал похожие чувства. Они вышли на балкон. Вечер был теплым и приветливым, еще сверкали огоньки в чужих окнах, по карнизам топали голуби, поссорившиеся кошки орали друг на друга. Горожане бродили по улицам, а возле дома даже играла детвора, до последнего не желавшая идти домой к домашним заданиям и ужину. В беседке возле дороги пили водку пенсионеры, яркая лампочка над ними позволяла играть в домино даже вечером. Обычные картины жизни района. Но еще полчаса — и на улицах останутся только патрули, которые будут доставлять в отделение всех прохожих и гуляк, забывших про комендантский час.

— Я вчера катался на велосипеде у нас по востоку и нашел гранату.

— Ты серьезно? — округлила глаза Лерка.

— Да. Поэтому будь осторожна. Всегда смотри под ноги. И лучше вообще не гуляй там, где массовые скопления людей. Я у пацанов выяснил, что за последнее время много находят растяжек. Даже противопехотную мину нашли возле школы.

— Война ведь продолжается.

— Да, как-то она затянулась слишком, — ответил Сергей.

— Бывает и дольше.

— Лерка, за эти годы я забыл, какая она, нормальная жизнь. Когда война началась, я ведь пацаном еще был... Поэтому и хочу на море, хочу посмотреть на мирную землю, какой был Донбасс до войны. Хочу увидеть людей, на лицах которых нет печали и горя.

— Да, кстати, так куда мы поедем? — Лерка перевела тему, она не любила, когда Сергей загонял себя и ее в депрессию.

— Я думал над этим. И принял решение — мы отправимся в Новороссийск.

— Классно! — вскрикнула Валерия. — Я никогда не была в Новороссийске!

— Да, и я тоже. А где ты была на море?

— В Ялту каталась два раза. Но это было более десяти лет назад.

— А я один раз в Севастополе был. Семь лет назад, как время летит... Я еще раз хочу побывать в этом городе, — на Сергея освежающей волной накатили воспоминания. — Он восхитителен. У него неповторимая атмосфера. Просто вдумайся: ты можешь пройти теми тропинками, которыми великие люди ходили там тысячу лет назад. Меня больше всего впечатлили развалины Херсонеса. Я с детства по всяким стройкам люблю лазить, а там — руины древнего греческого города. Когда уезжал оттуда, то дал себе слово, что обязательно вернусь в Севастополь.

— Так может быть туда поедем?

— Я рассматривал такой вариант. По территории Украины нам с тобой нельзя ехать, а в объезд через Керчь это долго. Ехать куда-то в маленький поселок, чтобы просто валяться на пляже, я не хочу, я люблю активный отдых. В Сочи после Олимпиады будет, скорее всего, дорого. Поэтому из более-менее больших городов на побережье Черного моря остаются Анапа, Геленджик и Новороссийск. На нем я и остановил свой выбор.

— Мне вообще все равно. Мы ведь с тобой ни разу не путешествовали вместе. Я бы и на речку согласилась поехать, — рассмеялась Лера. — От тебя и этого не дождешься!

— Ты сейчас договоришься! — с наигранной надменностью поднял подбородок Сергей. — Будешь в постели отрабатывать.

— А я и не против, между прочим.

На следующий день Валерия отпросилась с работы. Ее без проблем отпустили, хотя главред и поворчал, мол, работать некому, остались практически одни

стажеры-студенты. И Сергей с Леркой начали собираться в дорогу. Он настоял, что нужно брать минимум вещей. Валерия все же взяла теплую кофту и зонт. Литвинов же умудрился свои пожитки вместить в обычный рюкзак, с которым ходил на работу.

— Это вы, девушки, пользуетесь тоннами косметики. А мужику, что главное? Чтобы была пара трусов и пара носков. И в путь.

Уже вечером они стояли на границе с Россией. Таможню прошли быстро, за два часа. И автобус отправился прямиком в Новороссийск. Ехать ночью — сплошное наслаждение. За окнами мелькает темная дорога, водитель иногда сигналит перебегающим лисам, то и дело появляются незнакомые населенные пункты, которые мирно спят, в темноте можно разглядеть и далекие поселки, отдающие свой электрический свет небу. Трасса хорошо освещена, работают ночные кафе, отели и гостиницы, движение по федеральной дороге не затихает никогда. И никакого комендантского часа.

Лера свернулась комочком и пристроилась на Серегином плече. Тарахтящий автобус и вертикальное положение не мешали ей спать. Он тоже дремал, но то и дело просыпался. Часа в три ночи автобус сделал остановку, и Литвинов решил выйти покурить. Рядом стояли водители и еще пара пассажиров. Размял ноги, походил вокруг автобуса и даже пару раз присел, — тело затекло, и сейчас очень хотелось пробежать стометровку. Сергей иронично заметил, что наверняка не уложился бы и в школьный норматив. Хорошо освещенная трасса уходила вдаль, машины быстро пролетали мимо припаркованного автобуса. Спокойная ночь, которой можно не бояться. Поля без мин, тихий сон мирных поселков, не знающих, что такое грохот артиллерии, — бескрайнее пространство России, у которого нет начала и никогда не будет конца.

Рано утром проехали Краснодар, показавшийся Сергею и Лере, которой не спалось, очень красивым и нарядным городом.

— Мы обязательно должны погулять здесь, — предложила она.

— Как-нибудь приедем на выходные.

На въезде в Новороссийск была длинная пробка, образовавшаяся из-за большегрузов. Въезжали в город более часа.

— Смотри, как красиво! Горы! — показывала Лерка пальцем в окно.

Уставший после долгой дороги Сергей растянулся в кресле — миссия выполнена, они добрались. И можно было наслаждаться красотой здешних пейзажей и теплым солнцем.

— Какие наши степи скудные по сравнению со всем этим! — то и дело восклицала она.

— Ты как будто никогда не видела гор.

— А я впечатлительная. Мне нравится здесь, — парировала Лера.

Квартиру сняли недалеко от моря в районе плацдарма Малая земля. Пару часов подремали, и после обеда вышли прогуляться по новому городу, который возник в их жизни.

— Как здесь классно!

Вышли на набережную и совсем рядом увидели море, — сразу захотелось прикоснуться к нему, ощутить его прохладу. В одном из магазинчиков по пути купили бутылку вина. Сошли с набережной и спустились к воде, где на берегу лежали галька и большие валуны. Облюбовали один из них, — пили вино до позднего вечера. В первый день отдыха так и не искупались в море.

Новороссийск принес им хорошие впечатления. Сергея радовала курортная атмосфера, толпы беззаботных отдыхающих. Должно же на Земле быть место, где можно оставить все переживания? Море отлично подходило для этого.

Весь следующий день они провели на Суджукской косе, купались, валялись на лежаках в тени зонта, обедали в кафе, выпили пару алкогольных коктейлей, критиковали памятник Андрею Миронову, восхищались пейзажем. Синее море выплескивалось на берег, слева была бухта и порт, грузовые корабли приплывали и отправлялись в далекие страны, вокруг возвышались горы, где-то покрытые зеленью, а в некоторых местах белые от мела. Сергей много плавал, постоянно замерзал от того, что долго находился в воде.

— Да у тебя губы сейчас посинеют! Хватит трястись, — она укутала его в полотенце и начала растирать.

— Я просто по морю очень соскучился.

— Да накупаешься еще...

— А вдруг нет?

— Не мели ерунды.

Под вечер они прошлись по косе. Да, природа — лучший архитектор.

Увидев баскетбольные площадки, Сергей захотел поиграть, но постеснялся подходить к игравшей молодежи.

— Ты же журналист!

— Я стеснительный журналист!

Она обнимала его, дарила теплые поцелуи, — и каждый из них был благодарностью: «Спасибо за то, что подарил мне море». Они очаровывались Новороссийском с каждым днем все больше. Не сидели на месте, и посетили, как им казалось, практически все достопримечательности.

Как-то отправились вечером на гору Семь ветров, полюбоваться с огромной высоты красотой ночного города. Внизу горели сотни огоньков, отражались в темной воде. Зрелище было очаровательным и захватывающим дух. Полюбился им пляж Мысхако, даже лазили на гору, возвышающуюся справа. Здесь они стали ближе к солнцу и облакам. Внизу на диком пляже плескались нудисты. По крайней мере, Сергею так показалось.

Они вернулись на пляж, вспотевшие от горной прогулки. Литвинов, разгоряченный южным солнцем, зашел по колено в воду, ощутив блаженство, снимающее усталость. Прямо в шортах и майке он нырнул и выплыл через пару метров.

— Вот что значит освежиться! — крикнул он.

Лера сбросила прозрачное парео и осталась в темно-синем купальнике. Последовала за ним. Они обнимались и целовались в воде. Волны приносили медуз, Серега усердно их отбрасывал, но все тщетно. Наверное, шторм был неподалеку.

— Вот бы увидеть большую рыбеху! — сказала Лерка на берегу.

— Можем вечером в дельфинарий сходить, — быстро отозвался Сергей. С одежды стекала вода, он выжимал шорты и майку. Солнце сразу пригрело, теплый кубанский ветер просушивал тряпки.

Дни тянулись медленно. Они были насыщены впечатлениями. Влюбленные изучали город, подмечали его особенности, любовались достопримечательностями, разговаривали об истории и личностях, гуляли по улицам Новороссийска, тратя на это уйму времени. Улочки были совсем не похожи на луганские, и хотелось впитать эти отличия, запомнить их, чтобы потом воспроизводить в памяти.

На одной из центральных улиц возле набережной, пока Сергей покупал мороженое, Лера засмотрелась на летнее платье, выставленное в витрине одного из бутиков. Он подошел и, заметив ее взгляд, предложил пойти и купить его. Она сначала отказывалась.

— Давай его тебе куплю! — стал настаивать Литвинов. — Я только сейчас осознал, что никогда не делал тебе подарков. На тебе это платье будет смотреться очень красиво. Надо же что-то привезти на память из Новороссийска.

Она не сразу, но поддалась на его уговоры, — и уже вечером вышла на прогулку в новом легком платье.

Лера и Сергей становились ближе, узнавали друг друга. Их отношения начались не так давно, с начала этого года, когда Валерия, выходя с очередного заседания Народного Совета, поскользнулась и чуть не упала. Сергей вовремя ее подхватил. Он притянул ее к себе, и оба почувствовали пусть не физическое тепло, ведь на улице было почти двадцать четыре градуса мороза, но душевное. После одного из мероприятий Лера намекнула на то, что не прочь сходить куда-нибудь, Серега пригласил ее, не питая особых надежд. Вечером они обсуждали последние новости республики, попивая коктейли за барной стойкой, но на следующем свидании уже целовались и почти не разговаривали. Отношения длились уже полгода, но влюбленные толком не знали ничего друг о друге. И только эта поездка на курорт сделала из них полноценную пару.

Раньше они не придавали значения разговорам, предпочитая физический аспект отношений между мужчиной и женщиной. Лера за долгие годы впервые нашла человека, с которым ей было комфортно. Он был симпатичен ей не столько внешне. Литвинов обладал какой-то аурой, и может даже харизмой. Он умел рассмешить. И не только пошлыми шутками. Хотя от них Лерка заводилась еще больше. И в какой-то момент взрослая и состоявшая в профессии женщина осознала, что влюбилась. Она преобразилась, и Сергей это заметил и оценил. Зимой Лера вела себя более сдержанно, сказались годы одиночества и неудачный любовный опыт.

В один из дней перед отъездом из Новороссийска они снова выбрались на пляж Мысхако, но уже ночью. Запаслись едой и местным недорогим вином, купленным днем в маленьком магазинчике. Таксист довез в одно мгновение, чуть не устроив две аварии, хотя его никто не просил так гнать автомобиль.

Морская вода потеряла свой синий цвет, заполнившись чернотой. Если посмотреть дальше, то ничего

увидеть невозможно, лишь слева в городе мигали огоньки. Слышался шум прибоя от озорных волн и шипучей пены. Сергей ощутил на щиколотках набегавшую теплую воду. Это ощущение было еще приятнее, чем днем. Мелкая галька была прохладной, остывшей. Они притащили лежаки, которые в дневное время сдавались в аренду за деньги. Сейчас их можно было взять абсолютно бесплатно. Завалились на них, укутавшись в большие полотенца, и стали пить вино, оказавшееся неожиданно ароматным и сладким, из мягких пластиковых стаканчиков. Сокрушались, что нет настоящих бокалов, в которых оно, несомненно, стало бы еще вкуснее. Болтали и глазели на ночное небо. Вверху звезды, неизвестные созвездия... Влияют ли они хоть как-то на нашу жизнь?

— Чувствуешь себя королем? — в пустоте пляжа раздался звонкий девчачий голосок Леры.

— Ага! — рассмеялся Сергей. — Хорошо здесь. Открытое море, а дальше — Турция, пролив, Средиземное море, Греция, Италия, Египет, Алжир. Хотел бы я увидеть другие страны, незнакомые культуры. Был бы я миллионером...

— Я бы не хотела посещать все эти знаменитые курорты. Я бы лучше отправилась в экспедицию на Северный полюс, на ледоколе поплавать. Или в джунгли Амазонки.

— Ты такая маленькая, что в джунглях тебя любая стрекоза сможет утащить. Ищи потом по всему континенту.

— Да ну тебя!

— Ты любишь экстрим?

— Я люблю безопасный экстрим, — ответила Лерка.

— Это как?

— Ну, так, чтобы ты был вроде в опасном месте, но при этом тебе ничего по-настоящему не угрожало. Ну, знаешь, как некоторые украинские генералы посещают

передовую. Вроде отметился, мол, был там, смельчак, вместе с солдатами в окопах. А на самом деле все было устроено так, что ему ничего не угрожало.

— Ну да... Я люблю пешие прогулки, активный отдых.

— Да, я заметила, мы много ходим в Новороссийске. У меня к концу дня ноги гудят, будто весь день за станком отработала.

— Давай помассажирую.

Лерка положила свои аккуратные ножки ему на колени, Сергей принялся их гладить и массировать, потом целовать.

— Ах ты, мелкий развратник, — прошептала она. — Ты мечтаешь о чем-нибудь?

— Раньше мечтал. А сейчас прожил день — уже радость.

— Например, много денег иметь? — гнула Лера свою линию.

— Разве это мечта? Это мелочь.

— Что тогда?

— Не знаю. Кроме банальностей ничего в голову не лезет. Оставить свой след в этом мире.

— Я в юности петь хотела. Оперной певицей стать. Но не повезло.

— Ну, ты всегда можешь читать рэп, — предложил Сергей. Лера глянула на него удивленно: — А чего? Все сейчас увлекаются этим. Даже наши. А чем ты хуже? Первая луганская журналистка-рэперша.

— Я тебе о серьезном, а ты, как всегда, ерундой страдаешь.

Серега открыл новую бутылку.

— Да я тоже серьезно. Я сам раньше писал стихи, до войны. Потом вдохновение ушло, и года четыре уже ни одной строчки. Давай создадим дуэт, как Лолита и Цекало?

— Ты уже в сопли напился, что ли? — засмеялась Лерка.

Море был теплым и приветливым. Сергей зашел по грудь в воду. Куда же делась здешняя привычная

синева? «Как странно купаться в черной воде», — подумалось ему. Он обернулся и увидел, что Лера тоже собирается искупаться. Она сняла купальник и сделала первые неуверенные шаги, соприкасаясь с ночным морем. Сейчас с нее можно было писать картину. Но Литвинов не умел.

— Только не заплывай далеко, — бросил ей. — В темноте трудно ориентироваться. Еще уплывешь в Турцию.

Ночное купание пошло на пользу — алкоголь выветрился. Они были один на один с реально Черным, неведомым морем. Вверху на расстоянии тысяч световых лет светят звезды. Тишину нарушают лишь неугомонные волны. Душа залечивала раны темной соленой водой.

Они вернулись на берег, когда увидели, как несколько собак подбежали к их вещам и начали рыться. Сергей прогнал незваных гостей. Снова устроились на лежаках, допивая вино, говорили ни о чем. Позже пришла еще одна компания, — они устроились на другом конце пляжа, и громко смеялись, — вероятно, что-то праздновали. Валерия надела купальник.

Через час Сергей и Лера увидели настоящее чудо. Явление, красоту которого не передать словами. Литвинов не думал, что это так необычно. Солнце показалось из-за горизонта, перед этим послав слабые лучи на разведку. Вся чернота ночи в считанные минуты исчезла, и снова появилось привычное сине-зеленое море, небо на глазах светлело.

— Вот это круто! — с волнением вскрикнул Сергей. — Я встречал рассветы, но не такие. Какая же красотища! На море все абсолютно другое: рассвет, дуновение ветра, шум листвы, дождь. Здесь намного сильнее все это чувствуется!

Лера согласно кивала головой.

— Помнишь, как в старом фильме с Тилем Швайгером? «На небе только и разговоров, что о море»? — говорил Сергей. — Вот откуда они это знают, как придумали

такое? Но мне кажется, что они правы. Ведь на небе и в самом деле очень любят моря и океаны, иначе не создали бы их такими красивыми.

Отпуск заканчивался. Возвращаться на работу не очень хотелось, но они уже соскучились по родным и близким. Да и по самому городу. Набравшись терпения и проведя в дороге шестнадцать часов, оба, уставшие, загорелые и переполненные впечатлениями, вернулись в Луганск.

На окраине города заметили несколько бронетранспортеров и танков, вокруг ходили военные с оружием. Обоим это сразу не понравилось. Было ясно: намечается что-то серьезное. До Сергея дошло, что за все время отдыха они с Лерой не следили за новостями и были не в курсе того, что происходит в Донбассе.

Они вышли в центре и, пройдя немного, снова увидели людей с автоматами. Дальше им запретили проходить, и пришлось перейти на другую сторону улицы. Оттуда они увидели, что центральный сквер огорожен, а памятник украинскому Кобзарю отсутствует на своем привычном месте. Рядом с раскуроченным постаментом валялись обломки камня, прикрытые камуфляжной сеткой.

Присели на лавочку покурить. Закурила даже Лера, хотя делала это очень редко. Приподнятое после отдыха настроение на глазах улетучивалось... Лерка поцеловала Серегу, но море вернуть не получилось... Она опять затянулась. На секунду ей показалось, что пахнет не сигаретами, а дымом пожарищ.

Оказалось, что диверсанты, так полюбившие портить памятники, на этот раз решили взорвать памятник Кобзарю. Это послужило поводом обвинить власти республики в вандализме, мол, это они на самом деле борются со всем украинским и снесли его чужими руками. Украинский президент в одном из европейских городов помахал фотографиями с разрушенным памятником писателю, чтобы заручиться поддержкой Запада.

Вскоре началось обострение на линии соприкосновения. Украинские войска заняли несколько поселков в серой зоне. Увеличилась интенсивность обстрелов республики.

— Мы снова дома, — горько улыбнулся Сергей.

На следующий день он вышел на работу. Шеф обрадовался его возвращению, так как журналистов не хватало. К обеду Литвинов уже был в прифронтовом поселке.

ЗАЩИТНИК

За окном было светлым-светло. Лучи солнца отражались от ледяного снега, попадали в комнату, слепили глаза. Сергей Литвинов открыл окно и сделал большой глоток воздуха. Мороз приятно ударил в грудь. Парень был разгоряченный, измотавшийся, выжатый. Комната казалась ему жаркой Сахарой.

— Ты бы хоть футболку надел, — бросила Юля, выйдя из душа.

Литвинов закрыл окно, лениво дошел до кровати и тяжело бухнулся на нее.

— Давай одевайся. Времени нет. Мне пора.

— А как же чай? — иронично заметил Сергей. — Ты же вроде на чай звала.

— Сережа, ну ты чего. Мне нужно Максюшку из садика забрать. И так опаздываю.

— Да помню я.

— Ну вот. Пойдём, проведёшь меня немного. Одевайся.

На улице было около двадцати градусов мороза, и Сергею не очень-то хотелось туда. Он сполз с кровати, и начал натягивать утеплённые джинсы, а после них футболку и свитер. Юля была уже вся при параде.

— Пойдём уже. Что ты там возишься?

— Чуть рюкзак не забыл.

— Ну потом бы забрал. Не оставлю же я его себе, — она удивленно подняла бровь.

— Да тут вся техника рабочая, — объяснил Сергей. — Мне без неё — никуда.

Она неопределенно махнула рукой.

Они спустились на лифте, и вышли в большой двор длинной многоэтажки. Он пустовал: ни людей, ни машин. В донбасском городе, пережившем боевые действия, народу все еще было мало.

Они выбрались к проезжей части, постоянно поскальзываясь на твердом снегу. Сергей аккуратно поддерживал Юлю под руку, но она, казалось, не обращала внимания на этот жест заботы. Вообще Юля была довольно скупой на эмоции, как убедился Литвинов. Ухаживания ее мало волновали. Вскоре Сергей пришел к выводу, что ей особо и не нужны иные отношения, кроме физических. А он вел себя так, как будто они являлись нормальной парой. Пытался, по крайней мере. Литвинов пребывал в затяжной депрессии и не хотел лишать себя даже такого неполноценного общения.

Он провел ее к Театральной площади. Они попрощались возле большого супермаркета, и Сергей повернул и пошел вверх, к центральному рынку, где была остановка.

По улице шли два патрульных с автоматами. Он визуально знал их, так как приходилось часто бывать по работе в центре города. Солдаты его, конечно, не помнили, и проводили долгим взглядом. Человек с рюкзаком на пустой улице вызывал подозрения: а вдруг диверсант? Но они не подошли. Ноздри слипались, и чтобы согреться, Литвинов поднял воротник свитера. Почему так холодно? А может, холодно не на улице, а в душе? Думать про их отношения с Юлей он не хотел. Все будет, как будет.

К остановке подъехала белая «Газель», и Сергей отправился на восток города. В автобусе удалось чуть-чуть согреться, но пальцы на ногах по-прежнему страдали. Почему ботинки не греют?

— Дружище, хочешь выпить? — спросил один из немногих пассажиров. Потрепанного вида мужичок показал бутылку водки из-за пазухи.

— Не-а, спасибо.

— А я вот выпью.

— Дело твое.

Он еще раз глянул на мужичка.

«Не, не буду», — мысленно отмахнулся Литвинов.

В квартире было холодно: сквозило из окон, рамы дребезжали, батареи почти не грели. Приходилось ходить в свитере и нагревать жилище газовой плитой. Несмотря на эти недочеты, Сергею здесь нравилось. Это была квартира друзей, которые уехали от войны в Польшу. Они разрешили ему пожить здесь. Возвращаться, судя по всему, в ближайшее время не собирались. Денег Литвинов не платил. Он не раздумывал, когда поступило такое предложение, потому что жить с родителями в его возрасте в однокомнатной квартире было уже чересчур. Теперь он сам себе хозяин. Конечно, родители продолжали заботиться о нем. То мама придет и приготовит поесть, то понадобится помощь и инструменты папы, чтобы починить тот же смеситель в ванной или проводку.

Ему было совсем не скучно жить одному. И все благодаря загруженности на работе. Писать в газете приходилось много — интервью, репортажи и даже аналитика. И постоянно вокруг много людей. Разных. Интересных и не очень. И каждый со своим прибабахом. Коммуникабельность помогала находить Литвинову общий язык со всеми. Он научился смотреть вглубь, по глазам определять, что за человек перед ним. Встречались порой очень нехорошие глаза. Это касалось в основном воевавших ополченцев. Такое не проходит бесследно. Но у большинства глаза все-таки были светлые.

Укрывшись одеялом, Сергей смотрел на YouTube ролики про политику. По всем каналам, и российским и украинским, говорили про противостояние России и США, про Украину и войну в Донбассе. И столько шума и лая стояло в студиях, что становилось тошно.

Неужели специально так делают, чтобы тема набила оскомину, чтобы все раздражались, услышав про войну на Юго-Востоке? Часто высказывались люди, абсолютно не знакомые с регионом, даже чуждые ему. «Что ты знаешь об этих улицах? — в сердцах вспыхивал Сергей. — Ты нам-то расскажи, как тут живется!» Литвинов не отрицал право людей на своей мнение, но он все равно искренне возмущался, когда видел явный неадекват на телеканалах. «Выродки», — думал с презрением он, глядя на то, как бывшие луганчане теперь уже из Киева поливали грязью родной город. На экранах замечал он много знакомых лиц. Нет-нет, да и позлорадствовал, когда узнал, что одной проукраинской коллеге-журналистке разнесло снарядом квартиру. Теперь она писала посты в интернете, — собирала деньги на новое жилье. Вся бедная и несчастная. Так поблагодари же свои любимые украинские войска, кинься им в ноженьки, расцелуй: избавили родимые украинцы от проклятого советского прошлого — разнесли квартиру в ненавистной «хрущевке»! Вы же за это и ратуете. И тебя должно быть жалко? Побирайся на киевских вокзалах! Конечно, она не побиралась. Пристроилась на всеукраинском медиаресурсе, и поливала луганчан и дончан грязью.

Когда накал страстей в душе достигал максимума, Сергей переключался на музыку из девяностых и нулевых. Старые любимые группы, обычная попса. Тогда он не воспринимал ее всерьез, относился к таким песням пренебрежительно. Но почему становится так хорошо, когда переслушиваешь их сейчас? Сердце немного успокаивалось, и можно было почитать. В последнее время Литвинов отошел от художественной литературы и переключился сугубо на публицистику, мемуары, биографии.

Впечатлила его автобиография Махатмы Ганди. Освободитель Индии, сторонник ненасилия — сатьяграхи. Сергей, глядя на происходящее в Донбассе, много думал об альтернативном пути истории, о существующих

методах борьбы. И самые противоречивые чувства в нем все это вызвало. С одной стороны, «добро должно быть с кулаками», когда на тебя нападают, ты должен защищаться. О какой сатьяграхе (ненасилии) может идти речь здесь, на славной родине героев? Однако, Ганди смог освободить Индию от власти вездесущих англосаксов с их многомиллиардными капиталами, сделав ее независимой, без военных действий. Сам при этом погиб, как мученик. Наверное, сатьяграха и мученичество стоят рядом. В христианской традиции Ганди был бы очень большим святым, одним из самых великих. Наверняка. Или освобождение Индии — это просто удачное стечение внешнеполитических обстоятельств? Великобритании после Второй мировой войны было просто не до нее. Можно ли так сказать? А что же тогда ненасильственная борьба Ганди, которую он вел несколько десятков лет? Неужели она неважна? Или все-таки она и была основой, фундаментом? Сергей хорошо понимал, что личность в истории — это краеугольный фактор. Возможно ли было применить сатьяграху в Донбассе? А ведь если задуматься и вспомнить, то все и начиналось с мирных демонстраций. Но что остается, когда по твоему городу начинает лупить артиллерия? Бежать или сражаться. И если вернуться к автобиографии Махатмы Ганди, он ведь тоже принимал участие в бурской войне. Не стрелял, но был медиком. Знал, каково оно на поле боя. Трусом его назвать точно было нельзя.

В общем, много размышлял Литвинов на эту тему в свободное время. Правда, благодаря работе, его было мало. Только и делал, что успевал мотаться по разным редакционным заданиям и ходить к Юле.

На выходных он купил для нее много всего — продуктов, пару бутылок пива и роллы. Юля жила небогато, и Сергей относился к ней с жалостью. Она же не замечала ни жалости, ни заботы. Но Литвинову это и не надо было.

Он получал удовлетворение от того, что помогал тем, кто нуждался.

Муж Юли бросил ее больше года назад. Виталик нашел богатую любовницу, которая и перетащила его к себе. Он забыл о семье, когда увидел кошелек Маши. Любовница занималась то ли бизнесом, то ли была при власти. Ее двухэтажный дом впечатлил Виталия даже больше, чем первый секс. Он и до войны-то такие просторные комнаты и хороший ремонт видел только по телевизору, а сейчас, в пострадавшем от боев городе, его это особенно впечатлило. Зачем Маше понадобился водитель маршрутки, остается непонятно. Но факт есть факт: Юля осталась одна с маленьким сыном Максимкой, который недавно пошел в садик.

Поскольку Виталик, оказавшийся редкостной тварью, никак не помогал брошенной семье, Сергей чувствовал особую ответственность. Он, будучи тоже, мягко говоря, небогатым, старался хотя бы раз в неделю побаловать продуктами Юлю и ее сына. Мальчишке он иногда покупал недорогие игрушки, чем вызывал у мальца счастливую улыбку. Сама мать, как казалось Литвинову, этого и не замечала. Ребенок ее интересовал в незначительной степени.

Юля открыла дверь, увидела Сергея с пакетами, замахала руками, приглашая войти в квартиру. Все время она куда-то торопилась, была резка и суетлива, что иногда дико его раздражало.

— Привет! Максим, дядя Сережа пришел!

Из комнаты выбежал мальчишка, сначала весь радостный, а потом застеснялся — он ждал, что, может быть, дядя Сережа принес ему подарок. Литвинов заулыбался и вручил малому «киндер сюрприз». Максим радостно запрыгал, быстро съел весь шоколад и достал из пластмассового яйца игрушку. Это был космический корабль, но сделанный грубо, плохо покрашенный и хлипкий на вид.

— Да, в нашем детстве игрушки были лучше, — бросил Сергей.

Отнеся продукты на кухню и сложив их в пустой холодильник, он приготовил все для роллов, налил в бокалы пива и принес ужин в зал. Они смотрели фантастический фильм про Человека-паука. Ели роллы, пили пиво. Малой играл на полу, постоянно пытаясь привлечь к своей игре и взрослых. Юля командным тоном обрывала его, и малыш, расстраиваясь, возвращался в свой маленький детский мирок. Сергей не понимал Юлю, но не вмешивался. Кто он такой, какое имеет право?

Зазвонил ее мобильный телефон. Литвинов напрягся. Он не любил, когда кто-то ей звонил в его присутствии. Так он чувствовал себя еще более чужим, чуждым этой обстановке.

— Да, мам. Хорошо все.

Он прислушивался, делая вид, что смотрит фильм. Она подошла к подоконнику и посмотрела на ночной город.

— У меня Сергей в гостях.

Звук динамика хороший, Литвинов слышал все, что говорила мама Юли.

— Какой Сергей?

— Да знакомый. Я тебе о нем не рассказывала.

— Дочь, какой знакомый? Я что-то не пойму. В такое время? Уже вечер.

— Ну и что.

— Ты в своем уме? Ты замужняя женщина! — возмущалась мама в трубку.

— Что ж мне теперь... Виталя же...

— Ничего, доча, еще вернется. Ты меньше на мужиков всяких бросайся, а то Виталий потом тебя назад не примет, скажет, зачем ему такая шалава!

— Мама!

Сергей почувствовал, как будто его, как в мультиках, ударили большим молотом. Тревожный звоночек. Там,

судя по всему, мама не сильно адекватная и с реальностью дружить не хочет. И Юля все это покорно выслушивала и даже соглашалась, кивала головой, поддакивала с расстроенным видом. Интересно посмотреть на папу. Небось, такой же...

Она повесила трубку и начала убеждать Сергея, что все нормально. А ему внутри было паскудно. Не за себя, он уже и не ждал нормальной жизни, но за нее.

— Ты прикалываешься? — не выдержал он. — Ты на полном серьезе это все?

— Ну, мама говорит, что он вернется. Я, если честно, и сама так думаю.

— Это еще почему?

— Ну он постоянно звонит мне и жалуется.

Сергей чуть было не прыснул от смеха. Что происходит и как он здесь оказался? Театр абсурда. Взгляд его упал на одинокого ребенка, играющегося с космическим кораблем на полу. Смеяться расхотелось.

— Он жалуется мне на нее. Говорит, что она не уделяет ему внимания. И денег перестала давать. Даже попрекать моего Витальку начала, что он толком ничего не зарабатывает.

— Тогда точно вернется, — иронично заметил Литвинов, но Юля этого не поняла.

— Думаешь? Хорошо бы было. А то мне без мужика в доме невмоготу.

Не стал Серега говорить что-то типа: «А я не в счет?» Не в счет. Это и так понятно. Ты, по сути своей, для Юли только половой партнер. Временный. Для здоровья. Скоро, если верить прогнозам мамаши и самой Юли, домой вернется родной человек. Литвинова это не удивляло и не обижало, не задевало. Нет. Он поражался тому, насколько люди глупы и наивны. Любовь? Да, она застилает глаза пеленой. И с любовью бороться Сергей не хотел, не собирался становиться на пути у Юли.

Чуть позже, после разговора, когда Максим уснул в кроватке в своей комнате, они занялись любовью. И хоть это немного украсило его одиночество.

* * *

В начале февраля в жизни Литвинова произошло радостное событие — приехал друг. Лёня, как и многие, уехал с семьей, когда началась война. Сначала оказались в Харькове. Ни родителям, ни Леониду устроиться на нормальную работу не удалось, перебивались случайными заработками. Так прошло несколько месяцев. Потом Лёне позвонили друзья из Киева и позвали его работать на один всеукраинский телеканал. Конечно, он обрадовался и согласился. В столице жизнь для Леонида и его семьи наладилась.

И теперь, спустя столько месяцев, он решил приехать в родной город, посмотреть на квартиру и проведать оставшихся друзей.

Серега заволновался, когда в назначенный день Лёня не вышел на связь. Душа его была не на месте,

предчувствия — мрачными. Что-то не так. Литвинов решил, что на следующий день попытается узнать, где его друг. Но этого не потребовалось, Лёнька сам написал: «Я дома, приезжай».

От сердца отлегло. И уже через полчаса старые друзья встретились. Они устроились в зале, опрокинули по стопке коньяка. Литвинов, казалось, сиял. Давно он не был таким счастливым.

— Ну что ты, Лёньчик, рассказывай!

— Ох, как я сюда добирался, Серый... Это просто какой-то трындец. Наши, украинские блокпосты, но я нормально прошел. А вот ваш...

— Что такое?

— Начали меня допытывать, кто я, куда и к кому еду, кем работаю, — Леонид тяжко смотрел в пол. — Ну я, дурак, и сказал, что на телевидении. Так ты понимаешь, я же не журналист, как ты, я ведущий развлекательных программ. Меня вообще вся эта политика стороной обходит, понимаешь? Но им это, видимо, без разницы было. Начали смотреть мой ноутбук, нашли старые фотографии города. Спрашивают, зачем они мне. Говорю: «Ну это же память». Долго мурыжили. Я понял, что попал. Приехала за мной машина, вышли несколько человек и забрали меня. Повезли в бывшее здание управления СБУ.

— Ну да, в Министерство госбезопасности.

— Да. В общем, везут меня, и главный их ведет расспросы. Все то же самое. Одни и те же вопросы. Потом говорит: «Ты не против, если я на украинском буду говорить?» Не против. И давай он по-украински все сначала спрашивать. В общем, привезли меня, привели в кабинет к какому-то начальнику. И давай я заново все рассказывать. Нет, общались вежливо, не били, не грубили. Я понял, что это связано с моей профессией, с тем, что на телевидении работаю. Ну и спрашивает меня начальник: «Ты фотографии города хранишь, значит, любишь Луганск?»

Говорю: «Люблю». И он предложил на них работать. Говорит: «Давай ты будешь нам информацию сливать». Серый, а я же ничего не знаю! Какую информацию? Он: «Ну какие там в Киеве настроения, может, что интересное сможешь узнать». Ничего конкретного. Я согласился, что мне еще оставалось. Начальник взял все мои данные, номер телефона, электронную почту, адреса. Не знаю, что теперь делать.

И они выпили еще по одной стопке.

— Лёня, не переживай, все будет нормально. Ты ничего плохого не сделал.

— Серый, да я-то знаю. Я обычный ведущий, — раздосадовано произнес он. — Что мне дальше-то делать? Сотрудничать, сливать информацию? Оно мне надо? А если не буду, то меня самого сольют украинским спецслужбам, как агента сепаратистов.

— Да, ситуация, — Литвинов тоже пригорюнился.

Он перестал счастливо сиять. Встреча с другом была не такой радостной, как он себе представлял. Что же это за время такое? Нет радостных, хороших новостей. У всех всё не очень.

— Лёня, не парься, ничего они тебе не сделают.

— Ты так думаешь?

— Ну, расстреляют, как собаку бешеную, — попытался пошутить Литвинов.

— Не смешно, Серега.

— Согласен, совсем не смешно. А мы тут живем.

— Знаешь, я, наверное, сюда больше не приеду.

Пасмурная погода не добавляла хорошего настроения. Казалось, что уже два года над головой только тучи. И не было этому конца и края. И вот у друга тоже неприятности на ровном месте.

— Да ерунда все, давай лучше выпьем, — предложил Сергей.

Внутри стало немного лучше, да и сердце подуспокоилось.

— Со мной на канале Женька и Рафик работают.

— Да, я что-то такое слышал. Как они?

— Люто ненавидят Россию, а с ней и вас.

— Ну и дураки, — ответил Литвинов.

— Каждому свое. Здесь тоже Украину не любят.

— И есть за что, — парировал Серега. — Ладно, давай не про это. Как там родители?

— Да ничего, постарели как-то резко за это время.

— Главное здоровье. А его не напасешься. Привет им передавай. Как на личном фронте?

— Да нормально. Встречаюсь с одной девушкой.

— Только с одной? — усмехнулся Литвинов.

— На двух у меня уже денег не хватит, — Лёня только сейчас понял, как ему не хватало этого юморного общения с другом. — Она не киевлянка. Приехала откуда-то с западной Украины. То ли Хмельницкий, то ли Кропивницкий, то ли еще какой-то город.

— А ты с Донбасса. Как вы с ней уживаетесь?

— Да, знаешь, нормально. Она адекватная, — уверенно покивал Лёня.

— Это хорошо. Многие там нас на дух не переносят.

— Да, есть и такие. А у тебя что с личной жизнью?

— А у меня ее нет. Вся моя жизнь — общественная, — хмыкнул Сергей. О Юле рассказывать смысла не было, ведь он для нее всего лишь временный вариант.

Всю ночь они разговаривали и пили. Утром Литвинов ушел домой помятый, с похмельем, с пересохшим горлом. Но на душе все равно стало легче. Друг все-таки приехал.

* * *

На улице потеплело. Снег растаял, весь город стал серым и грязным, деревья прятались в утренних туманах. Наступала весна. Природа чудная вещь, как она влияет на настроение. Поздней осенью и зимой начинается депрессия, а весной и летом все как-то проходит, может, не до конца, но, по крайней мере, ты можешь разделить свои проблемы с солнцем, деревьями и заросшими луговыми травами

холмами. Остается надеяться, что это не свежие холмы, и под ними никто не похоронен. Тот, кто буквально еще недавно мечтал, строил планы, ссорился с соседями из-за ерунды, целовал любимого человека в губы... Весна пробуждала и давала силы, весна воскрешала, весна — это Христос, подаривший надежду всему человечеству.

А еще весной люди снимают громоздкую зимнюю одежду — шубы, тулупы, ботинки с толстой подошвой, толстые пуховые штаны. И поступь твоя становится уже не такой тяжелой, ты летишь по улицам, тебе легко и приятно, ничего тебя не обременяет, не приковывает к земле. Главное, чтобы полет не был вызван взрывной волной.

Настроение испортилось из-за Юли. Когда Сергей пришел к ней домой, она плакала. Он не стал торопиться с расспросами. Разделся в коридоре, повесил куртку на вешалку. Заглянул в комнату, Максима не было. Литвинов принес для него небольшую мягкую игрушку. Видимо, мальчишка был у бабушки с дедушкой.

Юля сидела на кухне и трясущимися руками пила холодный чай. Она не смотрела на Сергея, лицо опухло от слез. «Опять какая-то фигня с мужем», — подумал он. Вариантов тут, честно говоря, было мало.

— Я не знаю, что делать, — хмыкала девушка. — Наверное, придется квартиру продавать.

Литвинов не вмешивался в ход ее мыслей, не закидывал вопросами.

— А за сколько ее сейчас продашь? За копейки. Да и кому она нужна в это время? Может, занимать придётся. А у кого занять такие деньги? Серёжа, — подняла она на него глаза, — у тебя есть деньги или богатые знакомые?

У журналиста был только богатый жизненный опыт, а деньги к нему зачастую не прилагаются. Только испорченные нервы.

Он покачал головой.

— Вот и у меня нет. Я не знаю, как мне теперь быть.

— Так ты скажешь, в чем дело-то?

— Я ходила к гадалке. Она мне и сказала, что Виталик обязательно вернется. И она права, я вижу, как его ко мне тянет. Понимаешь, он все равно вернется ко мне и Максиму. Гадалка всю правду говорит и про меня, и про него. Всё видит.

— М-да, — Серега не питал иллюзий по поводу умственных способностей Юли. — Так, а плачешь почему?

— Понимаешь, она сказала, что Виталику грозит большая беда!

Он сдержал смешок. Пусть Юля глупая, но не плохая. Она не заслуживала, чтобы над ней потешались. А слова гадалки — известная классическая схема отнятия денег у наивных клиентов.

— Она сказала, что Виталька погибнет. На нем порча. Но она может его заговорить, спасти. Для этого нужно несколько тысяч долларов, и процесс этот небыстрый, нужно начинать уже сейчас. А где я такие деньги возьму? У меня только квартира есть.

Юля была в отчаянии. Жизнь схватила ее за горло и наносила очередной удар.

Сергей понимал, что помочь девушке он ничем не мог. Объяснять, что это всё бред, не имело смысла, она не поймет. Как люди ведутся на этих мошенников, он не понимал. Деньгами помочь тоже не вариант. Состоятельные знакомые, конечно, были, но далеко. И они, естественно, не дадут такую сумму. Да и вся ответственность за долг легла бы всё равно на него. И это при том, что они даже толком и не встречаются, а просто спят вместе, спасаются от одиночества.

Литвинов взял ее за руку, крепко сжал, давая понять, что, мол, я с тобой. Сам смотрел в окно, на серые пейзажи Камброда. Не Лос-Анджелес, не Сан-Франциско, а какое всё красивое. Кривые разрушающиеся домики, разбитые дороги, изрытые воронками от мин, пустующие гигантские заводы. Родная нищета. Как же всё это дорого.

Побыв ещё немного с Юлей, он ушел. Чувство, что он лишний в её жизни, никогда не покидало его.

* * *

Снаряды продолжали ложиться на город. Время от времени «освободители» с украинской стороны напоминали о себе.

И произошла очередная трагедия. Военные Украины разнесли двухэтажный дом в старом городе, недалеко от одного из заводов. Произошел взрыв, дрогнули стены, обвалились перекрытия, и потолок рухнул вниз, стёкла разлетелись на мелкие осколки. Жилище дымилось. На место происшествия выехало семь пожарных машин и несколько автомобилей скорой помощи. А также правоохранители.

Сергей отправился туда, чтобы сделать фотографии. Он старался никому не мешать. Вообще Литвинов был не из тех наглых журналистов, которые бесцеремонно достают людей и тыкают микрофоном или диктофоном в лицо. Нет, он всегда был спокоен и просто наблюдал за происходящим, чтобы потом описать это в своих репортажах. Часто окружающие даже не догадывались, кем он работал. Его могли выдать только фотоаппарат или диктофон, но даже их Сергей не всегда доставал.

Сотрудники МЧС разбирали завалы. Примчался джип с военными, они покрутились немного и отбыли.

Позже на место ЧП приехал мэр Манолис Пилавов. Литвинов знал его и уважал, так как это был один из тех чиновников, которые остались в городе с прежних, довоенных времён. Мэр рассказал журналистам, что в результате происшествия пострадали два человека. По словам медиков, мужчина 1967 года рождения получил 85% ожога тела, он находится в реанимации. Женщина 1971 года рождения пострадала меньше — у нее ожог в 15%.

Пилавов отметил, что это был дом 1916 года постройки, его общая площадь составляла 417 квадратных метров,

здание являлось памятником архитектуры и защищалось законом сначала Украины, а теперь народной республики.

— Вот так украинские войска воюют, — грустно развел руками Пилавов. — Не только с нами, жителями города, но и с историей нашей общей. Но им она не нужна, у них теперь новая.

Когда-то в этом доме находились мастерские художников. Они писали здесь картины, делились идеями о новых произведениях и будущих выставках. Потом дом стал жилым, но дух творчества отсюда не ушел. Однако украинская ракета все-таки выбила его.

— Здание будут восстанавливать? — спросил Сергей.

— Пока точно нет. Сейчас не до этого, — развел руками мэр.

— А что будет с людьми, которые здесь жили? — поинтересовалась журналистка с местного телеканала.

— За них не переживайте. Найдем, где разместить на первое время. А там будем с каждой семьей решать в индивидуальном порядке. Постараемся помочь по максимуму, — ответил Манолис Пилавов.

Сергей встретил своего знакомого Руслана, который работал в прокуратуре.

— Очередное уголовное дело против укров? — скептически спросил Литвинов.

— Ага. Ну, ничего. Надеюсь, когда-нибудь они за всё ответят. Тем, кто в живых останется. Черный юмор, конечно... Но всё же это юмор, и он немного помогает. Ладно, дел невпроворот, Серый. Давай.

Журналист махнул рукой на прощание. Руслан хороший парень, нервный только, дерганый. Стал таким после одного из обстрелов, когда снаряды падали рядом.

Семьи, оставшиеся без жилья, разместили в профилактории университета. Через несколько дней после обстрела Сергей решил сделать небольшой репортаж, надо было съездить и посмотреть, как теперь живут пострадавшие люди.

Комендант профилактория, молодая симпатичная девушка по имени Люба, охотно все рассказала:

— Людям предоставлены кухня и столовая, микроволновая печь, холодильник, посуда. Также люди обеспечены постельным бельем, у нас есть горячая вода. Если у них какие-то вопросы, то решаем их по мере поступления.

Сергей походил по комнатам. Действительно, потерпевшие были обеспечены минимальным комфортом, но долго жить в таких условиях они не смогут. По словам Любы, пострадавших селят по семьям, поэтому в комнатах живут от одного до пятерых человек. На первом этаже разместили двух инвалидов.

— Некоторые благотворительные организации и просто люди уже приходили и оказывали помощь питанием, вещи приносили, — эмоционально сказала комендант.

Литвинов попытался поговорить с кем-то из потерпевших, но они наотрез отказывались. Сергей это понимал.

— Лучше бы принесли что-нибудь полезное для людей, а не ерундой занимались, — кинул ему человек в зеленом камуфляже. Возможно, отец семейства. И такую позицию людей можно понять, им не нужны сейчас вопросы журналистов. Они сами хотят узнать, как теперь жить дальше.

Несмотря на неприветливость пострадавших, Литвинову все-таки удалось пообщаться с одной из них.

— Нам нужны вещи, хочется, чтобы нам помогли с едой. Я одна целыми днями, муж на работе, а у меня трое детей, и тяжело управиться, — посетовала женщина.

На руках у нее был маленький мальчик, всего три месяца от роду. Другие двое постарше, и за ними нужен глаз да глаз.

— Как повезло, что нас тогда не было дома. Я Господа благодарю, — в таких ситуациях нервы сдают, и женщина едва сдерживает слезы. Плачущая мать с ребенком на руках. Кого это оставит равнодушным? Самая подходящая для телевизионщиков картинка. Но только не для Сергея.

— Ну, ничего. Все же хорошо, вы живы, здоровы. Вон детвора балуется, — вздохнул он и протянул сто рублей. Большей суммы просто не было. Женщина машинально взяла деньги.

— Я просто физически не успеваю всех обстирать, помыть, уложить, накормить, тем более мы живем на втором этаже, а кухня находится на первом. Постоянно приходится бегать со всеми детьми.

Женщина показала свою комнатушку, где теперь жила с мужем и тремя детьми. Никто из вынужденных жильцов профилактория не знал, сколько времени они пробудут в этом временном пристанище. Для пятерых человек помещение очень тесное, возле стен по углам стояли четыре кровати, большой шкаф, тумбочка и столик с микроволновой печью.

«Конечно, такие условия не могут удовлетворить потребности большой семьи, но это лучше, чем оказаться на улице, — сурово подумал Сергей. — У них нет уверенности в завтрашнем дне. Как и у всех нас...»

Вообще, решил он, по-хорошему властям стоило бы предоставить пострадавшим семьям пустые квартиры или дома, которых в городе довольно много. Может кто-то подумает, что это несправедливо по отношению к настоящим владельцам. Но трудные времена требуют непростых решений. Возможно, этим семьям помогут родственники. Сергей надеялся, что у них всё будет хорошо. Новый день, новый луч света, новая надежда. Новая весна.

Но она не для всех... Мужчина, получивший сильные ожоги при обстреле, скончался в реанимации. Ему не надо будет искать новое жильё. Он получил последнее пристанище — сосновый гроб и небольшой участок земли.

* * *

На улице продолжало теплеть. Масленица уже прошла. Впереди Сергея ждал большой праздник — день рождения. Но он не хотел праздновать его. С родителями, может быть, посидят чуть-чуть, и всё.

«Как изменился я за это время», — думал Литвинов. Он вспомнил, как часто они раньше смеялись со школьными друзьями. Дети. Наивные, глупые, искренние и жизнерадостные. Эта жизнерадостность с годами, особенно с годами непростыми, тяжелым, трагичными, улетучивается. Не остаётся того легкого мироощущения. Беззаботность проходит. Приходится самому принимать решения, от которых порой зависит жизнь. Как тогда в большом поселке недалеко от линии разграничения. Неожиданный, или всё-таки ожидаемый обстрел. Раздался первый взрыв, Серёга припал к земле, быстро осмотрелся и, пригнувшись, добрался до стены большого ангара. Снаряды падали не так уж далеко. Его коллеги бросились в другую сторону, он потерял их из вида. Вот так и пришлось сидеть больше получаса, прислонив спину к тонкому, горячему от летнего солнца металлу. Конечно, стена не спасла бы даже от пули. Сердце колотилось, голова болела, живот крутило как никогда.

Когда всё прекратилось, они продолжили свою журналистскую работу. В тот день никто не погиб, но загорелись поля.

И смех как-то день ото дня уходил из жизни Литвинова. И легкое мировосприятие уходило. И молодость уходила. За надежду он хватался обеими руками, но и она покидала его. А жизнь без всего этого продолжалась. Но разве нужна она такая?

Однажды Серёге довелось поговорить об этом с одним старым солдатом, воевавшим всю жизнь.

— Да так у всех. Это нормально. С этим можно жить, малой.

И Литвинову не стало легче, но стало спокойней. Действительно, так у всех. Он не первый и не последний, кто переживал такие эмоции. «С этим можно жить». Серёга надеялся, что это правда.

* * *

У Юли дела обстояли всё так же печально. Она переживала, металась, суетилась.

— Я уже заняла денег, Серёжа, — рассказывала Юля. — Отнесла. Но мало, конечно. Я понимаю. Мама обещала помочь. Но на Виталике сильная порча. Гадалка говорит, что без её помощи до следующего года он точно не доживёт.

Они пили чай на кухне. Вбежал маленький Максим.

— Дядя Сережа, поиграем?

Литвинов не успел ничего ответить.

— Максим! — прикрикнула Юля. — Не видишь, что нам некогда? Взрослые важные темы обсуждают.

— Да мне не сложно.

— Ой, да забей ты. Ему и так не скучно.

— Ну, мам!

— Макс, сладкое не получишь, если будешь надоедать.

Сергей решил не вмешиваться. Он посмотрел на полные обиды детские глаза, без слез, но жалобные, молящие о внимании и любви, смотрящие на маму, как на идола, богиню, которая, безусловно, никого не любит. Но малыш поймет это только спустя много лет.

Максим убежал в другую комнату после того, как Юля топнула ногой.

Их отношения с Сергеем к этому времени зашли в тупик. Они уже перестали спать вместе, просто общались, как друзья. И Литвинову не хотелось иного, и она, борясь вместе с гадалкой за мужа, перестала обращать внимание на эту сторону жизни.

— Так что я по-прежнему в отчаянии.

Она снова начала лепетать про продажу квартиры, лучшего мужа на свете Виталика, который изменяет ей с другими, о доброй гадалке, посланной светлыми силами. И говорила, говорила, пока ее опять не начало трясти, лицо покраснело...

— Я квартиру уже выставила на продажу на сайте объявлений. Но за два дня пока никто так и не позвонил! Дорого, что ли? А если так никто и не купит? Сережа, что тогда? Получается, Виталик погибнет из-за меня! Из-за того, что я не смогла снять с него порчу. Понимаешь? Я виновата буду.

— Слушай, а дай мне адрес твоей гадалки... — неожиданно перебил ее Сергей.

— Зачем?

— Да хочу с ней поговорить. Что она мне нагадает про мою неспокойную жизнь.

— Сейчас.

Юля трясущимися руками написала на листке блокнота адрес и телефон.

— Сначала позвони, она только по записи принимает. И скажи от кого. А то чужих не пустит.

— Да, хорошо. Я, наверное, пойду.

— Ага, давай, — она ничего не предложила, не намекнула. Да и не до того сейчас было.

«Ну, стало быть, я тут не нужен даже как партнер для постели. Обидно, но ожидаемо, — скривил лицо Литвинов. — Но ей надо как-то помочь».

Он решил поговорить с этой гадалкой. Сделал все, как сказала Юля. Позвонил, записался. Но перед этим он набрал своего знакомого Руслана, который работал в прокуратуре, и изложил ситуацию.

— С этим что-то можно сделать?

— Ну, нужно заявление от неё, — ответил он.

— Она не напишет, она же не считает себя пострадавшей.

— Да, верно. Тогда от тебя. Ты свидетель мошенничества.

— Рус, я как-то... Думал, без всего этого...

— Что, мусорнуться — западло? — засмеялся прокурор.

— Да не в этом даже дело. Не хочу жизнь человеку ломать.

— Понял тебя. Только такие, как эта гадалка, другим людям жизни ломают. И их ничего не смущает.

— Спасибо, Рус. Ну ладно, давай.

Гадалка Марья Семёновна жила в частном доме в районе автовокзала. Её домик не пестрил богатством, но был добротным, ухоженным. «В целом, скромненько», — отметил Сергей. Он не мог знать, что двухэтажный особняк с широкими балконами и кованными воротами, расположенный через два дома, принадлежал сыночку гадалки.

Пожилая женщина сдержанно приняла Сергея. Она осторожно относилась к новичкам. Сначала требовалось хорошо узнать его, войти в доверие, прощупать болевые точки, а уже потом раскручивать на деньги по полной.

Лицо у нее было неприятное. Брови и рот злые, глаза темные и глубокие. Но манеры не грубые.

— Тебя что-то тревожит, мальчик мой? Я загляну в твое будущее. Любовь, карьера.

— Да, понимаете. Меня беспокоит одна девушка...

— Стало быть, личная жизнь, — понимающе кивнула старушка.

— Ну, как бы да, — спокойно продолжал Сергей. — Одна девушка постоянно ходит к гадалке и выносит деньги. А та накрутила ей такого, и требует огромные суммы. И я вот хотел бы, чтобы от нее отстали.

— Молодой человек, что вы ко мне пришли? — она всё сразу поняла.

— Я хочу, чтобы вы отстали от Юли. Она себе места не находит. Бабушка, какие тысячи долларов? Что ты ей понарассказывала? Разве так можно? — Сергей не хотел ругаться. Он старался говорить вежливо.

— Ну не тебе меня учить! — её лицо стало агрессивным, его черты обострились.

— Я не учу. Просто отстаньте от Юли.

— Я сама решу, — она с хитрецой улыбнулась. — А знаешь, сколько у меня знакомых воевавших ребят имеется?

— Я не сомневаюсь, бабушка. Я пришел не угрожать вам. И вы мне не угрожайте. Я знаю всё руководство республики. И могу устроить вам очень большие проблемы. Но я пришёл просто поговорить. Попросить, чтобы ты отстала от Юли.

Он старался говорить спокойно, но все-таки разнервничался. Конфликтные ситуации — это не его стихия. Но пошёл на это ради брошенной мужем женщины с маленьким ребенком на руках. И оно того стоило. Потому что на свете есть вещи, за которые надо бороться. И не всегда кулаками, можно и словами. Но эти слова кто-то должен был произнести. Сергей нашел в себе силы это сделать.

Марья Семёновна оценивающе смотрела на него.

— А ты кто такой?

— Это неважно. И поверьте, у меня знакомых во всех ведомствах достаточно.

— Сынок, не ругайся, я тебя поняла. У меня же семья, дети и внуки. Должна же я как-то помогать им, — она сменила тактику, поняла, что с этим человеком нужно по-другому, давить на жалость. — Мне показалась, что Юля твоя богатенькая. Всё-всё. Я отстану от неё. Обещаю. Будет звонить, трубку не буду брать. Особенно, после такой её подставы, — она злобно цыкнула.

Литвинов встал из-за стола. Уже уходя, повернулся и сказал:

— Неужели у вас совести нет? Времена такие тяжёлые, а вы своих же людей кидаете на деньги.

— Своих? Кто из этих своих меня и мою семью будет содержать, а? Когда времена легкие были? — огрызнулась она. — Поживешь с моё, поймешь.

— Никогда я вас не пойму.

Серега шёл по улице Оборонной по направлению в центр, обдумывал свой разговор с мошенницей. Всё прошло вроде не так уж плохо. Кто ещё вступится за эту

глупую, но хорошую девушку. Возможно, потом придет чувство удовлетворения, а может и нет.

Почти два месяца Юля не звонила. Наверное, поняла, что произошло, и злилась на Литвинова за его бесцеремонное вмешательство.

В конце концов она набрала его и сказала:

— Хочешь встретиться завтра?

— А как же муж?

— Он уехал в Россию на заработки. Мы сейчас даже не общаемся.

Сергей долго ничего не отвечал, а потом произнёс:

— Удачи тебе, Юля. Будь счастлива.

ПОД ЧУЖИМ ФЛАГОМ

У Сергея Литвинова каждый новый день начинался с самого раннего утра. Обычно Сергей был похож на ленивого кота: долго валялся в кровати, потягивался и зевал. В холодное время года он еще тяжелее воспринимал утро, никак не мог примириться с жизненным укладом, который заставлял снова двигаться и суетиться.

Холодный душ приводил в чувства намного быстрее, чем кофе. И вот уже посвежевший, он мог отправиться на любимую работу.

Так было и в этот раз. За окном стояла тихая и нежная осень. Она разрисовала город желтыми красками, где-то появлялись бордовые листочки, тополя стояли еще зеленые, но цвет их был заметно приглушен. Солнце вовсю светило, хотя грело уже меньше. Так что на улицу приятно было выходить. Все-таки, прав был Пушкин, восхваляя осень. Это время подумать, повспоминать. И романтики осенью ничуть не меньше, чем весной. И чувства, бывает, нахлынут. И вот ты уже где-то недалеко от универа обнимаешь молодую студентку.

От напряженной работы хотелось отдохнуть. Сергей уже и не помнил, когда последний раз с удовольствием шел в редакцию. И не потому, что профессия надоела. Журналистику он по-прежнему любил. Но обстановка... Каждый день он узнавал что-то плохое. Новые обстрелы, снова погибшие и раненые, снова сломанные судьбы и мирных жителей, и военных, простых парней. От этих историй расшатывались нервы. Он перегорал, как костер. И энтузиазма в нем оставалось все меньше и меньше. К двадцати восьми годам его романтический взгляд на жизнь не изменился.

Просто на него накинули кучу дерьма, и Сергей разгребал ее, пытаясь снова посмотреть на мир теми же глазами, что и в девятнадцать лет. Иногда у него это получалось. Часто он погружался в омут памяти, смотрел на лица любимых людей, пытался соприкоснуться с ними. Стоит только протянуть руку... Мираж рассеивался. Он оставался один. Друзья разъехались или умерли. Один довольно близкий товарищ погиб от взрыва, у других серьезно испортилось здоровье. Они увядали. Все из-за этой проклятой войны. Иногда Литвинову казалось, что когда он умрет тоже, то все равно останутся воспоминания о его молодости. Они будут прокручиваться снова и снова, жить своей отдельной жизнью. Может, время не линейно? Может, есть шанс остановить его, прожить какой-то момент снова?

Часть фотографий из прошлого не сохранилась, потому что ноутбук, бывало, барахлил. Приходилось нести в ремонт. Однажды вернули полностью чистым. Без документов, музыки, фотографий и программ. Поломка оказалась серьезной. Сергей попытался восстановить свои архивы. Частично ему это удалось, но многое безвозвратно кануло в лету. Или, быть может, в лето...

Он редко пересматривал фотки. Это отнимало много времени. Настроение портилось. Вот Ксюша, такая миниатюрная для своих лет, но при этом острая на язык и волевая. Сашка, хмельной, поэтичный и энергичный, прямо Есенин. Только черноволосый. Ребята с курса, с потока. Все такие счастливые, смешные, молодые. Господи, как не любить всех их?

Однажды, разбирая снимки, Сергей наткнулся на фотографию. Он не помнил, откуда она у него взялась. Может, где-то на флешке сохранилась, или друг скинул по интернету. Литвинов долго смотрел на нее... Да, а раньше к этому было другое отношение. Ну подумаешь, группа молодых парней, столичный Крещатик, очередная политическая акция, красно-черные флаги. А под ними он, Сергей Литвинов...

* * *

Это было уже так давно. Ровно восемь лет назад — в десятом году. Как раз времена студенчества. Четвертый курс.

Сергей хорошо помнил, как он оказался в Киеве, как шел вместе с националистами под разными «патриотичными» флагами. А дело было так.

Начало нового учебного года. Как обычно, все собирались на лавочках возле второго корпуса Луганского университета имени Даля. Делились новостями. Многих знакомых за лето Сергей не видел ни разу.

Подошел учившийся на политолога Максим Быков, именуемый в узком кругу Адиком — сокращенно от Адольфа. На одну из пьянок он пришел в черном кожаном пальто с немецкой военной фуражкой на лысой башке. И тогда, в мирное время, это не казалось перебором. Молодежь, что с нее взять? Дурная, бесшабашная, бестолковая. Но для Адика этот его прикид значил многое — он был украинским националистом, и взглядов своих не скрывал. Да и в принципе к таким проявлениям политических взглядов на Украине относились терпимо, если не сказать положительно. Даже в Луганске.

Сергей и Максим довольно часто пересекались в университетских компаниях, не раз пили вместе водку, играли на гитаре песни любимых рок-групп, бездельничали во время пар.

— Кто хочет в Киев на халяву поехать? — спросил как-то Быков.

— А че надо делать? — уточнил кто-то.

— На митинг. Я группу собираю.

— Что за митинг? — спросил Литвинов.

— Протестное шествие будет посвящено засилью легионеров в украинском футболе! — отчеканил Макс.

— Что за ерунда? — отозвался один из младшекурсников.

— Я вообще футбол не смотрю, — хмыкнул второй.

— Ребята, вы что, не хотите, чтобы Украина растила свою талантливую молодежь, а не арендовала у других стран этих негров? Серый, ты как? Со мной?

— Я? Да не знаю... Вообще, я в Киеве ни разу не был.

— Ну вот как раз и побываешь. Я тебе больше скажу, тебе еще и сто гривен заплатят. Так что давай, решайся.

— Ладно. Почему бы и нет?

Сергея привлекла возможность увидеть столицу Украины, мать городов русских, да еще и получить за это деньги.

— Выезд послезавтра вечером. Встретимся на вокзале.

Дома мама подняла вой.

— Вам там по голове надают! — кричала она.

— Да успокойся, никто нам ничего не сделает. Все согласовано, это законная мирная акция, — пытался успокоить ее Сергей.

— Что ты его от юбки не отпускаешь? — с нескрываемой долей презрения гаркнул папа. — Пусть едет куда хочет. Ему сколько лет уже? Не маленький.

Мама всегда затихала после кратких, но содержательных комментариев отца. Она продолжала причитать себе под нос, но приступами паники больше никого не беспокоила.

Литвинов практически ничего не взял с собой, потому что ехали одним днем. Только тонкую кофту с белыми и оранжевыми полосами, бутылку воды и пару бутербродов. Все уместилось в небольшой рюкзак. Денег Сергей решил взять немного — на сувениры. Может, удастся выкроить немного времени, чтобы посмотреть город.

На перроне собралось много молодежи, ехавшей на митинг. Она заняла практически весь плацкартный вагон. Поезд, покачиваясь и скрипя, тронулся.

— О, привет! — радостно сказал Сергей. — Ты тоже тут?

Он встретил Марину, знакомую.

— Привет! Да. Давно не виделись.

— Ага. Что у тебя нового? — поинтересовался Литвинов.

— Да вот недавно замуж вышла.

— Ого! Поздравляю. А муж где?

— На работе! — слишком уж весело ответила девушка.

«Может быть, это намек?» — подумал Сергей. Потом тряхнул головой. Темпераментная натура, он любой взгляд со стороны девушек воспринимал как приглашение к знакомству.

Подошла подруга Марины, невысокая темноволосая и голубоглазая девушка.

— Это Яна.

— Очень приятно. Сергей.

Мимо проходил Максим, держа в руках две бутылки водки. Он подмигнул товарищу.

— Что стоите, как в гостях. Идем бухать!

«Почему бы и нет?» — подумал Сергей.

Они присоединились к одной из компаний. Надо сказать, что Максим знал всех, кто с ними ехал, поэтому проблем с времяпрепровождением не возникло. Первая бутылка закончилась сразу. Хорошо пошло. Прогрело. Серега вышел в тамбур покурить. За окном мелькали темные деревья и поля, редкие огоньки деревень и станций. Создавалось ощущение одиночества, как будто кроме освещенного поезда в этом ночном мире жизнь нигде больше не сохранилась.

Хороший был вечер. Много пили и смеялись. Спать совсем не хотелось. Литвинов общался в основном с Мариной, ее подругой и иногда с Максом. Он успешно смешил девушек, постоянно задавал им вопросы, делая вид, что искренне интересуется ими, а сам втайне поглядывал на Яну.

В один из перекуров она пошла с ним.

— Я вообще-то не курю. Но такая хорошая ночь.

Сергей кивнул в знак согласия. Неожиданно она обняла его за талию, притянул к себе и начала целовать. Литвинов опешил от такой инициативы, хотя и был очень даже не против. Поцелуй пах водкой и сигаретами. Он, не отрываясь от губ Яны, тоже обнял ее.

Вернулись они минут через двадцать. Марина заговорщицки засмеялась. Максим ничего не заметил. Он уже

порядком захмелел. А в алкогольном угаре он становился неудержимым. Он все норовил раздеться, прочитать стихи и искал гитару.

— В вагон-ресторан! «Я требую продолжения банкета»! — процитировал Адик классику советского кино.

Они из хвоста поезда прошли целых семь вагонов. При этом Яна держала Сергея за руку и вела за собой. Литвинов раньше вообще не имел представления о ресторанах. «Теперь-то я попаду в приличное общество», — обрадовался он.

Ожидания, конечно, оказались далеки от его представлений. Антураж вагона-ресторана не походил на картины из фильмов. «Западная пропаганда», — сделал выводы Литвинов. Уборщица отмывала пол от неприятной субстанции. Продавщица алкоголя сдерживала себя, чтобы не плюнуть им в лица, — так показалось Сергею. Набрали спиртного и, разливая его по стаканчикам на ходу, расплескивая, стали за два столика. Всего человек девять. Веселье продолжалось. Сергею все неимоверно нравилось. В частности, шаловливые руки Яны. Он, с трудом открывая веки, так как алкоголь хорошенько ударил в голову, с ликованием подумал: «Жизнь удалась». А что еще надо в двадцать лет?

Где-то на другом краю компании начались разборки и толкотня с чужаками. Сначала, как ни странно, начали драться девушки, но не Марина и Яна. Потом подключились парни. Худой Адик с голым торсом махал своими длинными руками и пытался попасть по здоровому дембелю в тельняшке. Но того и бить не надо было. Он с трудом понимал, что происходит и кричал что-то типа: «Я дембель. Я опасный», получая ото всех удары по пьяной физиономии.

Сергей смотрел на это все и смеялся. Он с ловкостью отобрал у кого-то из своих бутылку с остатками коньяка и выпил прямо из горла. «Вот это дела, вот это жизнь», — радовался он. Было одновременно и хорошо, и плохо.

Конфликт вышел серьезный. Пришла милиция поезда. Начались долгие выяснения, разговоры, уговоры. Сильно пострадала девушка с чужой стороны. Ее передали медикам «Скорой помощи» на следующей станции. От правоохранителей удалось отделаться благодаря небольшой взятке. Скинулись все, кто был в вагоне-ресторане, даже абсолютно незнакомые мужики, которые искренне хотели помочь парням после такого представления. Они, видимо, восприняли все как театр и посчитали делом чести финансово поучаствовать в том, чтобы отмазать талантливую молодежь. Цвет нации — политологи, журналисты, экономисты, спортсмены. Будущее страны. И что, разве они не имеют права чуть-чуть похулиганить?

Вернулись в вагон и начали разбредаться по своим полкам. Скоро уже наступит утро, — надо еще успеть отдохнуть. Сергей и Яна сначала легли на соседних нижних полках, потом Литвинов, который не ведал преград любви, будучи под алкоголем, перебрался к ней, грубо обнял, запустил руку под майку девушки. И так они уснули. Силы мгновенно покинули их.

Солнце уже было высоко, когда поезд сильно дернулся, и Серега чуть не упал с койки. Надо двухместные делать для таких случаев. Голова раскалывалась. Он встал и побрел по вагону в туалет. По пути встречал новых знакомых, дружба с которыми была скреплена вчерашней водкой, уныло бросал им малозначительные фразы.

Проехали Дарницу. Скоро Киев. Встреча со столицей была уже близко.

Выйдя из поезда, Максим сказал:

— Я знаю тут хорошее недорогое место. Пойдемте позавтракаем.

Называние было стандартное, что-то наподобие «Смачна хата». Поели не только картошки с мясом, но и, приветствуя новый день, выпили по стакану пива. И мир снова заиграл приятными красками.

Отправились на Площадь Независимости — Майдан. Перед шествием было еще немного времени.

— Пойдемте, я покажу вам одну интересную и малоизвестную достопримечательность! — предложил Адик, который уже бывал в Киеве.

Они поднялись по одной из улиц, выходящих на площадь, и зашли во двор. Там стояло несколько небольших вольеров, в которых были огромные черные вороны. Размером с упитанного бройлера.

— Чудеса природы! — прокомментировал Сергей.

— А то. На самом деле, это крутые вороны. Их даже в фильмах снимают. Так что это знаменитости.

Вернулись назад и сели под Монументом Независимости Украины. Здесь собрались все свои. Сергей ходил вокруг площади и фотографировал все, что только мог. Киевскую государственную филармонию сначала принял за госучреждение, но подошел ближе и прочитал табличку. Величественно возвышался над дорогой широкий Октябрьский дворец с колоннами на входе, выстроенными полукругом. «Да, ничего не скажешь. Красиво. Сердце страны», — одобрительно кивал Литвинов.

Несмотря на негативные прогнозы мамы, милиция не надавала им по головам. Все прошло спокойно. Людей собралось очень много, видимо, со всех регионов. Преимущественно здесь были футбольные фанаты и политические активисты. Преобладали синие флаги с надписью ВО «Свобода» и красно-черные. Кто это, Сергей не знал. Да и зачем? Политика тогда не входила в круг его интересов.

Маршрут, по которому прошла колонна протестующих против чернокожих футбольных легионеров, Литвинову не запомнился — он не ориентировался в чужом городе. Но шли долго. Люди выглядывали в окна, прохожие останавливались и с любопытством рассматривали действо. Проезжая часть была специально перекрыта, поэтому машины не мешали им, они не мешали машинам. Изредка мужик, идущий с флагом впереди, кричал: «Бандера прыйде, порядок навэдэ!» Фамилию бандита, воевавшего на стороне Гитлера, Сергей, конечно, знал. Ему сделалось противно от осознания

того, что за люди идут рядом. Он старался не придавать этому значения. Какая разница? Плевать на это. Рядом идет привлекательная Яна и, возможно, на обратном пути домой у них все получится. Все мысли были об этом. Какая политика, какие чернокожие легионеры, какой Бандера, если рядом идет девушка, которая может быть твоей.

Еще Литвинов активно глазел по сторонам, пытаясь запомнить изгибы красивых улиц. «Суркиса — в отставку!», — звучали лозунги. Они только отвлекали.

Закончился марш возле какого-то правительственного здания, видимо, относящегося к спорту и футболу. Сотни человек разошлись, рядом остались только те, кто ехал вместе с Сергеем в плацкарте. Они тоже разбились по группкам и разошлись. Времени до отправления поезда было мало. Отправились на железнодорожный вокзал.

Двое из компании опоздали.

— Да как так? — смеялся в телефонную трубку Адик. Включил товарищей на громкую связь.

— Да двери практически у нас перед носом закрылись! — стонали они сквозь шум.

Все в грохочущем вагоне дружно смеялись над ними.

— Да че вы ржете? Что нам теперь делать? Денег-то еще не заплатили. У нас вообще голяк. Адик, что делать?

— Плохо слышно, — врал Максим, сдерживая хохот. — Что вы говорите?

— Нам нужны деньги! — истерично орали они в трубку.

— Связь барахлит! Позвоните завтра!

— Какое завтра? Где мы ночевать будем?

— А я откуда знаю? На вокзале. Все, отвалите.

В беде их, конечно, не оставили. У Адика было много друзей, в том числе и в Киеве. Одна знакомая привезла парням деньги, они отправились в Луганск утром. А провести ночь им действительно пришлось на вокзале. И это тоже было целое приключение. Они познакомились с уличными музыкантами, пели с ними, а потом и пили. Хорошо, когда тебе двадцать.

Надежды Литвинова на какое-то продолжение с Яной рухнули. Она его сторонилась. Причем, это было видно еще днем в Киеве. В чем дело? Неужели он уже умудрился сделать что-то не так? Ох, девушки. Пугливые, ранимые, прихотливые, как экзотические цветы. А чуть позже он заметил, что Яна проявляет интерес к другому парню. Быстро же прошла ее любовь...

Сергей вышел в тамбур покурить. Адик увязался с ним.

— Отлично съездили, — Максим был доволен. — По прибытии в Луганск еще и деньги получим.

— Ага.

— Ты чего такой задумчивый?

— Скажи мне, Адик, ты веришь во всю эту националистическую хрень? Бандера, Гитлер?

— Я верю в то, что Украина должна быть независима. И Бандера боролся за ее независимость. А коммуняк надо стрелять.

— Понятно, — сухо ответил Сергей. Он больше не хотел развивать эту тему. В тот момент он особо не разбирался ни в политике, ни в истории. Максим легко бы его переспорил.

Напряжение пропало после очередного распития. Всю ночь Сереге не спалось. Просто не хотелось. Он подходил к самым стойким, тем, кто продолжал пить и глубокой ночью, хлопал с ними рюмашку и уходил. Часто выходил в тамбур и вглядывался в темные поля и луга. Поездка в целом удалась на славу. Однако была в бочке меда и ложка дегтя. «Ну, ты сам подписался на этот митинг. Поглядел немного столицу, побывал в метро», — размышлял Литвинов. Но неприятный осадок с националистическим запашком остался.

* * *

Сергей смотрел на фотографию: «Удалить ее от греха подальше? Найдут еще и привяжут к правосекам». Мысли его вернулись к Максиму. Эх, как же так нас судьба

раскидала. В некотором роде он даже восхищался своим товарищем, потому что жизнь у него была действительно интересная и насыщенная. Еще до войны. Про Адика можно целую книгу написать.

Как он там сейчас? Жив ли?

Литвинов знал, что во время Русской весны Максим Быков занял непримиримую позицию в отношении России и пошел добровольцем в один из националистических батальонов. Знал, что он воевал снайпером. Понимал, что на его руках точно есть кровь. Сергею было трудно описать свои чувства. Это в агитках все просто, а в жизни... Макс хоть и не был близким другом, но Литвинов всегда считал его хорошим товарищем. Перед самой войной они хотели собрать побольше одногруппников и отдохнуть, как в старые добрые времена. Не сложилось. Но Сергей почему-то твердо был уверен, что они встретятся. Может быть, даже лет через двадцать или тридцать, но они встретятся. Смогут ли они открыто посмотреть друг другу в глаза, без стыда или ненависти. Попытаются ли понять, почему один остался в Луганске, а второй ушел воевать против своих бывших соотечественников. Выпьют ли они пива, горько улыбнутся и не будут затрагивать эти темы, поговорят о чем-то другом. О, женился? Я-то думал, что никогда не женишься. Даже дети есть? Ну ты молодчага. А сам-то что, женат? Ого, красавица. Вторая? Ну ты, брат, ловелас. Или разговаривать будут не они, а пушки? Или все слова кончатся, они просто исчезнут. Тяжелые вопросы вертелись в голове у Сергея. И дело не в том, что два товарища оказались по разные стороны баррикад. Тема избитая и рассмотренная с разных сторон. Дело в том, как склеить все. Возможно ли? И нужно ли? А если я сделаю шаг навстречу, то на другой стороне сделают ли такой же шаг?..

Он открыл дверь на балкон. Старые перила пошатнулись и заскрипели, когда Сергей положил на них руки. Потом зажег сигарету и вслух сказал:

— Как же так вышло, Максим, как же так вышло?

* * *

Бывают ли совпадения? Или это не совпадения, а закономерности. Сергей даже не особо удивился, когда встретил Адика.

Так получилось, что луганских журналистов пригласили поучаствовать в конференции, тема которой звучала следующим образом: «Война в Донбассе: Правда и ложь СМИ». Литвинова от газеты отправили в Воронеж, где и должно было состояться мероприятие. Гостей приехало много — из Москвы, Петербурга, Ростова и, само собой, из Донецка и Луганска. Сергею это все очень понравилось, так как выступать перед публикой не требовалось, просто поприсутствовать, послушать, написать отчет. Он обожал такие командировки, позволявшие немного изменить привычный ритм и наполнить, прямо скажем, довольно темные околовоенные будни яркими красками.

Во время прогулки по Проспекту Революции, осматривая достопримечательности, Сергей бросил взгляд на прохожего. Он сразу же показался ему знакомым. Литвинов резко выбросил руку, остановив Максима, еще даже не веря своим глазам.

— Адик, ты? Какими судьбами тут?

— Здорово. Та вот так.

Сергей не увидел особой радости на лице старого знакомца.

— Как ты?

— Нормально все. Что тут скажешь.

— Как ты оказался в Воронеже? Ты же в нацгвардии вроде был или батальоне каком-то.

— Ну и? — немного агрессивно отозвался тот. — Теперь здесь.

— В гости, что ли, к кому-то приехал? — Сергей искренне хотел узнать, как сложилась судьба товарища. Но тот на контакт идти не хотел.

— Работаю я тут. На стройке, — сухо констатировал Максим. И, пытаясь скрыть презрение, добавил: — А ты все журналистом трудишься?

— Ага.

Энтузиазм окончательно угас и у Литвинова.

— Ну понятно, — холодно и безразлично ответил Адик.

Сергей, человек по натуре не конфликтный, все же решился, осознавая, что разговор уже не получится, задать вопрос, который так коробит украинских патриотов, находящихся на заработках в России:

— Так, а что ж ты сюда приехал? Ты же верил во всю эту дурь про Бандеру и великую Украину.

— Я и сейчас верю, — сквозь зубы ответил Адик.

СМЯТЕНИЕ

записки о войне и жизни

Мир — это война
за тихое место рядом с тобой.
Иван Демьян

1

Автобус долго выезжал из города, то и дело застревая в вечерних пробках. Не меньше часа прошло, пока мы выбрались на федеральную трассу, ведущую на юг. Я ехал домой — на Донбасс, к родителям и друзьям. Сейчас моя поддержка была им необходима, как никогда. Уже вовсю шла спецоперация. Я набрал полные сумки всякого-разного, сейчас в прессе это называют гуманитарным грузом.

Но была и другая причина моего отъезда...

Ехать предстояло всю ночь. Выспаться, конечно, не получится. Под утро я приеду помятый и вымотанный дорогой. Но я пытался. Закрывал глаза, слушал размеренный шум дороги, облокачивался головой о переднее кресло. Постепенно переходил в мир снов, пока очередная кочка или резкий поворот снова не возвращали меня в мир реальный. Через время веки тяжелели, и я опять пытался задремать...

Снился синий «Опель». Опять этот кошмар... Он повторялся несколько раз в год, в разных вариантах. И так уже почти десять лет. В машине мои товарищи, знакомые, мы куда-то едем... Появляется чувство тревоги, какой-то скрытой угрозы, она заполняет собой все пространство...

Открываю глаза. Сон пропал. Я зевнул и уставился в окно. Герой одного из моих любимых фильмов говорил своей женщине о кошмарах: «Плохая привычка лежать с закрытыми глазами. Так и попадаешься». Сколько нужно лет, чтобы они перестали сниться? Или это навсегда?

В автобусе были в основном женщины, дети и пожилые мужчины. Из молодых ехали только я и парень в полевой форме, военный. Без российской прописки на Донбасс ехать было нельзя — назад бы не выпустили, мобилизовали и отправили на фронт, где сейчас шли ожесточенные бои, каких не было со времен Великой Отечественной войны.

Во время одной из остановок военный вышел покурить. Он хромал — правая нога не сгибалась.

— Ранение получил под Мариуполем. Заняли одно село на подступах к городу. По нам откуда-то шарахнули. Меня волной отбросило, я вставать — а ноги не держат, как заболит... Смотрю, все штаны в крови... Осколок застрял. Ну, в госпиталь, потом в Россию на операцию переправили.

Он сделал глубокую затяжку.

— Опять на фронт поеду, хоть и хромаю. Все равно. Может, пригожусь.

— Долго воюешь?

— Такое ощущение, что всю жизнь. Я уже и не помню, как это — не воевать.

Но я ехал не на фронт. Я ехал домой, к родным и близким. Ехал, оставив за спиной любимую женщину. Вернее, двух женщин. Ох, история, такая же старая, как мир.

2

А у меня ведь было предчувствие, что, если поженимся, может произойти что-то нехорошее. Ну не люблю я перемены, боюсь их и ненавижу. И опасения мои оправдались. За долгие годы появилась другая. И я испытал то чувство, которое приходит ко всем в восемнадцать лет. Вот говорят, сердцу не прикажешь... А я приказывал,

управлял, и казалось, подчинил его. Я контролировал его, так мне думалось. Но... появилась она. Она всегда появляется. Рано или поздно. Как испытание или награда.

Однако в конце лета ее еще не было. Только непонятная тревожность из-за перемены семейного положения. Гражданский брак — женаты.

— Ну, что, Сережка, когда оформим отношения? — не часто, но настойчиво спрашивала Аня.

— Да, как тебе сказать. Я не очень... но если ты... тебе надо, давай, конечно.

Она вскидывала бровь и высокомерно отвечала:

— Мне ничего не надо. Я самодостаточная женщина... Просто живем, как не пойми кто...

— Не обижайся. Я не против. Но и не за. Короче, если хочешь, давай. Если это сделает тебя немного счастливей...

— Вот именно, что немного, — задирала она подбородок и уходила на кухню.

Да, конечно, Аня права. Во всем права. Я не хотел жениться не из-за того, что считал, мол, какого она мужчинку отхватит завидного. Нет. Все дело в этих переменах, которых я очень боялся. Вот поженимся, а вдруг сразу после этого поссоримся и разлюбим друг друга? Вдруг у нее или у меня появится кто-то... разойтись будет значительно сложней. И не из-за чувств, а из-за документов. Может, все дело в том, что я привык жить одним днем уже много-много лет? А вместе со мной и Аня.

Я приходил на кухню, наводил себе холодный чай, выходил на балкон и, глядя на вечерние волны водохранилища, говорил:

— Ну, давай подадим документы. Я не силен во всем этом. Ты хочешь прям пышную свадьбу?

— Да какая с тебя пышная свадьба... Я устала, что все одноклассницы и подруги повыскакивали замуж, а я вроде как не при делах. Ни кольца тебе, ни мужа. Многие уже

во второй раз замуж выходят. А я недоделанная какая-то, выходит?

— Перестань... Ты самая лучшая. Ты же знаешь... Если для тебя это такой дискомфорт, то давай поженимся.

— Ну, после почти десяти лет встречаний давай уж поженимся, — кривлялась Аня.

Я не хотел, чтобы из-за меня она чувствовала себя неполноценной.

Документы были поданы, роспись была назначена на предпоследний день лета. Все прошло быстро и сдержанно. Волнение появилось, когда я надевал кольцо на палец Анютки. А ведь действительно это что-то да значит. Друзей не приглашали... С годами все растерялись, стали чужими, блеклыми копиями себя. В таких случаях обычно говорят: «Он для меня умер». Некоторых действительно не стало...

Поэтому праздновали мы только вдвоем. Пришли в ресторанчик в самом центре города, возле скверика. Аня была торжественно сдержанной, на ее лице — полуулыбка. Я бросал на нее взгляды, понимая, что она, наконец-то, довольна. А что изменится с завтрашнего дня? Да ничего. Все такой же знакомый маршрут, успевший набить оскомину — работа-дом. А между нами? Неужели Аня почувствует себя полновластной моей хозяйкой, будет муштровать меня по поводу и без, а я буду валяться на диване перед телевизором, пить пиво и, вальяжно потягиваясь, игнорировать ее просьбы? Да нет же. Сколько мы уже вместе, притерлись, привыкли друг к другу. Не имеет этот штамп в паспорте никакой силы для нас. Для бюрократов — возможно.

В этот вечер мы не отказывали себе ни в чем. Я взял себе пару коктейлей с финской водкой и ликером. Уже много лет я с алкоголем на «вы», но в такой день можно. Даже Аня поддержала меня в этом вопросе и заказала себе какую-то гремучую смесь из джина, рома, сиропов и фруктов. Закусить все это мы решили роллами.

Сидели и вспоминали предыдущие годы, предавались ностальгии. Когда стемнело, мы взялись за руки и вышли на танцпол. И я вдруг понял, что никогда не танцевал с Аней медленный танец. Конечно, я дома обнимал ее, но это были обычные, почти будничные прикосновения. В танце они становятся совершенно другими, более многозначительными.

Вечер прошел волшебно. И освещала его счастливая улыбка Ани.

3

А немного позже в моей жизни совершенно неожиданно появилась Мила — открытая, веселая, разговорчивая. Мы познакомились благодаря моей работе — я должен был снять ее для телевидения.

Кто такая Мила? Легче сказать, кем она не является. И поэт, и художник, и менеджер крупной компании, и особа, приближенная к властным кругам, и общественный деятель.

Но в тот тепло-пасмурный октябрьский день я всего этого еще не знал. Не мог я предвидеть и того, кем она станет для меня самого.

Я увидел девушку среднего роста, не маленькую, но и не высокую, с темными волосами, — они были перевязаны скромным синим платком. Легкое черное пальто едва прикрывало коленки. Внимания на себя обращали темно-синие глаза, выразительные, большие, взгляд прямой и твердый. Мне всегда было трудно смотреть в них длительное время. Возможно, из-за того, что я часто отводил взгляд, она и подумала, что я смущаюсь. Кажется, хихикнула себе в кулачок.

Работа была сделана, мы поговорили с ней обо всем, о чем нам надо было поговорить. То есть, о поэзии, картинах и активной жизненной позиции.

И, не имя никаких скрытых желаний, я простодушно предложил:

— Не хотите выпить чая или кофе?

Мне было скучно, домой возвращаться я не спешил. Аня была на работе, а проводить еще несколько часов за ноутбуком я не хотел. Уж лучше побродить одному по городу. Или в компании.

Она смерила меня своим непоколебимым взглядом, принимая решение.

— Ну, пойдемте.

Начинался дождь, и мы зашли в первую попавшуюся кофейню. Благо, их в центре города хватало.

— А вы домой не спешите? — удивился я.

— Обычно спешу. И домой, и на работу, и по делам. Но сегодня мне захотелось не спешить, — ответила Мила.

— Муж не будет беспокоиться? Или парень?

Она неопределенно махнула рукой, и жест этот можно было трактовать по-разному. В душу с расспросами я решил не лезть. Мила потягивала через трубочку кофе с молоком, я же обжегся слишком горячим чаем с лимоном. Смотрела куда-то в стенку, в сторону, сквозь большое, мерцающее огоньками окно, на проезжающие машины.

— А вы, Сергей, журналист?

— Ну да, в том числе и журналист.

— А чем еще занимаетесь?

— Да иногда, когда есть время, подрабатываю то там, то сям.

Я ловил ее глаза, когда она не смотрела на меня, наслаждался необычной грозой в них. Как только Мила упиралась взглядом мне в лицо, я начинал смотреть на улицу или мелькающие в телевизоре клипы. Она, видимо, решила, что это игра.

— А вы местная?

— Как сказать, я из деревни. Из области. Тут недалеко, сто пятьдесят километров. А вы?

— Ну, я чуть-чуть подальше родился, в Донбассе.

— Аааа, — многозначительно протянула она. — У меня тоже есть родственники на Украине.

Наш разговор имел неспешный, расслабленный темп. Оба устали к концу дня. Мы бросались фразами, долго обдумывали их, отвечали не скупо, но и не развернуто. Загадка какая-то появилась между нами. Мне показалось, что ей не особо интересно со мной. Ну что ж, сколько таких встреч-однодневок было в моей жизни, сколько еще будет. Да и какая разница, что подумает Мила обо мне, разве это важно. Мы ведь никогда больше не увидимся, скорее всего.

Дождик шел так же неторопливо, как и наш разговор. В темных лужах уже отражались фары автомобилей, вода дрожала и расплескивалась из-под резины колес.

Домой я шел долго, пешком, не обращая внимания на попутные автобусы, уже полупустые. Хотелось насладиться свежестью, октябрьским ветром и темными низкими тучами.

4

Все-таки время года влияет на настроение. И осенью особенно часто задумываешься над жизнью. Я лежал на диване возле темного окна, в котором виднелись кривые ветки качающегося дерева. Оно как будто просилось в гости, наклонялось, заглядывало к нам в квартиру. Аня уже спала, а у меня душа была не на месте. И не знаю почему... Ради чего я живу? Все дни однообразны, пусты и бессмысленны. И молчаливы. Я поймал себя на мысли, что часто бывали дни, когда я не произносил ни одного слова. Только работал и работал. А вечером за ужином мы с Аней обсуждали прошедший день. Рассказывать мне зачастую было нечего, потому что ничего и не происходило. А она обижалась.

В редкие моменты мы смотрели старые фотографии и видео.

— Помнишь, как мы познакомились? — спрашивала Аня.

— Да, конечно. На свадьбе друзей. Ты была дружкой, а я просто гостем.

Свадьба друзей практически стерлась из памяти, как и их лица. А мы остались друг у друга.

— Ты мне тогда не особо понравилась, хотя платье у тебя было красивое.

— Да знаю я, — Аня демонстративно закатила глаза. — Ты мне тоже.

— Удивительно, что мы начали встречаться, — покивал я.

— Да... Помнишь тот наш первый год?

— Конечно. Наверное, самый счастливый. А потом началась война.

— И ты взял меня, и принял решение уехать. Ты же хотел вернуться... Постоянно хочешь вернуться...

— И возвращался. И не раз. И опять уезжал. И окончательно потерялся бы, если бы не ты.

Мы говорили о тех вещах, которые и так хорошо знали. Проговаривали их в очередной раз. Зачем? Чтобы не забыть, кто мы? Из раза в раз одно и то же, как молитва. Но это было нужно и Ане, и мне.

— Я никогда не чувствовала там себя дома.

— А здесь?

— Наверное, да, наш дом теперь здесь.

— Ну, если по документам, то да, — горько улыбнулся я.

Где же мой дом?

Квартира родителей, в которой я прожил двадцать лет, а потом ушел, начал жить с первой девушкой и уже никогда не возвращался в нее окончательно, только как в перевалочный пункт, где можно отдохнуть, а потом снова уйти непонятно к кому.

Дом бабушки в деревне... Как часто он снится и как редко я там бываю. Уже нет бабушки, а дом продан и разрушается. Я был там недавно, но... лучше бы не ездил. Новые хозяева не жили в деревне, поэтому все ценное, что там было, растащили соседи, все постройки наполовину обрушились, а дом стал пустым помещением.

А потом... череда съемных квартир. Мы с Аней меняли по три квартиры в год, так уж складывались обстоятельства.

И в какой-то момент я понял, что не могу находиться долго в одном месте, меня тянуло переехать. Пусть даже в пределах одного города.

Не привязывайся ни к чему и ни к кому. Это все лишнее. Все испытания ты проходил и будешь проходить один. Это правило. А исключения его только подтверждают.

— Помнишь, как мы чуть не расстались? Ты тогда не работал, очень долго.

— Да, помню. Я не работал, потому что... Ты знаешь, почему.

— Я думала, что ты вообще не хочешь работать, понимаешь?

— Разве я не доказывал обратное десятки раз?

— Да, но это было потом. А тогда мне казалось, что тебя все устраивает... Я плакала по ночам...

— Я помню твои слова. И никогда их не забуду: «Если ты не можешь дарить мне подарки, то я буду принимать их от других».

— Я... ты же понимаешь...

— Я понимаю, и не упрекаю тебя, — прервал я Аню. — Ты делала все правильно. Это я совершал одну ошибку за другой. И я тебе благодарен. Не все бы прошли через это.

— Да... правда... немногие. Помнишь Пашу и Иру?

— Да и не только их... Сколько пар распалось. Наверное, в человеке в определенный момент что-то ломается. Ломается безвозвратно. А разбитую вазу не склеить.

— Но мы смогли? — неуверенно и тихо произнесла моя жена.

— Мы... Мы ее поймали перед самым падением.

— Как хочется отправиться куда-нибудь в путешествие... — сказала Аня. — Последнее время мы с тобой никуда не ездим.

— Мне тоже хочется. Но еще больше мне хочется, чтобы у нас в семье было пополнение.

— Можем завести кошку, — грустно улыбнулась Аня, глядя в окно и делая глоток чая.

— Да, я знаю, ты животных любишь больше, чем людей. Извини, я пошутил. Даже родители мои говорят: «Зачем ты живешь?» Они, конечно, имеют ввиду то, что у нас нет детей. А нам уже за тридцать.

— Сергей! — она отвернулась.

Я затронул самую больную тему. И не потому, что хотел сделать ей больно и упрекнуть в чем-то. Просто я ощущал пустоту, неполноценность и бессмысленность. Ради чего я живу? Не знаю. Ради прошлого и настоящего, ради родителей и Ани. А в будущем, что или кто? Двое пожилых и одиноких людей. Годы, десятилетия и века одиночества... И за что это наказание? Судьба такая...

Может, поэтому я любил менять места жительства. Что здесь я никто, что там, и даже вон там, а на другой стороне — тем более никто. И всем наплевать.

— Хочется попутешествовать, — повторила жена.

— Да, и мне, — повторил я.

5

Через несколько дней мне неожиданно написала Мила. Попросила мой номер телефона. Я думал, он у нее есть, но она сказала, что не записала его.

— Привет. Я помню, ты говорил, что хочешь покататься по области. Не хочешь со мной в Рамонь съездить?

Я бросил эту фразу во время нашей встречи, не рассчитывая ни на что. Но Мила запомнила.

— Привет. Да, давай.

— Ты где живешь?

— На Левом берегу.

— Говори адрес, я через полчаса заеду.

Отлично, думал я, хоть какое-то разнообразие.

Мила приехала на машине, я упал на сиденье рядом с ней. Поздоровался еще раз. Чувство неловкости и неуверенности охватило меня. О чем говорить с ней? Вижу ее второй раз в жизни. Да еще и симпатичная. Меня выбило

из колеи. Я как школьник или студент на экзамене. А передо мной декан. Но самое главное, какой я для нее студент — любимец или ненавистный прогульщик? От этого зависит, как будет строиться разговор.

— Мне тут по заданию надо съездить в Рамонь, — рассказывала Мила, выруливая на федеральную трассу. — Ты был там?

— Нет, я здесь особо нигде не был.

— Ты что! — удивилась она. — Там есть настоящий дворец. Я тебе покажу.

— Это я по своей области ездил и неплохо ее знаю, во многих городах бывал. А здесь... не было такой возможности.

— Но ты любишь путешествовать? — уточнила Мила.

— О, еще как люблю. Знаешь, дорога в последние годы стала моим любимым местом. Не важна цель, важен путь.

— Да, наверное, согласна. У меня есть стихи про дорогу.

— Почитаешь?

— Прямо сейчас? — бросила она, обгоняя несколько фур, мчащихся в Москву.

— Ну, можно и потом.

— Погоди, дай припомню...

И она начала сбивчиво, но приятным голосом читать свои стихи. Трасса, красивая девушка, читающая стихи. Мелькающие желто-красные деревья. Наверное, именно в этот момент во мне что-то екнуло. Я даже приоткрыл окно.

— Старый стих, я плохо его помню.

— Ничего, ты круто прочитала. Мне понравилось, правда. А про природу есть? — спросил я, вглядываясь в поля.

— Тебе интересно?

— Ну, конечно, зачем бы я спрашивал.

— Я давно ничего нового не писала и не читала.

— Все хорошо, продолжай. Если это не отвлекает от дороги.

Она так мило улыбнулась, не глядя на меня. Но я получил эту улыбку. Ее первую улыбку, адресованную мне.

Я от удовольствия прикрыл глаза. Как же все атмосферно было. И чувство такое... Оно промелькнуло и разбавило серые будни... Чувство, как в восемнадцать лет... Ее голос звонко прыгал под гул машины. И я почувствовал себя так хорошо, как давно не чувствовал. И вдруг мне захотелось увидеть ее красивые глаза, насыщенно синие. Я мельком бросил взгляд — она сосредоточенно смотрела на дорогу. Я не смог рассмотреть ее глаза так внимательно, как хотел. Но мое внимание приковали губы, читающие стихи. Их движение, их приятный цвет и форма... Я отвернулся, уставился в окно и нахмурился, отгоняя от себя позабытые эмоции.

Что мне бросилось в глаза в Рамони, так это улица имени Юлиуса Фучика, героя-коммуниста Чехословакии, казненного нацистами. «Репортаж с петлей на шее» — его выдающееся произведение. И памятник уроженцу села Сергею Мосину, который изобрел легендарную винтовку.

А дальше был парк, в котором кружили желтые листья. За ним — дворец Ольденбургских. Мы с Милой прошлись вокруг него, сама усадьба сейчас была закрыта для посещений.

— Красиво, — протянул я.

— Я давно была внутри, там тоже интересно.

Она рассказала немного об истории дворца. Я, как любитель истории, оценил это, по-щенячьи глядя ей в глаза. Потом понял, что переборщил, и сделал лицо «кирпичом».

— Тогда я должен угостить тебя кофе. В этот прохладный день.

Пришлось долго ее уговаривать.

— Да успокойся, ты меня пригласила, катаешь, показываешь достопримечательности Рамони, читаешь свои стихи. Могу я хоть что-то для тебя сделать...

Мне удалось ее убедить и наконец расплатиться с продавцом кофе. И мы продолжили прогулку по длинной аллее, защищенной высокими стройными тополями.

Несмотря на неловкость вначале, теперь я чувствовал себя более комфортно. Мы делились историями из своего прошлого, шутили и смеялись. И как будто звучала гитарная небыстрая и неагрессивная мелодия. Желтый цвет листьев, разбросанных ветром по асфальту, добавлял душевного тепла.

Я поймал себя на мысли о том, что так хорошо мне не было очень давно.

Она остановилась возле лавочки, попросила подождать и отправилась в серое здание, стоявшее неподалеку. Почему-то улыбка не сходила у меня с лица, пока я ждал Милу.

— Муж не будет ревновать, что ты меня с собой взяла? — спросил я, когда она вернулась.

— Все, можем возвращаться... Муж... Я в разводе... Верней, развожусь. Уже который год. Ну, мы не живем вместе...

Я не стал дальше выспрашивать, бередить ей душу. Однако я заметил, что она не погрустнела. Видимо, эта давняя тема уже не вызывала в ней сильного эмоционального отклика.

— Раз уж мы об этом заговорили... Я не вижу у тебя обручального кольца.

— Я его просто не ношу. Не очень удобно мне с ним. Мы... недавно поженились.

— А давно вместе?

— Да, давненько. Почти десять лет.

— Ничего себе. Это вы молодцы. Мой первый муж, гражданским браком мы с ним жили... Меньше трех лет. Но у меня от него осталось маленькое чудо — Надя, ей восемь лет. А у тебя дети есть?

— Нет...

— А может есть, но ты о них не знаешь? — рассмеялась Мила.

— У меня была не настолько бурная молодость.

* * *

— Пойдем погуляем? — как-то предложил я Ане.

— Ой, не хочу. Нет настроения.

— Давай тогда поиграем в настольные игры или посмотрим какой-нибудь сериал? Или фотки старые пересмотрим?

— Не, я устала, хочу побыть наедине с собой.

Уязвленный, я оделся и ушел в темные сумерки один. Эта ситуация постоянно повторялась. И мы спорили, и ссорились. В этот раз я решил не выяснять отношения, а просто уйти. Тоже побыть одному, наедине с собой. В воздухе летала мокрая пыль, лужи подрагивали от ветра, листья осыпались сотнями. Темнело, еще чуть-чуть и включат фонари. Многоэтажки скрывали шум дороги. Я вышел к широкому и оживленному проспекту. Суета. Жизнь. Хорошо и грустно.

Пришло сообщение от Милы: «Что делаешь?» Я ответил, что гуляю в одиночестве по городу. Она предложила

встретиться в центре. Я обрадовался и... укорил себя за это. Не должен я так себя вести, не должен я ехать и общаться с другими девушками. Неправильно это... Но что мне остается?

В этот раз при встрече она приобняла меня. В строгом черном, но не очень длинном пальто, и черной шляпке. Элегантно, утонченно. Мила умела обращать на себя внимание.

— Теперь я угощу тебя, пойдем.

— Ну, пойдем, — улыбнулся я.

— Сергей, я, собственно, к тебе по делу...

— Аааа, — я слишком явно выдал свое разочарование. Потом понял это и все постарался перевести в шутку. — А я уже подумал, что соскучилась, жить без меня не можешь...

— На чужой каравай рот не разевай, — со всей строгостью ответила Мила.

— Так что такое?

— У меня в скором времени будет персональная выставка картин.

— Хочешь, чтобы я поснимал?

— Да, хочу. Ты сможешь? В эту пятницу вечером.

— Думаю, да.

— Я в долгу не останусь, — заверила Мила.

— Нет, нет. Денег я с тебя не возьму.

— Хорошо, что тогда?

— Да ничего не надо, Мила, перестань.

— Ну, ладно, я сама подумаю.

Кофе я пить не стал, остановился на чае. Посидели в кафе недолго. Она спешила домой. К дочери. Я сказал, что еще останусь в центре, прогуляюсь по такой погоде, хороший вечер.

— О, да ты романтик.

— Есть такое дело, — подтвердил я.

— Тогда, романтик, можешь меня проводить, если хочешь погулять.

— С удовольствием.

— Нет, удовольствие я не обещаю, — подколола она.

— Да, но я его все равно получу, — парировал я.

Мила легонько толкнула меня кулачком в плечо, как бы говоря: «Какой ты дуралей». Мы шли по центру, дождливый ветер все усиливался. Она взяла меня под руку, второй — придерживала шляпку. Пустынные улицы принадлежали только нам. Почему люди так боятся дождя?

Мы пришли к арке дома со шпилем.

— Это мой двор. Спасибо, Сережка.

— Всегда, пожалуйста.

Мы разошлись.

Дома жена не задавала никаких вопросов: где я был, с кем, что делал. А не наплевать ли ей на меня? Столько лет уже вместе. Подумать только — почти десять лет. Остались ли хоть какие-то чувства, я уже не говорю про любовь. Она, наверное, была, но скрылась под слоями бытовой пыли.

Мне казалось, что мы отдаляемся. Я отдаляюсь, а Аня... Может, она никогда и не приближалась ко мне по-настоящему? Я вспоминал мои претензии к ней. Господи, да большинству из них практически столько же, сколько и нашим отношениям. И ничего не изменилось, ничего не исправилось. Да и я не идеален, но я стараюсь слушать и слышать. А слышит ли она меня? Все говорило об обратном.

На моем лице невольно появилась улыбка, когда подумал о Миле. Это даже Аня заметила.

— Ты чего улыбаешься?

— Да так, шутку вспомнил.

— Какую? — она была дотошной.

— «Самое искреннее, что я слышала, это мурчанье котенка. В нем нет лжи. — Свинья, когда хрюкает, тоже не звездит», — пересказал я гулявшую в интернете картинку.

Аня усмехнулась и ушла на кухню, удовлетворившись ответом.

Я всю неделю продолжал думать о Миле, потому что она оставалась, наверное, единственным источником положительных эмоций. Серые тучи, завладевшие небом не на день и не на два, давили, статичная картина за окном квартиры удручала, а она, поэтесса, художница, менеджер и активистка, была лучиком солнца, оставшимся здесь, на земле...

Нет, надо гнать от себя все это.

6

Галерея была огромной, с высокими потолками, на стенах висели картины разных авторов — и оригиналы русских художников, и репродукции мировой классики, и работы современных мастеров. Как все интересно. Кое-где встречались скульптуры и бюсты древних греков, египтян, поделки и игрушки древних людей.

Средних размеров помещение было предоставлено руководством галереи под работы Милены. Собирались приглашенные. Виновница торжества была неотразима в бледно-красном вечернем платье. Я не мог отвести от нее взгляд. Она меня именно для этого позвала на самом деле? Не ради фотографий? И я не знаю, какой ответ был бы лучше.

Я усердно работал, щелкал всех подряд, и в первую очередь ее.

В назначенный час все собрались перед Милой, и она начала рассказывать, в каких техниках работает, как к ней приходят сюжеты, где черпает вдохновение. Стандартные темы, в общем. И говорила Мила порой даже косноязычно, сбиваясь. При этом она не теряла своего очарования. Наоборот, оно становилось все сильней.

На меня Мила толком не смотрела. Я почувствовал себя ненужным, как будто меня используют. Фотографий было достаточно, я перестал снимать. Стоял с отстраненным видом, рассматривал картины. В основном преобладали пейзажи, деревенские домики. Но встречались

и изображения космического неба, темно-синего, сиреневого, с яркими звездами. Был портрет ее дочери — девочки с темными, как смола, волосами и острым подбородком. Взгляд очень строгий и очень серьезный. Почему Мила решила нарисовать ее именно такой? Еще выбивался из общей канвы автопортрет. На нем Мила была похожа на себя, но так, как бывает похожа... сестра-близняшка. Может быть потому, что отсутствовала ее улыбка, а я привык видеть Милу именно улыбчивой, смеющейся.

Я постоял еще немного, пока не решил окончательно, что мне здесь больше делать нечего. В непонятных, расстроенных чувствах я отправился к гардеробу. Мне всегда было непонятно, почему именно среди людей чувствуешь себя очень одиноким. Но и уезжать в глушь, в которой каждый прожитый год не отличается от предыдущего, где ничего не меняется даже визуально, не хотелось.

Я дал номерок и взял куртку.

— Ну, и куда это мы собрались? — услышал я знакомый голос. — Чуть не упустила тебя из виду.

— Я все пофоткал, обработаю и скину.

— Хорошо. Но сейчас мы пойдем в кафе, посидим и отметим мою выставку, хоп?

— Хоп? Что это? — удивился я.

— Это «договорились» на узбекском, — очаровательно улыбнулась она.

Мое плохое настроение как рукой сняло, внутри стало тепло. Она не дала мне почувствовать себя забытым и заброшенным. Мила оказалась внимательной и чуткой, уловила мое настроение.

— Ну, давай, — развел руками я.

— Сейчас, еще немного мне надо побыть, минут десять.

— Ладно, ладно.

Немного позже она вышла из галереи, уверенным движением взяла меня под руку, и мы пошли в кафе. С Милой было уже привычно и комфортно, исчезло беспокойство, неловкость, как при первых встречах. Веяло прохладой,

мы кутались в воротники, прятали лица от ветра, пытаясь разговаривать.

В одном из заведений на проспекте заказали перекусить и пару коктейлей. Я, как всегда, не хотел пить, но Мила настояла, что надо отметить такое важное событие в ее жизни.

— У меня ведь не так много выставок было. Это, по-моему, четвертая. Я имею ввиду персональных. Были еще какие-то сборные.

— Я за тебя очень рад. Дивлюсь, как тебе на все хватает времени.

— А его и не хватает. Постоянно приходится делать что-то в ущерб другому. И потом чередовать.

— А у меня вроде и время есть. Только заполнить его нечем. Все так живут быстро, куда-то мчатся, столько дел, решают свои проблемы. А мне и мчаться-то некуда.

Мы выпили, предварительно чокнувшись бокалами.

— Расскажи мне о Донбассе, — попросила она.

— Если честно, то не хочу. Когда-то я пытался что-то кому-то рассказывать, а потом видел стеклянные глаза, наплевательские и безразличные. С тех пор я никому ничего не рассказываю. Все есть в интернете, во всем можно разобраться самому.

— Но мне все-таки интересно, — настаивала Мила.

— Что именно?

— Ну, например, как ты оказался в России.

— Началась война, десятками начали гибнуть люди. Я взял жену, на тот момент мы только встречались, и увез ее. Вот и все.

— Ты немногословен сегодня.

— Извини. Но это такая тема...

— У тебя погиб кто-то?

— ...о которой я не хочу говорить. Все, давай о чем-нибудь другом.

— Ты меня тоже прости. Я всего лишь хотела узнать тебя получше. Ты обычно веселый и улыбчивый, шутишь, а сейчас... у тебя такое лицо стало...

— Вот, кстати, по поводу лица... Мне твой автопортрет понравился. Необычная ты на нем.

— Да.

— Не могу даже понять, почему.

— А я тебе скажу, — покивала Мила. — Я писала его после смерти сестры. Она недавно умерла. Это выражение горя. Только слезы я не стала рисовать. Хотя они были... Вот видишь, я говорю тебе все.

— Вы были близки?

— Да, я ее очень любила. Хотя она была и младше, но я ее всегда считала старшей из нас. Я — раздолбайка, а она серьезная и основательная, часто наставляла меня на путь истинный.

Мила ушла в себя, это можно было понять по взгляду. Вспоминая о сестре, она невольно улыбалась. Как мне была понятна ее улыбка!

— Семьи у нее не было. Ничего после нее не осталось, — улыбка исчезла. — Только воспоминания.

— Иногда этого достаточно. Иногда воспоминания более осязаемые, чем что-то конкретное.

— Да, ты меня понимаешь. Она часто приходит ко мне во сне, мы общаемся. И часто кажется, что она жива.

— Мне часто снится один сон в разных вариациях. Что я еду на синем «Опеле» с товарищами. Это действительно было. Когда начиналась война на Донбассе, я не скрывал своих взглядов. Я был и остаюсь за Россию. Даже выступал однажды на митинге. В общем, активист пророссийский. При этом у меня было много знакомых, товарищей, друзей с разными взглядами, в том числе и крайне правыми. И вот двое товарищей позвали меня съездить с ними в область. Война уже шла. Хотели посмотреть то ли разбитую обстрелами военную часть, то ли еще какой-то объект. Я согласился, хотел пофотографировать. С ними были еще два их знакомых, которых я не знал. И вот мы едем, а у меня какое-то предчувствие появляется. Разговоры у них становятся странные и агрессивные в мою сторону. Упреки, споры и обвинения.

Я понимаю, что что-то здесь не то. А потом один из этих незнакомых достал пистолет. Как бы невзначай, крутил его, рассматривал, хвастался. Я присмотрелся ко второму и заметил татуировку в виде свастики, какую носят украинские националисты. В общем, я не знаю, как передать словами эту обстановку... Но в один момент я отчетливо понял, что они едут, чтобы убить меня где-нибудь в посадке... Меня спасли две вещи. На дороге встретился блокпост ополченцев. Они остановили машину, но ничего толком не проверяли, не досматривали. Мой знакомый, который был за рулем, переговорил с ними о чем-то, — они посмеялись. Хорошо, что я сидел возле двери на заднем сиденье, а не посередине. Я просто взял и вышел. Вышел и остался на этом блокпосту. Ополченцы тогда ничего не поняли, а мои знакомые сказали, мол, остаешься, ну ладно, до встречи. И уехали, как ни в чем не бывало... Я знаю, они бы убили меня... Теперь я достаточно тебе рассказал?

Мила промолчала, только сделала глоток коктейля. Я тоже.

— Поэтому с тех самых пор, с четырнадцатого года, я никому не верю.

— А по тебе так и не скажешь. Ты открытый и веселый.

— До определенной степени. Ну кому понравится унылая рожа, кто ее полюбит?

— А ты хочешь, чтобы тебя все любили?

— Нет...

— Я вот на тебя смотрела на открытии выставки. Ты не такой был. Серьезный, угрюмый даже, «морда кирпичом». А ты же совсем другой.

— Я... я не знаю, какой я. Уже ничего не знаю. Помнишь, как у Розенбаума? «Заблудился в темном лесу я». Вот так и я, заблудился и уже не выйду, скорее всего.

— Я тебя выведу. Если понадобится, я как Данко пожертвую своим сердцем, чтобы вывести тебя из этого темного леса.

Мне стало очень неловко, я отвел глаза и сел вполоборота к Миле. Помолчали каждый о своем. Затем разговор

продолжился в более веселом русле. Рассказывали друг другу всякие комичные истории. А взгляд ее, обращенный на меня, стал другим. И я не мог понять, каким. Но такими глазами не на каждого смотрят. А эти грозовые глаза в полутьме... Они светились насыщенным синим цветом, когда на них попадал сторонний огонек.

Она становилась слишком важной для меня. Я пытался сопротивляться, но не мог.

7

Зима шла медленно, никуда не спешила, холодная и серо-белая. Я занимался работой, но все мысли были о ней. Минуты, дни, недели.

Мы стали часто общаться. Постоянно переписывались в социальных сетях, иногда созванивались.

Я из-за невозможности все это скрыть рассказывал Ане о своей новой знакомой. Она достаточно спокойно воспринимала наше общение, без видимой ревности, и казалось, даже одобряла.

— Я рада, что у тебя появились новые друзья, — глядела Аня с хитрым прищуром.

Мне не хотелось замечать его. Женское сердце, разве его обманешь? Может, ее успокаивало кольцо на пальце, которое она так хотела: мой муж, никуда не денется.

Проблема в том, что я отдалялся от жены и все время хотел проводить с новым для себя человеком, с новой женщиной. И все мы догадывались, чувствовали, что происходит, но еще не говорили об этом открыто.

В один из зимних дней мы гуляли в парке имени Дурова с Милой и ее дочкой. Это была забавная, смешливая девчушка, Надя, которой я подарил большую Детскую энциклопедию с красивыми картинками. Знакомство прошло успешно. Мы играли в снежки, смеялись, валялись в снегу. И все это время я радостно ощущал на себе кроткий взгляд Милы. Я понимал, что она хочет быть со мной.

Когда мы гуляли втроем, я чувствовал себя членом настоящей семьи, а Надя как будто моя дочь. От этих мыслей сразу становилось грустно — у нас-то с Аней детей не было.

Когда мы виделись только вдвоем, я едва держал себя в руках... Перед очередной встречей я полушутя написал ей: «Надень сегодня платье с вырезом поглубже». У меня было два варианта: либо она назло мне наденет закрытую водолазку, либо... Она пришла в бирюзовом коротком платье с волнующим вырезом.

В небольшом и пустом ресторанчике мы зашли помыть руки. Я оказался за ее спиной... Положил руки на талию, глядя в ее глаза через отражение... Прижался... Она прижалась в ответ, положила свои ладони на мои руки, закрыла глаза. Мои руки скользили по ее животу, она все сильней прижималась ко мне, откинула голову мне на плечо, повернула лицо. Ее губы оказались совсем рядом... Я отпрянул слишком резко и неожиданно.

Мы снова встретились за столиком. Я согревался чаем, хотя меня и без него бросило в пот.

— Не знаю, как ты сдерживаешься, — бросила она.

Ответить было нечего.

Радость первых впечатлений, первого общения, узнавания проходила. Появлялась боль...

Боль от сложившейся ситуации, нехорошей со всех сторон. И я стал причиной этому.

— Когда ты меня провожаешь, я не хочу, чтобы ты уходил, — тихо произнесла Мила. — Я хочу, чтобы ты остался.

«Ты хотел? Ты получил! Доволен? Ловелас хренов» — думал я про себя.

— Я бы тоже хотел остаться... — неопределенно ответил я.

— Но я так не могу. Пока у тебя кольцо на пальце, пока ты женат, пока она ждет тебя дома.

— Я понимаю. И я тебе за это благодарен. Ведь сдерживаюсь не только я, но и ты.

— Да...

— Я никогда не был в подобных ситуациях...

— Мне недавно приснился сон. Там был ты, я, Надюшка. Еще там был мальчик. Наш сын.

От этого мне стало еще более паршиво на душе. «Какой же ты придурок», — думал я про себя. Теперь тебе решать эти проблемы. Но как быть, сердцу ведь не прикажешь... Кто виноват, что все так получилось? Я, Мила, Аня или злодейка-судьба, бросившая кости, которые выпали именно таким образом?

Когда я вернулся домой, Аня уже спала. Я отряхнулся от снега, тихо снял ботинки и куртку. Беззвучно прилег рядом с женой. Смотрел в потолок, пытаясь разобраться в себе. Неожиданно в темноте раздался голос:

— Я вот думаю, а что будет, если ты уйдешь к ней? Что будет со мной? Как я буду жить одна без тебя?

Еще одна фраза, на которую мне нечем ответить. Два сложных вопроса, на которых не было хороших ответов.

Я просто повернулся к Ане и обнял ее. В тишине я прислушивался, не плачет ли. Нет. Спокойная, безразличная, уже сто раз прокрутившая у себя в голове эти мысли.

«Ну и кого из них ты сделал счастливой? — думал я. — Ладно... А сам ты стал более счастливым? Нет, ни насколько».

8

Дома, на Донбассе, ситуация накалялась. Родители рассказывали, что украинские артиллеристы снова начали активно стрелять, наши, до этого сдерживаемые приказом не вестись на провокации, отвечали, пытаясь подавить огневые точки противника.

Еще страшней были теракты. Диверсанты, завербованные и засланные Киевом, взрывали автомобили с нашими политиками и командирами, подкладывали бомбы для уничтожения инфраструктуры.

Я переживал за родителей. Все шло к большой войне. Это было понятно всем. За прошедшие годы Украина воспитала ненавидящее русских и Россию поколение, пропагандой запудрили мозги, выставив Москву главным вселенским злом. Более того, Киев якобы уже восемь лет воевал именно с Москвой, а не Донбассом, не со своими бывшими гражданами. Я хорошо помню выбитые стекла в моей школе, школе, в которой учились мои сестры, сожженные магазины, рынки и дома. Погибших жителей... Пятнадцать тысяч человек, по официальной статистике, было уже не вернуть.

Теперь Украина хотела все это повторить, но уже на новом уровне. Все эксперты говорили о том, что украинская группа войск выстраивается в наступательном порядке, готовит удар. Крохотные непризнанные республики, одинокие Луганск и Донецк, были приговорены. Огромная группировка войск сотрет их с лица земли. А Россия... что же Россия, на которую все возлагали надежды... Неужели останется в стороне?..

Я не знал, что делать, каждый день связывался со своими и спрашивал, как они там. Все любовные переживания отступили на второй план. Не хотелось думать ни об Ане, ни о Миле. О войне думать тоже не хотелось. Я хотел просто спокойно жить, не думать о судьбах мира, общаться, любить... А на душе все гаже и гаже...

Но Россия не промолчала. В ответ на запрос республик, они были ей признаны. И это была радость, это был праздник. Но после праздника наступили тяжелые военные будни. Президент Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции по защите Донбасса.

Утром 24 февраля все началось. Миллионы людей, открыв в этот день новостную ленту, не поверили своим глазам. Войска России уже были в Черниговской, Киевской, Харьковской, Сумской областях, поступали данные о русском десанте в Одессе. Не говоря уже о ДНР и ЛНР.

Начался самый кровавый конфликт первой половины XXI века.

Из республик начали эвакуировать женщин, детей и стариков. А всех мужчин мобилизовали, отправляя на фронт.

Украинские войска терпели поражение, они не ожидали такого развития событий. Хотелось злорадствовать: «Врали все эти восемь лет, что воюете против России, так повоюйте теперь!» Но не получалось... Загребать жар чужими руками я не умел. И все же из меня полезло столько злобы, ненависти, что я перестал читать новости. Я прекрасно помнил фразу: «Самые жестокие люди обычно самые трусливые». «Не будь жестоким и трусливым, не радуйся тому, что сейчас где-то гибнут люди. Есть подонки, туда им и дорога, но есть и обычные люди, которые не знают, что теперь делать. Как и мы тогда, в четырнадцатом году», — говорил я себе.

Как-то с Аней ехали в автобусе. Людей было мало. У водителя включено радио, звучат новости о беженцах из Украины в Европе и попытках их всех там приютить и обогреть.

Ведущий рассказывает о Молдавии, которая собрала свободные средства и радушно приняла украинцев, а также о жителях страны, возмущенных поведением некоторых прибывших, которые требуют, чтобы с ними не общались на русском языке, а только на том, «который они понимают». Затем звучит упоминание Польши, где тоже принимают соседей, хотя еще недавно беженцев из Сирии не пускали на порог и даже стреляли в них.

С места вскакивает худенькая девушка с недовольным лицом, и о чем-то говорит с водителем. Поначалу показалось, что она просто спрашивает его о чем-то, но по ходу разговора распаляется и кричит: «Выключите это немедленно! Вы зачем голову людям морочите?»

Водитель говорит: «Это радио, что не так?»

«Я журналист! — заявляет пассажирка. — И я говорю вам, что все здесь сказанное — пропаганда и ложь от первого до последнего слова. Выключите немедленно!»

Водитель пожимает плечами и спокойно спрашивает: «Вы что, нацистка?» Автобус останавливается, она выскакивает в открывшиеся двери. Он снова громко спрашивает: «Вы нацистка?»

«Я — человек», — бросает она недовольно и уходит.

Журналистка... наплевавшая на всех погибших на Донбассе... Ну какая она мне может быть коллега? Либо лицемерка, замечающая только то, что укладывается в ее картину мира, либо просто недалекий человек. Конечно, она может иметь любое мнение, это право бесценно и его никто не отменял. Но что это мнение значит для тех, кто потерял близких, кто лишился дома от украинских обстрелов, кто сидит в окопах и штурмует оккупированные села, кто влачит нищенское существование, потеряв веру в светлое будущее? Ничего. Мнение этой журналистки не значит ничего.

Шли дни и недели. Я места себе не находил. Я не мог спокойно наблюдать за этим всем.

Я не мог уснуть, перед глазами стояли картины пепелищ, разорванные тела, горящие дома. Пришлось пить успокоительное. Аня, как могла, успокаивала меня, нервного и слабого. Все то, с чем я боролся восемь лет, эта затянувшаяся депрессия, вызванная бесцельной жизнью, накатилась еще больше и, казалось, прибрала меня к себе. Я не помню, как засыпал, просто отключался, когда было далеко за полночь.

— Сережа, с тобой все хорошо? — будила жена. — Ты громко стонал.

И так через ночь или две.

Я не мог бездействовать... Мила написала очень романтичное небольшое письмо, а с Аней мы поссорились, я наорал на нее так, как никогда не орал. Я окончательно запутался во всем, в чем только можно было. Во мне сплелся такой сложный клубок из самых разнообразных чувств: влюбленности, ненависти, страха, отчаяния...

Пытаясь разобраться в себе, я бросил все и отправился на Донбасс. Даже Ане я сообщил об этом в последний момент, а Миле и вовсе ничего не сказал.

На улице стояла умеренно теплая погода — весна. Наверное, одна из самых несчастливых весен. В этом году она не принесла с собой ничего того, что обычно приносит — любовь, надежду и радость.

Пустой автовокзал, безлюдные утренние улицы, такси до родительского дома. Объятия с родными после долгого расставания. Недолгий сон. Проснулся. Вокруг та же обстановка, которая была в детстве. Дом, за годы ставший уже чужим, снова погрузил меня в те беззаботные годы.

Пообщавшись с родителями, я отправился в школу, до которой было пять минут ходьбы. Прошел мимо детского сада, — в его огороженном дворе играла ребятня, веселая и смешная. Надеюсь, они не понимают, что происходит, что горькие воспоминания об этом времени у них сотрутся.

Возле школы люди с автоматами — сотрудники комендатуры. Я зашел в вестибюль и удивился, не увидев здесь бегающих детей. В нем стояли столы, за которым сидели мои учителя, а перед ними стояли очереди из людей.

Я подошел к девушке в форме.

— А что здесь происходит?

— В каком смысле? Вы с какой целью интересуетесь? — с подозрением посмотрела она на меня.

— Да я... — немного замялся. — Учился здесь, ищу учительницу свою... А, вон она.

Ирина Яковлевна не сразу меня заметила. Я немного подождал, пока не ушла женщина, данные которой записывались в журнал.

— Здравствуйте.

Ирина Яковлевна подняла на меня удивленные глаза, с лёгкой улыбкой встала из-за стола, и мы отошли в сторону.

— Это все беженцы из Мариуполя. Мы их здесь размещаем. Видишь все это, — учительница показала на горы

вещей, сложенных на скамейках. — Это жители нашего квартала принесли им — одежду, еду. Постоянно приносят, очень много неравнодушных людей, все помогают.

Я и забыл, что занятия в школах отменили из-за военного положения, а многих детей, по возможности, эвакуировали в Россию. Поэтому я не увидел той своей старой школы.

— У меня знакомая в больнице работает, — рассказывала Ирина Яковлевна. — Много раненых ребят.

— Я представляю...

— Как у тебя дела?

— Да что у меня... Нормально все.

— Спасибо, что не забываешь. Извини, времени нет. Много слишком работы.

Теперь Луганск превратился в тыловой город. Сюда эвакуировали людей, временно расселяли их, давали все необходимое. Из Мариуполя, Рубежного, Северодонецка, Лисичанска, других городов и сел. Я вспомнил, как раньше, во время Великой Отечественной войны, в самых разных учреждениях размещали казармы, полевые госпитали. И сейчас все то же самое.

В университет, находившийся также неподалеку, я попасть не смог — пускали только по пропускам. Поэтому решил отправиться в одно из мест, которое всегда посещал, приезжая сюда. На могилу к старцу Филиппу. Там стояли часовенка и новая церковь, а возле его могилы — чудо. Возле могилы лежала часть дерева, обращенная старцем в камень. И все верующие приходили сюда, чтобы прикоснутся к этому камню. Я сам не раз трогал это каменное дерево. Приехал и в этот раз.

Людей на улицах мало, несмотря на теплую погоду. Особенно бросалось отсутствие мужчин. Все либо на фронте, либо сидят по домам.

Я отправился в еще одно особое место, где давно не бывал, — на другую окраину города.

9

Мне всегда было спокойно именно здесь, на кладбище. Я иногда приезжал сюда не на праздники, а просто...

Предстояло пройти несколько километров. Я шел, пронизываемый прохладным апрельским ветром. Высокие дома остались позади. Перешел трассу. Деревья стояли еще без листьев, старая трава была мертвенно-желтоватой... Как разрослось кладбище! Сколько свежих могил, еще без надгробий и памятников, только кресты...

Много ворон, всё каркают и каркают, кружат стаями. Я съежился, то ли от холода, то ли от всей этой неприятной картины. Шел и бросал взгляды по сторонам, читая фамилии и годы жизни. И тут заметил надгробие с изображением Лехи Соловьева. Мой товарищ по университету, который учился на пару лет младше. Он работал фотографом в глянцевом журнале, мы частенько с ним пересекались, болтали. Леша был невысокого роста, с темными густыми волосами. Я остановился и зашел за оградку, сел на лавочку возле его могилы. Эх, Леха, я ведь даже не успел ничем помочь, слишком ты быстро ушел, умер от почечной недостаточности. Еще до начала войны. Не знаю, можно ли так говорить, но хорошо, что ты всего этого не увидел.

Теперь я знал, где похоронен Лешка. Буду заходить и к нему иногда. Я видел его за пару недель до внезапной смерти, он сидел на лавочке возле первого корпуса университета. Кто же знал, что эта случайная встреча будет последней... Через месяц после смерти Леха мне приснился, мы шли и болтали, а потом разошлись в разные стороны. Он навсегда запомнился мне молодым и жизнерадостным.

Я продолжал брести по кладбищу. Солнечно, свежо, но ветрено так, что даже сделать глоток воздуха тяжело.

Еще одна оградка, знакомая мне. Это родители моего старого друга. Они разбились в автокатастрофе, когда он был совсем маленьким. Сюда я не захожу.

А вот место последнего пристанища еще одного моего товарища — Николая Сидорова. Он в отцы мне годился, работали вместе, он давал советы по фотографии. Коля пережил самые тяжелые времена — лето четырнадцатого года, бывал в переделках и никогда не боялся. Прощание с ним прошло в русском драмтеатре, на которое пришли многие известные в республике люди. Я помню его, лежащего в гробу... Спокойное, умиротворенное лицо. Мне показалось, что это не он, это не Коля, его уже не было в этом теле. И тем не менее, он был в зале, я чувствовал это. Он был среди нас... Возле его могилы я тоже немного постоял, посмотрел на фотографию. Вспомнил, что видел Колю за три недели до его смерти в сквере «Молодой гвардии», в котором проходило какое-то праздничное мероприятие. Мы оба фотографировали. Я был с Аней. Сказал ей: «Это наш известный луганский фотограф. Он меня многому научил».

Сердце наливалось тяжестью и болью. Никогда не знаешь, когда увидишь человека в последний раз... А потому не придаешь особого значения этим встречам. Ведь жизнь человека должна быть вроде бы долгой? Должна...

Я наконец-то пришел на другой конец кладбища. Здесь покоилась моя бабушка Маша, которая умерла еще до моего рождения. Я ее никогда не знал, видел только на фотографиях. И все равно приходил сюда время от времени.

— Ну, привет, бабушка. Как у меня дела? Да все нормально. Только что-то я запутался в своих любовях, не знаю, что делать, как правильно поступить...

Долго я вслух рассказывал о событиях из моей жизни. Рассказывал надгробию и фотографии. Как будто бабушка и так все это не знала.

10

— Ты куда пропал? — написала мне Мила.

— Домой приехал.

— В смысле домой? Куда? В Донбасс?

— Да, к родителям.

— Зачем ты туда поехал?.. Я... так боюсь тебя потерять...

— Мне кажется, что я давно себя потерял, Мила.

— Сергей! Это из-за меня? Скажи мне честно. Я же теперь спать не буду. Я каждый день смотрю эти новости, а ты взял и уехал туда, ничего не сказав.

— Тут спокойно. Луганск уже сейчас тыловой город.

— Да несколько дней назад по нему стреляли... Я не прощу себе этого...

— Успокойся, ты тут ни при чем. Мне просто надо было приехать сюда. Понимаешь?

— Какой же ты придурок... Я даже не знаю, как тебе сказать... Я тебя прибью!

— Угрозы, обещания унижения... Ты точно была влюблена в меня? — попытался я пошутить.

— Я такого никогда не испытывала... Таких чувств смешанных...

— Понимаю, я тоже.

Я поехал в библиотеку имени Горького. Всегда мне нравились произведения этого великого пролетарского писателя. Что ни говори, а все равно хорош. Передал кое-какие гостинцы из Воронежа. Директор очень благодарила.

А на следующий день я узнал, что на фронте погиб работник библиотеки. Все мужчины-сотрудники бюджетных учреждений были призваны и защищали сейчас Родину с оружием в руках. Один знакомый рассказал, что уже погибло семь сотрудников одного из университетов, а еще одному оторвало ноги.

Моим пристанищем стал бар недалеко от дома. Конечно, выпить стопку-другую я мог и дома, но хотелось сменить обстановку, не сидеть в четырех стенах, не погружаться в черные мысли. Заведение это не претендовало ни на какие лавры приличного. В довоенные времена здесь постоянно кого-то резали, избивали, грабили, а сейчас... Разве все это сейчас имело значение?

Только я сделал первый глоток пива, как у меня за столиком появился сосед. Лицо его было непрезентабельное, под глазом красовался перезревший бланш.

— Не против, родной?

Я кивнул, мол, садись.

— Ну, давай выпьем. А то тут только мы один. Не чокаясь. За пацанов наших погибших.

Мы выпили. Настроения не добавилось.

— Я воевал в четырнадцатом. Потом уволился в запас. Сейчас ходил — не взяли. Почему, не знаю. Я помню... я помню, как возвращал в Россию тело погибшего добровольца. Через границу перевезли, еду к его родне и думаю: «Пусть мать, убитая горем, меня хоть в клочья порвет, но я верну ей тело сына».

И он горько сжал кулак. Выпил. Я пристально смотрел на него. Обычный донбасский работяга, скиталец, выпивоха. Но почему он был мне ближе всей этой гламурной тусовки в дорогих ресторанах, пафосных телок, качков на дорогих машинах? Я глядел в его глаза и видел в них, пусть это банально, душу. Я видел, какую тяжелую эмоциональную работу она проделала. Как он терзался этими воспоминаниями, как он ставил горе других выше своего собственного, и тем самым он в действительности был выше всякой богемы, возомнившей о себе слишком много.

Как только я зашел домой, мне пришло сообщение от жены:

— Ну как ты там? Я очень по тебе соскучилась.

И фотография в неглиже.

— Спасибо. Очень кстати, — ответил я.

Несколько часов я провел, разглядывая старые фотографии: родственников, родителей, свои собственные.

Пришло сообщение от Милы:

— Прости, если я что-то не так сказала. Я очень переживаю за тебя.

Она тоже решила меня порадовать, прислав фотографию, на которой рукой прикрыла обнаженную грудь.

Это уже ни в какие ворота не лезет! Надо что-то решать с этим. Бросить обеих или остаться с кем-то из них? Но с кем?

Я отключил телефон. Ничего не хочу, ни с кем не хочу общаться. Выдернул телевизор из розетки, чтобы родители не смогли его включить, как только придут с работы. Лег на пол, включил любимую группу, закрыл глаза.

Прямо сейчас вы будьте счастливы
Прямо сейчас закончится прямо сейчас, увы
Прямо сейчас вы будьте счастливы
Ибо потом только гробы, гробы, гробы...

Господи, да что ж такое! И здесь одни гробы.

Я оделся, накинул свою серую куртку и выбежал из дома. Не хотелось оставаться наедине с самим собой, и я пытался убежать в город. Пытался скрыться на родных улицах, в знакомых до боли дворах, где я провел столько бесценного времени. Те же разбитые из-за чиновничьего безразличия дороги, те же мрачные хрущевки, те же абрикосы и тополя. Все как в детстве. Только людей на улицах нет. День клонился к вечеру, но солнце еще дарило свои яркие лучи. Но это не спасало город-призрак. Гробы, гробы, гробы... Слезы.

В Луганске я дышал как будто железом. Настолько здесь непригодный воздух и атмосфера сейчас.

Зашел в магазин купить себе что-то для снятия напряжение. Передо мной мужчина говорит продавщице:

— Помнишь моего брата? Сегодня похоронил.

Блуждая по дворам в центре города, я увидел знакомый силуэт, женскую фигуру. Я, несмотря на заплетающиеся ноги, сделал бросок к ней, обогнал и повернулся, чтобы посмотреть, не обознался ли.

— Алена! Привет.

Видимо, моя реакция была слишком радостной. Бледная женщина отпрянула в сторону.

— Это я, Серега. Помнишь, мы вместе работали в газете?

— Сережа? Здравствуй...

— Как ты, Аленушка?

— Ты пьяный что ли?

— Да, есть немного. Совсем что-то настроения нет.

— Дурак, что ли? Нельзя по городу пьяным ходить, особенно по центру. Увидят — заберут на войну. Пойдем лучше ко мне, я тут рядом живу.

Сидя на кухне, мы выпили. Рассказывали друг другу, как у кого сложилась жизнь.

— Сын мужа от первого брака погиб в августе четырнадцатого года. Было затишье, он выбрался из подвала во двор. Снова начался обстрел, его убило снарядом. А через две недели стрельба прекратилась. Не дожил до перемирия. Парню было пятнадцать лет. А теперь и муж... — она не смогла договорить.

Я придвинулся и обнял ее. Прижал очень сильно, чтобы унять ее дрожь.

— Ну, все-все. Что ж поделать... Аленушка... Им сейчас хорошо там, наверху.

До войны она была достаточно эффектной брюнеткой. Сейчас я погладил ее седые пряди, коих было предостаточно. Прижал и поцеловал в лоб.

— Ну, не плачь, Аленка. Давай лучше выпьем.

Наутро я проснулся у своей знакомой. Она уже готовила завтрак, но я отказался. Оделся и ушел, не попрощавшись. Разве такой жизни она заслужила? Потеряла любимого человека, пасынка. Осталась одна. Разве есть что-то, что сможет ее утешить? Виновные в этой войне, чтобы у вас языки отсохли!

Ехал домой на маршрутке, упершись лбом в окно, чтобы ни на кого не дышать перегаром, чтобы никто меня не видел. Повернули на широкую улицу, — проезжали мимо частного сектора. Местами виднелись заброшенные, полуразрушенные дома. Недалеко отсюда жил мой знакомый, я даже его имени не знал, только прозвище. В один из дней жаркого лета четырнадцатого года он с отцом вышел во двор. Упала мина. Мой знакомый погиб, а его отец получил ранение. Все это было здесь... когда-то давно. И все это снова вернулось. Если бы не спецоперация, город бы уже сровняли с землей.

Сзади разговаривали двое мужчин, по голосу явно достаточно зрелые. Понятно было, что давно не виделись.

— А ты женат?

— Да, женат, двое детей. Может, скоро внуки будут. Надеюсь на это.

— А я один... Знаешь, как плохо быть одному...

«Как плохо быть одному», — еще долго звучала фраза незнакомца в моей голове. Я так боялся этого одиночества, что чуть было не изменил Ане... Заморочил голову Миле... И все из-за этого страха остаться одному?

* * *

— Этот каштан всегда первым выпускает листочки на твой день рождения, — сказала мама.

И правда, вся каштановая аллея стояла еще голой, а дерево напротив окна нашей квартиры уже зеленое. Как будто знало, что у меня сегодня праздник. Я его несколько лет не отмечал с родителями. И в этом году мне особенно сильно хотелось быть в этот день рядом с ними.

Мама наготовила моих любимых салатов. С папой выпили конька. Я спрашивал про дедушек и бабушек, родители с увлечением вспоминали, как познакомились, юность, как жили в те непростые годы, когда рушился Советский Союз.

11

Дома меня уже ждало новое сообщение, но не от жены или несостоявшейся любовницы. Написала подруга Женя, которая давно не выходила на связь. Она прислала видео из Мариуполя, на котором одна женщина заявляет, что никто Донецк не обстреливал восемь лет.

— Все находятся в неведении, — заявила Женя. — Трудно разобраться, где правда. Я, честно, и не хочу! Я хочу, чтобы все прекратилось. Что-то сплю по пять часов уже три дня подряд. Нет сна, я уже в каком-то неадекватe.

— Про обстрелы Луганска ты, видимо, забыла, — ответил я.

— Я уехала в четырнадцатом году.

— Так же, как и я.

— Я всего не знаю, мне трудно судить. Мне просто очень людей жаль. И нас. Неизвестно, чем все это закончится... и не факт, что военных действий на территории России не будет. По-моему, пора им уже кончать со стрелянной. Это же XXI век!

— А чем он отличается от предыдущих? Тогда, что ли, люди не могли договориться или думали: «Мы живем в темные века»?

— Есть такой большой исторический опыт, а выводов никто не делает. Получается — мы животные. И сила — в кулаках.

— Я тебе просто удивляюсь... Ты забыла майдан? Лозунги «москалей на ножи»? Как они начали обстреливать Донбасс?..

— Первое: я не хочу об этом говорить, потому что я не хочу с тобой ругаться по этому вопросу. Второе: а ты уверен, что ты прямо все так хорошо помнишь? И тогда правильно и объективно воспринимал информацию и мог делать правильные выводы? Я уже досконально не помню, честно, что и как там было. Я не горжусь тем, что получила российский паспорт.

Я не стал ничего отвечать. Всегда думал, что мы с Женей придерживаемся одних взглядов. А оказалось... «Ты прям все так хорошо помнишь?» Да, хорошо. Я прекрасно помню, как эти украинские марионетки, подчиняющиеся западу, шаг за шагом, планомерно развязывали войну, убивая людей на Донбассе, в Одессе, и замирали, ожидая реакцию России. Все тихо-спокойно? Значит, можно действовать дальше.

— Так Женя и не обязана разделять твои убеждения, понимаешь? — написала мне Аня после того, как я рассказал ей о разговоре с подругой. — Конечно, от друзей мы ждем, что они будут совпадать с нами по неким фундаментальным вопросам, но жизнь идет, все меняется. Вы встретились в одной точке, где все совпало. С того момента прошла куча времени, изменились и вы оба, и жизнь перед каждым ставит совсем иные вопросы, никто не обязан на эти вопросы давать ответы такие же, как ты. Каждый со своей жизнью беседует сам, а ты видишь только со стороны даже не весь результат, а лишь его часть. Что ты вообще знаешь о жизни другого человека? Откуда тебе знать, почему и как он пришел к тому, к чему пришел?

Аня, как всегда, была права. Но... Помню ли я, как все было? Да, я хорошо это помню.

12

Некоторые жители освобожденных районов были недовольны. В основном те, кто зарабатывал на наших пенсионерах, которым приходилось ездить в Станицу Луганскую за пенсией. Бывало такое, что пожилые мужчины и женщины возвращались ни с чем, оставляя все деньги за постой у земляков, живших на украинской территории.

Кому война, а кому мать родна.

Моя теща с бабушкой летом четырнадцатого года уехали в мой любимый Харьков. Там работало много волонтерских организаций для помощи беженцам из Донбасса. Многим ли они помогли, не знаю. Но, по словам моей тещи, через полгода эти волонтеры ездили на хороших иномарках.

Еще и с нищей страны собирали деньги для украинских военных. А олигархи продолжали богатеть, наживаясь на сложившейся ситуации.

Когда речь идет о деньгах, выгоде, наживе, такое понятие, как совесть, теряется в тумане.

Рассказывала сотрудница МЧС. Она прибыла на вызов и почувствовала запах горелого мяса. Оказалось, что дети нашли мину, она взорвалась, одному оторвало руки и ноги, ребенок остался инвалидом.

Один знакомый луганчанин отказался идти на передовую, — их отряд отправили охранять освобожденные поселки. Они попали под сильные обстрелы. Говорит, из четырнадцати человек двое поехали головой, а один, двадцатилетний парень, застрелился.

Военные, освобождавшие Попасную, рассказывали: «Мы их целый день хреначим артиллерией, а они сидят в терриконе, там несколько этажей вниз укрепления. А ночью выбираются и по нам стреляют, после чего опять в свои норы прячутся. Никак их не можем выбить. Российские войска обеспечены едой, амуницией, бронежилетами. Нашим две буханки на четырнадцать дней. Без бронежилетов. Много погибших солдат ЛНР и ДНР. Опыта боевого нет. Раненых много. В больницах лежат, после взрывов ягодицы стерты.

Бабушка на рынке говорит своей знакомой: «Я сыну и внуку сказала: “Живыми в плен не сдавайтесь”».

Другая говорит: «Мобилизовали всех. У меня соседа с первого этажа забрали воевать. Так он почти слепой!»

Беженец из Донецкой области рассказывал, как его просили перенести тела погибших людей. Они с соседями прятались в подвалах. Потом зашли военные ДНР, стали их эвакуировать, но начался обстрел, пришлось снова вернуться в подвал. После того, как стихла долгая перестрелка, жильцов все-таки спасли.

«Возле моего дома стоял танк ДНР, — вспоминала девочка-подросток. — А в другом конце улицы — украинский. И вот они перестреливались, а мы с семьей лежали на полу».

Эвакуированный из Рубежного мужчина рассказал, что украинские военные ездили на двух автомобилях скорой помощи и на одной инкассаторской машине, останавливались между домами, стреляли и уезжали, а потом по этим местам бил ответный огонь. Это такая же тактика, как и в четырнадцатом году. Дом этого мужчины разрушен, возвращаться некуда.

Самое интересное, что за эти восемь лет украинская пропаганда так и не смогла сломить беженца из Рубежного.

Он как придерживался таких же взглядов, как я, так и придерживается. Хоть он и жил в украинском Рубежном, но все равно болел душой за Россию. И вот в этом вся соль. И таких по всей Украине очень много.

Ехал с одним таксистом по городу. Он рассказал, наверное, главную историю своей жизни. У него жена долго не могла забеременеть. Пришлось делать ЭКО, все удачно. Да так удачно — сразу две девчонки родились. А ему было сорок лет в год их рождения. Дочки росли здоровые и красивенькие. Потом началась война. Снаряд попал точно в их комнату, разворотив полдома... Хорошо, что к этому времени мужчина вывез семью на безопасную территорию. Уберег Господь таких долгожданных для этого таксиста детей.

Бабушка в маршрутке, попыталась расплатиться гривнами. Водитель сказал: «Я гривны не принимаю!» Она ничего не ответила. Парень встал и заплатил за нее. Хотя водитель старушку и не выгонял, провез бы бесплатно.

Бабушка, видимо, беженка из украинской части Донбасса, рублей у нее не было. Вот отношение наших людей к ним. Хотя мы были по разную сторону баррикад. И вероятно, пожилой женщине здесь не нравится. Но все луганчане помогают таким беженцам, как могут.

Но понятно, что люди, прибывшие с тех территорий, разные. И есть такие, которые против нас. Подростки из Рубежного, сидевшие на лавочках возле университета: «Слышали, что наши сегодня ночью сепаров мочили?» Для них мы — уже чужие, сепары, террористы. Украинская пропаганда постаралась. А для нас они — заблудшие братья, сыны и сестры.

Сколько таких историй...

13

Утром поехал встретиться со знакомыми любителями поэзии и литературы. Приехал пораньше, чтобы прогуляться по парку Щорса. Детворы много, бегают, играют, рядом мамы.

Памятник, посвященный погибшим детям. Раньше он был похож на надгробие с написанными именами. Теперь он представлял собой композицию, изображающую ангелков разных размеров. Самому младшему погибшему ребенку был месяц, самому старшему — семнадцать лет. Пожить не успел ни один из них.

Рядом когда-то жили мои друзья. Где теперь они?

Подошел Марк, серьезный и немного рассеянный, как всегда. Пошли на квартиру. Там уже ожидали другие участники кружка. Читали стихи, пили коньяк и закусывали тем, что принесли. Рассуждали о литературе, смеялись... Собираться в библиотеках сейчас нельзя, потому что украинцы могут ударить «Точкой-У». Но желание общаться и делиться своими произведениями очень велико. И с удовольствием про любовь читают и слушают, а про войну... как она надоела. Марк сказал, что не может ничего про войну писать, вообще не пишутся стихи, а Алеся не может писать ни о чем, кроме войны.

В этот момент я подумал: «Может мы все исчерпали свой лимит на счастье, и остаток жизни нам будет все время тяжело?»

* * *

Я вспоминал разговор с Женькой. Пусть мы с ней по-разному смотрим на ситуацию, но в одном она права: все это надо заканчивать. Не надо было и начинать, но раз так случилось, нужно все заканчивать, чтобы не было жертв...

А как ты это закончишь, если вершится мировая история, и Донбасс — важная часть этого? Хочется уехать в глухую деревню, чтобы никого не было рядом. Но так не получится.

Колонна техники проезжает мимо, гудит, — бронемашины, гаубицы, грузовики. А я на окраине города стою и пью кофе, согреваясь в прохладное апрельское утро. Что я здесь делаю? Рядом завод, на котором работали мои

предки. Может, я к ним пришел сюда? Ведь не только по кладбищам ходить?

К полудню значительно теплеет. Я шагаю по трамвайным линиям мимо заброшенного старого парка и вижу чудо. Вижу картину, почему-то потрясшую меня до глубины души.

Идет девушка в белом платье. Худенькая, фигура практически подростковая. С округлившимся животом. Беременная. И в такое время? Спецоперация, боевые действия. Где твой муж, красавица? Наверное, на фронте. Сейчас почти всех забирают. А ты идешь и улыбаешься, и пританцовываешь на ветру. Потому что ты несешь в себе искру непобедимой тяги к жизни. Ты смотришься, как инородное тело. Здесь не может быть счастливых людей. Не сейчас.

Я смотрел ей вслед... Как же прекрасна жизнь! Как я хочу, чтобы все были живы! Как я хочу, чтобы все улыбались друг другу!

Как пел Виктор Цой: «А мне приснилось миром правит любовь, а мне приснилось миром правит мечта, и над этим прекрасно горит звезда. Я проснулся и понял — беда». Не время для любви, не время для мечты. Звезды оборачиваются ракетами «Точка-У», и они горят, но не в небе, а здесь, на земле, сжигая все. Время для бед...

— Я стих написала... о тебе, — пришло сообщение от Милы.

— Классно. Покажешь?

— Нет... не знаю. А тебе посвящали стихи?

— Да, было дело, — честно ответил я.

— Тогда тем более не покажу!

Эти глаза, смотрящие на меня в автобусах, магазинах, на улице. Такие разные. С обидой, упреком, непониманием, усталостью... Такие родные.

Вернувшись домой, я застал у нас женщину. Лицо ее покраснело от слез. Мама утешала ее. Я узнал тетю Веру — мамину коллегу. Я знал ее с детства, потому что часто приходил к маме на работу.

— Сынок, тут такое дело...

— Что такое? — спросил я с тревогой.

— У тети Веры сыну исполняется через месяц восемнадцать лет. Его призовут на фронт. Нужна российская прописка.

— Да, конечно. Без проблем, я только у Ани узнаю, не против ли она.

Слезы на глазах тети Веры исчезли. Она смотрела на меня с недоверием, но и с надеждой. Я ответил уверенным спокойным взглядом, мол, все будет хорошо.

Я написал Ане, рассказав об этой ситуации. Ее реакцию я предвидел — она была против. Мы немного поругались из-за этого. Я пытался ее переубедить.

— Если я могу спасти хоть чью-то жизнь, то я это сделаю! Через месяц парню стукнет восемнадцать лет и его отправят на войну. Он не вернется с нее, у него нет опыта. Мать останется несчастной на всю оставшуюся жизнь.

— А если они квартиру отберут?

— Это друзья семьи! Да и как вообще они отберут квартиру? Перестань!

— Делай, что хочешь.

Я заверил тетю Веру, что все будет хорошо, и прописку ее сын получит. Ничего с ним не случится. Она начала эту песню про благодарность, про то, что в долгу не останется.

— Я понимаю, это дорого стоит. Но я заплачу.

— Тетя Вера! Успокойтесь. Я вас с детства знаю. Я никогда не возьму с вас за это деньги. В мирное время, может, и взял бы. Но не сейчас.

Вечером сидел на лавочках в своем дворе. Тишина вокруг, на улице никого нет, окна практически не горят. Немного продрог от ветра, то затихавшего, то вновь набиравшего силу. Привычные сквозняки наших дворов, заставленных хрущевками.

Вот вроде сделал доброе дело, а тошно почему-то было. «Так ты хочешь быть хорошим, чтобы все тебя любили? — напряженно думал я. — А не наплевать ли на всех остальных? Разве ты кому-то из них нужен? Кто-то за тебя вот так впряжется?» Иногда мне кажется, что я никого не люблю. И себя в первую очередь.

14

Раздав все, что привез родным и знакомым, я возвращался в Воронеж. Со мной в автобусе все так же ехали одни женщины, старики и раненный военный. Также в ногу, как и тот, с которым я ехал в Донбасс. Он также хотел снова в бой после того, как подлечится.

Таможенник на границе спросил:

— В боевых действиях участвовали?

— Нет.

Почему-то назад дорога всегда быстрее. Снова за окном была моя любимая картина: темные поля, слабо освещенные спящие деревни и города, одинокие машины и большегрузы. В наушниках — любимая музыка.

Я чувствовал, что впереди тяжелые времена. И нам придется в них жить и умирать, но главное не в этом, а в том, что мы должны эти темные времена завершить. Чтобы наши потомки на собственном опыте не ощутили того, что выпало нам. Чтобы знали о войне только по книжкам. Но это только мечты... Видимо, таков путь человека.

Рано утром я открыл двери квартиры. Аня еще спала, но из-за шума проснулась. Приоткрыла один глаз и улыбнулась. Я упал в ее объятия.

— Я так скучала.

— И я. Прости меня за все.

Я был переполнен нежностью к жене, не хотел выпускать ее из рук.

— Я так много приятных слов хочу тебе сказать, но они все растерялись. Спасибо тебе за все, Аня. Я только твой, никогда тебе не изменял и надеюсь, что такого не будет. Извини еще раз за все.

— Ничего, мой хороший. Не переживай. Постричь тебя надо. Седины добавилось.

А через некоторое время мы встретились с Милой. Я смотрел на неё, симпатичную, весеннюю, лёгкую, и понимал, что мой запал к ней остыл. Нет, не угас окончательно, я все так же восхищался и дорожил ею. Но... больше не хотел...

Дома ждала та, которая была со мной все эти непростые годы. Та, к которой запал до сих пор не остыл.

КТО ПОВЕДЕТ НАС

Этот день поменял историю страны и мира. От него многие начали вести отчет. Для некоторых он стал как крест для нечисти, для других — долгожданным событием, ознаменовавшим неотвратимое возмездие за все причиненные страдания и беды. Этот день разъединил многих, даже тех, кто раньше был близок.

Бои шли уже более семи месяцев. Российские войска, успешно наступая и маневрируя, используя эффект неожиданности в первые недели спецоперации, освободили от украинских боевиков огромные территории. На других участках фронта они сражались с противниками за каждый метр земли, день за днем штурмуя укрепления и пытаясь добиться хотя бы минимального успеха. Но враг защищался яростно, с ненавистью.

С новостных лент и телевизионных сюжетов эта тема не пропадала. Мир на пороге новой большой войны. Объединенный Запад снова решил покуситься на огромную страну. Эта страна, наша страна, все никак не могла оправиться от военных потрясений, а они сыпались на нее, как из рога изобилия. Из черного, проклятого рога.

* * *

Мужчина, встав с колен, нетвердой походкой направился к девушке в голубых одеяниях, стоявшей возле машины скорой помощи. Она обрабатывала рану на голове у еще одного пьяницы, смирно сидевшего в открытом дверном проеме автомобиля. Первый, шатающийся, выкрикнул в ее адрес что-то нечленораздельное, но явно агрессивное, его движения стали стремительными, хотя и все еще

неловкими. Молодая врач обернулась, ее глаза округлились в испуге — она увидела занесенный для удара кулак.

Виталик Макаров, водитель скорой помощи, резко подскочил сбоку и, схватив пьяницу за шею твердой рукой, аккуратно, чтобы не ушибить, повалил его на землю.

— Я тебе сейчас помашу кулаками! — нависая над ним, грозно произнес Макаров.

Тот понял, что совладать с такой силой не может. Он безвольно лежал, и даже не пытался трепыхаться. Когда Виталик отпустил его, покорно отполз к забору, возле которого сидела его подруга-бомжиха. Она, видимо, отпустила шутку в его адрес, лицо ее расплылось в довольно пугающей беззубой улыбке. В ответ разгневанный мужик толкнул ее, после чего отвернулся и бессмысленным взглядом уставился на пешеходную улицу с высокими тополями.

— Спасибо большое, Виталик, — поблагодарила на обратном пути на станцию скорой помощи Виолетта.

— Да не за что.

— И часто такое бывает?

— Я бы не сказал, что часто. Но иногда. На улице еще нормально. Хуже, когда в квартиру приходишь, а там неадекваты вот такие. Пространство замкнутое, более опасно. Но я же по квартирам не хожу, я в машине обычно жду.

— Ну вот. Теперь мне будет страшно.

— Не бойся. В основном ездим на вызовы к бабушкам и дедушкам.

— Все равно. Может, ты бы со мной ходил?

— Как телохранитель? Мои услуги тебе дорого обойдутся, — пошутил он.

Она рассмеялась, пожалуй, громче, чем стоило. Виталику и раньше казалось, что она его выделяет среди остальных коллег, но он упорно старался этого не замечать. Дома ждала жена и двое детей. Любимая жена. И по-другому Макаров себя вести не мог. Виолетта томно вздыхала, каждый раз все больше теряя надежду на их счастливое совместное будущее.

Один из самых лучших моментов для него — приходить домой после смены, видеть супругу, соскучившуюся за столь короткий период, детей, не отлипавших от него со своими расспросами.

Так было и в этот раз. После непродолжительной беседы, тем не менее необходимой каждому из них, Инна то ли с гордостью, то ли с иронией говорила:

— Так, все, дети. Папе пора идти писать свои книги. Он же у нас надежда русской литературы.

— Воронежской?! — неуверенно поправлял Виталий.

— Русской, — с нажимом настаивала жена.

— Я боюсь не оправдать твоих ожиданий, — веселясь, замечал он.

— Уж лучше быть женой популярного русского писателя, чем женой водителя скорой помощи. Поэтому иди и пиши свои книги, — парировала Инна.

— Чем тебе водители скорых помощей не угодили? — смеялся Виталик.

— Иди уже!

Макарову нечем было крыть. Он покорно шел в спальню, служившую одновременно и кабинетом, включал ноутбук и открывал файл с недописанным романом о Гражданской войне. Настроившись на рабочий лад и выбросив все ненужные мысли из головы, Виталий сосредотачивался, вспоминая, что дальше у него идет по сюжету, и стучал пальцами по клавиатуре. Так могло продолжаться весь день, если не отвлекут дети или не понадобится куда-то срочно ехать по делам.

Отработав литературную смену и чувствуя глубокое удовлетворение, намного большее, чем от основной работы, Макаров брал очередной непрочтенный том. Сейчас это была «Война и мир» Льва Толстого.

Приходила Инна, бросала скучающие взгляды.

— Весь в своих книжках. Мне бы хоть внимание уделил. Никак не можешь расстаться со своей литературой.

Виталий откладывал книгу:

— Ты сама меня заставляешь.

— Конечно, а что мне остается? Ты не должен быть посредственностью! Но про жену тоже забывать нельзя.

Оставшиеся до сна минуты они проводили в объятиях. Она всегда засыпала первой, устав от работы и дома. Он смотрел на нее в темноте и гладил по щекам. Ей это совсем не мешало, объятия Морфея были слишком крепки.

* * *

— Мы не можем вам оформить ипотеку, у вас нет справки о доходах, — холодно процедил молодой человек в достаточно консервативном темно-синем костюме, какие были характерны для всех служащих этого банка.

Небогато одетая немолодая пара, сидевшая напротив него, с грустью переглянулась. У мужчины постоянной официальной работы не было, а его супруга числилась инвалидом.

— Можно попробовать оформить под залог какой-либо недвижимости, — добавил сотрудник банка, на бейдже которого было написано: «Константин Крупин, старший менеджер».

— Если бы у нас была недвижимость, мы бы не пытались оформить ипотеку, — с запинками и медленно растягивая слова, произнесла женщина.

— Ну, мало ли, — тихо буркнул Константин. — Тогда мы ничем вам не можем помочь.

Он бросил пренебрежительный взгляд на уходящую немолодую пару. Ему быстро надоедали клиенты, с которых нечего было получить. За время работы в банке он научился с ходу таких распознавать. Только время с ними тратишь. Если бы какие-нибудь состоятельные бизнесмены приходили оформить крупную сделку, то с них бы и премия была почти как зарплата. А с этих церковных мышей что можно было взять? С такими он работал по инерции, особо не напрягаясь. В этот момент в голове его зрели новые строчки, образы, рифмы. Он погружался в свое

любимое творчество, составляя и запоминая новое стихотворение. При первой подвернувшейся возможности записывал его в телефон.

Оставив работу за дверью офиса, Константин легким, вдохновенным шагом поплыл домой. Впереди очередное приключение — форум молодых писателей в Подмосковье. К нему требовалось тщательно подготовиться: отобрать лучшие работы и написать речь. Костю уже несколько лет называли новым гением литературы не только региональной, но и российской. А гении, особенно недавно разменявшие третий десяток лет, обязаны были, как учили их духовные руководители, ценить в первую очередь литературу западную, а к своей родной, народной, относиться с брезгливостью. Другое дело — произведения диссидентов. Те были во всем правы. И он решительно чувствовал себя продолжателем их традиций.

Поэтому и требовалась речь о тяжелом дне сегодняшнем, о неправоте своей страны, о вещах, мешавших в ней дышать истинно свободным людям. Тем более, что эти слова будут восприняты наверняка овациями, ведь соберутся молодые единомышленники. И он, Константин Крупин, должен занять среди них лидирующую позицию, стать лицом этого движения.

Лето на исходе. Поездки в это время — загляденье.

* * *

— Чего ты невеселый такой? — спросила Инна.

— Да с дядей Лёней болтал, — ответил Виталий. — Борька в больнице.

Инна села рядом с мужем, преданно смотря в глаза и дожидаясь, когда он произнесет очередное слово. Оно обязательно будет тяжелым и даваться с трудом. Борис — двоюродный брат, десантник Псковской дивизии.

— Попал он под раздачу. Пытаются откачать. Там и в голове осколок, и рука... и живот. Очень плохой...

Желваки его ходили ходуном, кулаки сжимались, а глаза с трудом сдерживали слезы. С Борисом, который

был старше на пару лет, Виталий провел все детство и юность. Во взрослой жизни они уже не виделись так часто, но отношения поддерживали теплые. Макаров понимал, что потеряет близкого человека, брата. Это только вопрос времени.

Он не мог заглянуть в будущее и узнать, что Боря выкарабкается.

Виталик впал в депрессию, чего давно не случалось. Ему все надоело, он стал раздражительным и нервным, срывался на детях и Инне. Ему все чаще хотелось побыть одному. Макарову было досадно, что там, на Донбассе, гибнут пацаны, что Боря лежит в реанимации, а здесь как будто ничего не происходит, всем плевать на это.

— Ты работаешь на скорой помощи! — пыталась вразумить его жена. — Мы и так помогаем, когда можем! Успокойся.

— Инн, этого мало. Уже мало. Уже весь мир заполыхал. А мы тут копошимся...

— Ничего не заполыхал. Рано или поздно все закончится.

— Закончится? Чем закончится? Все только начинается! Не знаю, Инна. Я не знаю, что будет завтра. А вдруг они сюда придут? Пока что это где-то далеко, на Украине. А представь их на наших улицах... Будешь скакать под лозунги украинских неонацистов... Что тебе говорят названия этих городов: Артемовск, Угледар, Северодонецк, Лисичанск? Ничего? Да, мы там не были. А теперь представь, если все качнется не в нашу пользу, — Кантемировка, Богучар, Павловск, Калач, Воронеж... Нет, я не могу тут спокойно жить. Мне... стыдно, что ли... когда там наши пацаны гибнут за нас...

* * *

Константин возвращался из Подмосковья в приподнятом настроении. Все вышло еще лучше, чем он предполагал. Выступил он неплохо, своя молодежная среда его

поддержала, испытывая по поводу происходящего в стране и мире похожие чувства.

Пик успеха, как казалось Крупину, был на второй день, когда на семинар заглянул с напутственным словом председатель Союза писателей России. Воин, писатель и журналист, побывавший в плену во время чеченских кампаний, не раз ездивший на Донбасс с четырнадцатого года, бывавший на фронте и не кланявшийся пулям. Человек, своей биографией заслуживший уважение. Для Кости он был чужд, чужероден, все его естество восставало против него. Вообще Крупин много против чего бунтовал, пытался бороться, осуждать пороки общества и конкретных людей. Он чувствовал и верил, что это очень важно. Ему очень хотелось быть борцом, по крайней мере, чтобы о нем так думали, чтобы именно таким он и остался в веках.

Председатель говорил о героизме российских военных, о битве за Донбасс и Украину. Костя не замечал, как начинали поджиматься его тонкие губы, а брови сбежались до кучи. Слова главы писательского союза вызывали недовольство Крупина. И он нашел решение, ложившееся в канву его вызревающей биографии борца за истинные свободы. Костя встал и медленно зашагал из аудитории, демонстрируя презрение к позиции выступавшего. За ним, спотыкаясь, выбежали его последователи. Это были розовощекие бунтари, те, которые ни разу не получали не то что дубинкой по почкам, но даже наставнической затрещины по затылку. Председатель вскинул бровь, разочарованно повел губой, раздосадованный такой реакцией, но быстро отряхнулся, не подавая вида. Ведь были и те, которые остались, с интересом слушая гостя.

«Вот их необходимо низвести до положения маргиналов», — думал поэт, попивая чай в буфете.

Теперь же поезд нес его сквозь спелые поля домой на юг. Он был доволен собой. Последние поездки получались удачными, но эта — особенно. А почему бы им и не быть удачными? Это же не окопы и блиндажи... Здесь

хвалят за удачно написанную строфу, там — за выполненную боевую задачу.

Рядом с ним в купе из Москвы ехал поэт старшего поколения. Несмотря на это, взгляды у них во многом были схожи. Этому поэту, как и председателю союза, пришлось побывать в горячих точках, судьба его складывалась тоже непросто. Человек открытый и коммуникабельный, он часто рассказывал встречным-поперечным свои истории. Поэтому возвращение домой было нескучным — разговоры за чашкой чая с коньяком. Старший поэт ехал на юга. Они обсуждали литературу и, конечно, политику.

— Войны, в которых я принимал участие, были справедливые, — сетовал поэт. — А сейчас... — махал он рукой в пустоту. — Мы же... мы убиваем наших братьев — украинцев! Как мы докатились до этого?

То, что братья-украинцы много лет уничтожали своих же сограждан в Донбассе, в его картину мира не вписывалось. По его мнению, во всем был виноват один человек, сидевший в столице самой большой по площади страны. Поэт жалел Украину, но ему было плевать на украинцев, русских и другие народы в Донецке и Луганске.

Крупин согласно кивал, соглашаясь во всем. В этот раз он действительно был согласен. Но бывали и другие поездки и попутчики. Например, офицер армии Донецкой Народной Республики, с которым пришлось однажды ехать несколько сот километров. И в разговоре с ним Костя согласно кивал и поддакивал, но не так охотно, конечно, из-за внутреннего протеста, но все же. Деваться было некуда. Таков был Костя Крупин, научившийся мимикрировать, где надо промолчать или согласиться.

Однако теперь он почувствовал, что набрал необходимый вес для открытого бунтарства. Он гений, его читают и слушают, он собою затмевает солнце. Отсюда и ситуация с председателем...

— Вот возьмут и объявят мобилизацию, — Костя чувствовал себя на трибуне. — А кому это надо? И что тогда

делать? Надо будет куда-то бежать, — он не стеснялся высказывать подобные мысли вслух. Его кумиры в советские годы бежали на запад, и он, Крупин, хотел бы повторить их судьбу.

— У меня в Казахстане есть надежные друзья. Переправим, приютим, обогреем, — заверил старший поэт.

— Да? — искренне удивился Костя. Его желания начали приобретать более четкие очертания. — Ой, как хорошо... Как хорошо!

Ехавшая рядом девушка странно покосилась на попутчиков и вышла в тамбур. Ее муж сейчас был на фронте, а она очень плохо спала, переживая ежеминутно. А Костя, брезгливо относившийся ко всякого рода черни, не замечал, как сам вызывает брезгливость. Да и заметь он, его бы это не смутило. Он имеет право так мыслить, ибо принадлежит к высшей расе, освященной заокеанским либерализмом.

А через несколько недель в России была объявлена частичная мобилизация. Не служивший Крупин облегченно вздохнул, от сердца отлегло — он не подходил под ее условия. Побег из страны молодой талант решил отложить, понимая, что пока не потянет его финансово. Но мысли об эмиграции никуда не делись.

* * *

Виталик Макаров подходил под мобилизацию. Он не только служил в армии и имел военную специальность, но у него был определенный опыт. Его часть прикрывала тылы в Осетии во время восьмидневной войны с Грузией. Повоевать ему не пришлось, но ту напряженную атмосферу близости боевых действий он запомнил на всю оставшуюся жизнь. В любую минуту мог прийти приказ выдвигаться...

Но у Макарова была бронь в связи с профессией. И все равно это его не успокаивало. Не стало легче и Инне.

— Да оставь ты в покое этот Донбасс! У тебя жена и двое детей! — его упертость доводила ее до слез.

— Я не могу. Шестеренки уже завертелись... Если призовут, я пойду! Не смогу я прятаться, слышишь? Я тебе в первую очередь в глаза смотреть не смогу!

На работе у Виталика двоих уже забрали, никакая бронь не помогла.

— Сможешь, я тебя спрячу! Не отпущу! Тебя же там убьют!

— «Она уже видит себя в роли вдовы», — процитировал с кривой ухмылкой Виталий строки из популярной песни. — А если не призовут, попрошусь в какую-нибудь бригаду, которую отправляют туда. Поеду раненых возить в Донецке.

— Ну себя ты не жалеешь, ты меня хоть пожалей!

Отведя глаза, он замолкал, ответить на такие слова жены было нечего. Она права... И он прав. И все неправы. И всем приходится жить и смиряться с этой планетарной неправотой и несправедливостью. А все колодцы, из которых можно было черпать, зацвели, пожелтели, стены их осыпались. И больше неоткуда было брать силу. Не осталось живой воды... А мы все продолжаем пить из колодцев, не надеясь на живую воду, но веря в то, что эта хотя бы не мертвая. Что еще есть шанс.

* * *

В конце сентября в городе проходил большой фестиваль. Деятели разных сфер культуры съехались в столицу черноземного края, чтобы представить свои произведения и прочитать лекции. После пандемии, приучившей всех сидеть дома, парк был забит народом. Все соскучились по массовым гуляниям. Аллеи парка усеяли палатки с книгами, сувенирами, плакатами и картинами. Появилась сцена с огромным баннером, посвящённая подвигам наших предков, с буквами «Z» и «V» вверху.

Крупин и Макаров встретились, выискивая книжные новинки. Они уже были знакомы, и давно все друг о друге поняли. Неохотно пожали руки и, не перебросившись

ни одним словом, ушли каждый в своем направлении. Один — в Донбасс, второй — в эмиграцию. Один — на территорию войны, второй — в теплый уголок, чтобы спрятаться даже не от опасности, а от ее тени. Макаров — к одним писателям, Крупин — к другим. И каждому было комфортно в своей компании, и каждый старался быть честен перед самим собой...

Но...

Кто из них поведет нас?.. Поведет... Но куда, куда идет этот путь? В светлое будущее? Или под ливень пуль и снарядов? А может, это одно и то же? Возможно, дорога к величию и будущему лежит через погибель.

С АВТОМАТОМ НАПЕРЕВЕС

Пролог

С раннего утра он уже не спал — болела правая нога, вернее, то, что от нее осталось. Рассвет он встретил, сидя за столом, помешивая ложкой почти остывший чай. Лучи солнца осветили стены его сельского домика и упали на пол.

Несмотря на летнее время, на улице было еще холодно, поэтому он надел теплую куртку, видавшую виды. Она предназначалась для работ. Была еще одна, более новая — на выход. Рабочий день начинался, некогда было сидеть на месте.

Мужчина в возрасте, с седой короткой бородой, прихрамывая, опираясь на протез, спустился с порожка и остановился посреди своего зеленого двора, окинул взглядом хозяйство. Зайдя в сарай, стоявший напротив домика, он взял оттуда тяпку, после чего направился в соседнее строение — курятник. Он выгреб птичий помет, привычный запах которого разносился по участку. Пересчитал кур, — все были на месте. Последнее время повадилась лазить то ли лиса, то ли куница. Звери, конечно, красивые, но хищники, а потому — враги для крестьянина.

Егор выпустил кур из сарая во двор, взял из амбара зерна и насыпал в кормушки. Куры с оживлением закудахтали.

Солнце уже пригревало — становилось достаточно жарко, но сбрасывать куртку было бы опрометчиво. Мужчина взял косу и оселок, отправился в поле за огород. Трава достигала пояса, — молодая, сочная. Поодаль сушились уже скошенные стебли. Медянов принялся за работу,

ловко орудуя косой. Он чувствовал в себе молодецкую силу. Однако усталость приходила теперь намного раньше, чем в молодости.

Обработав приличный участок и решив, что пока хватит, Егор вернулся во двор. Пора было позавтракать. Вскипятил воду в электрическом чайнике, снова заварил чай, сделал бутерброды и вынес нехитрый завтрак во двор, поставил на небольшой столик возле дома, сам уселся на лавку. Он любил трапезничать на улице.

Тепло уже, можно раздеться. Скинув куртку, Егор остался в одной черной майке. Он был крепок, хоть и худощав. Преодолевший полувековой рубеж мужчина. Раньше ему казалось, что с такой жизнью он не доживет до этого возраста. Но повезло... Медянов поерзал ногой с протезом.

Он прохромал покурить на лавочке за двором. Хорошо.

По дороге уже сновали люди, тетки на велосипедах ехали на работу, бабки с палочками двигались в сторону магазина за свежим хлебом, тракторы задорно покряхтывали, направляясь на работы в поля. И все уважительно махали ему рукой или кивали. Все знали, кто он такой.

Герой республики, капитан, носивший когда-то позывной Медный. А сейчас — инвалид. Но он мало о чем жалел. Он знал, что многие люди, в том числе в этой деревне, живы благодаря ему, благодаря его боевым товарищам. И они это знали. Знали это и враги...

Егор сидел и думал обо всем этом. После первой сигареты сразу пошла вторая.

Враги... Почему же их невозможно уничтожить до конца? Уже сто лет идет борьба с фашизмом. Еще со времен Гражданской войны в Испании. Или даже раньше. «Война — это всегда для кого-то очень большие деньги. А как разжечь войну? Посеять рознь, обратиться к истории, напомнить о старых ранах. Стравить людей между собой. И все, можно снимать пенки, поставлять оружие, добиваться своих политических целей», — размышляя, щурился от дыма Медянов.

— А нам проливать кровь. Свою... и чужую, — сказал вслух.

Врагов не добили, и война вернулась. И они могут прийти за ним.

Зайдя во двор, он забыл закрыть на засов ворота. Ему показалось, что он сделал это. Но ошибся.

Пока еще не наступила жара, Егор отправился на огород, чтобы прополоть вылезшие вновь сорняки. Не любил он это дело, но земля есть земля — на ней надо работать.

Вскоре солнце начало припекать. Да к тому же усталость брала свое. Пока что хватит. Медянов вернулся во двор, пройдя деревянный заборчик, закрыв за собой калитку, чтобы куры не выбежали на огород.

Повернувшись, он увидел молодого парня в зеленой камуфляжной форме. Армейская разгрузка, автомат за спиной, на боку — кобура с пистолетом. Солдат сделал шаг к Егору.

Глава 1

Снег уже растаял, весна была в самом разгаре. Обманчивая погода, скидывать теплую одежку было еще рано. Всюду слякоть и грязь, а там, где их нет, холодая, промерзшая земля. Многие деревья начинали зеленеть, но еще слабенько, неуверенно.

Война в этом году вспыхнула с новой силой — Россия начала проводить спецоперацию на Украине.

«А нам только того и надо», — подумал в тот день Егор, сидя в окопе и натачивая свой длинный нож. Наконец-то справедливость восторжествует.

Конечно, многих эта новость шокировала как на Украине, так и в России. Но не тех, кто воевал уже восемь лет, привыкнув ко всему. Целая жизнь. Капитан Медянов практически не помнил себя вне войны. Он и воспринимал себя исключительно как солдата, ведь мирная жизнь у него не сложилась. А здесь, на войне, он уже привык. Он знал, что делать и за что хвататься в случае чего. Его

не пугали взрывы, даже если они гремели совсем рядом, не пугали трупы убитых мирных жителей и боевых товарищей, не пугало то, что иногда украинские боевики подходили совсем близко, и приходилось вступать в стрелковый бой, не трогали крики о помощи раненых... Ему уже было все равно. Видимо, в какой-то момент у него просто сгорели предохранители. Егор не мог сказать, когда это произошло. Восемь лет все-таки.

Война вспыхнула с новой силой, и работы прибавилось.

* * *

— Мам, можно, я пойду на улицу с ребятами погуляю? — спросил белокурый мальчишка.

— Сашенька, только тепло одевайся. И осторожно там.

Семилетний Саша быстро напялил одежду, и едва успев завязать шнурки на старых кроссовках, выбежал из дома за двор. Там уже собралась ватага ребятишек. Они гомонили, толкались и уже ругались бранными словами. Вскоре подошел мальчик с мячом в руках. И началась игра на пустой сельской улице. На стадион им было идти далеко, родители пока еще самих не отпускали. Тем более сейчас.

Мать все время подбегала к окошку и выглядывала, все ли в порядке с сыном.

Недавно в село зашел украинский отряд. Расположился недалеко от дома Сашки. Его мама не разбиралась в знаках отличия и нашивках, но люди поговаривали, что это нацбат откуда-то из центральной Украины.

До этого в селе благодаря тому, что оно находилось чуть в стороне, было спокойно, хотя в двадцати километрах недавно начались бои. И военных тут практически никогда не было. А сейчас фронт начал двигаться, и их появилось великое множество. Хотя этих нацбатовцев — немного, десяток человек, не больше. «Ну, оно и село маленькое», — думала мама Саши.

На улице раздался рев. Сначала женщина подумала, что трактор, но потом вспомнила, что они не так звучат. С левой от дома стороны улицы вылетел бронетранспортер. На нем был красно-черный флаг, а посредине какие-то непонятные символы. Мальчишки бросились врассыпную, чтобы БТР не наехал на них.

Сашка подбежал к своему дому, остановился и повернулся. Военная машина остановилась прямо там, где они стояли с ребятами. На броне было несколько человек в форме, в масках и с оружием. Один из них несколько раз выстрелил в воздух. Мальчишки, отбежав от боевиков на приличное расстояние, завороженно смотрели на них. Страх появился, когда этот солдат направил автомат в их сторону, и медленно водил стволом, словно выбирая жертву.

Мама Саши в ужасе выбежала на улицу, схватила сына в охапку и скрылась в своем дворе. Другие ребята тоже убежали.

Военный рассмеялся. БТР резко тронулся с места, и бросая из-под колес щебень и черную землю, уехал в сторону центра села.

* * *

Камуфляж позволял оставаться ему незаметным в серой весенней посадке. Он уверенно и быстро двигался по коридору из деревьев, скрывавших его от чужих глаз. По обе стороны раскинулись широкие плодородные поля. Насыщенный темный чернозем и грозовое серое небо разделяла тонкая, едва заметная полоса. Тучи еще сдерживали дождь, поэтому Медный старался пройти как можно большее расстояние по относительно сухой земле.

Приходилось соблюдать осторожность, останавливаться и прислушиваться к окружающим звукам, высматривать вдалеке возможное движение. Противник мог быть, где угодно. Егору не было страшно. При себе у него было все необходимое для ведения боя. А если придется расстаться с жизнью... Он давно уже расстался с ней. По крайней мере, убеждал себя в этом. Ребенок далеко, любимая женщина тоже, мать похоронил несколько лет назад. И ничего, кроме войны, в этой жизни у Медного не осталось. Надо было держаться хотя бы за нее...

Будь день солнечный, он ни за что не пошел бы на задание. Но серость, мгла, темнота ему помогали. Он очень хорошо это чувствовал, будто бы управлял этой стихией.

Почуяв неладное, он прижался к земле, припал к дереву и стал частью серой, с темными прожилками коры. Гудела техника. Твою ж дивизию! Сейчас его захреначат. Медный, ожидая появления танков или бронетранспортеров на проселочной грунтовке, достал гранаты. Помирать, так с музыкой, да не одному. Он затаил дыхание, аккуратно, без лишних движений осматривая все, до чего дотягивался взор. Шум машины затих. Наверняка, вычислили его, заметили. Еще мгновение — и дадут очередь из пулеметов. Но этого не произошло. А спустя время он заметил в поле трактор, вокруг которого бегал мужичок. Он залез в кабину, снова заработал мотор. Сельхозтехника продолжила свой путь.

«Ну и ладно, в другой раз воевать будем», — подумал Егор, убирая гранаты.

Медный энергично направился дальше, стараясь не задевать веток под ногами. Он был выносливым и работоспособным.

Вдруг машинально поднял голову и сквозь молодую зеленую поросль заметил дрон. Беспилотник летел достаточно высоко, но медленно. Егор вскинул было автомат, да передумал. Если собьет аппарат, то тем самым обнаружит себя. Он аккуратно пошел дальше.

Начало моросить. Мелко и приятно. Медный надеялся, что ливень все-таки не начнется, но темное тяжелое небо с каждой минутой убеждало его в обратном. Возвращаться назад будет намного сложней. Если вообще будет этот путь назад.

Ветер сегодня отдыхал, поэтому было не так холодно. К тому же из-за быстроты передвижения стало жарко. Вдобавок было жарко еще и от чувства близкой опасности, но Егор умел в себе это подавлять.

Дорога, укрытая деревьями, резко повернула вправо. Медный вторил ей, перейдя на легкий бег. Вскоре перед ним возник поросший кустарниками овраг, а на другой его стороне — деревня. Он оказался в тылу украинских подразделений, стоявших через реку напротив Ленинска, который Егор столько лет защищал.

Где-то сзади, далеко, загромыхало. Он прислушался. Артиллерия. Снова начался бой. Ну что ж, у него своя задача. Прогремели тучи, дождь усилился. Потемнело, время к вечеру.

Медный осторожно высунулся из деревянного коридора, которым шел не один час, оценил обстановку, прислушался, потянул воздух. Вроде бы, все чисто. Можно идти дальше.

Глава 2

Пьяные голоса и крики, доносившиеся из дома, были слышны всей округе. «Воины света», как они сами себя часто именовали, отдыхали. Играла музыка, от басов дрожали старенькие деревянные рамы. Все соседи

не спали. И дело было не только в громких песнях и раздражающих голосах. Дело было в страхе. Все боялись, что они напьются и полезут искать приключений, развлечений. А здесь, в глуши, может случиться что угодно. И никто об этом не узнает. И всем это сойдет с рук. Молодых, конечно, осталось мало, но в деревне жили несколько семей с детьми. Одна из них — это Сашка и его мама.

Вячеслав с позывным Зверек курил возле БТРа. От духоты дома и громких звуков он устал и хотел проветриться. Он ходил вокруг боевой машины, осматривал ее, стучал ботинком по колесам. Ему нравилась прохлада ночи. Он чувствовал себя спокойно, хотя не мог объяснить сам себе, почему. Совсем недалеко идет война, работает артиллерия, летают русские смертоносные самолеты.

Солдат территориальной обороны направили сюда для того, чтобы держать село под наблюдением и не дать российским войскам пройти на этом участке незамеченными. Но обороной они особо не занимались — в основном отбирали в местном захудалом магазине вино да водку и запугивали сельчан своими выходками. Возвращаясь домой, в свои города, они ходили, выпятив грудь, переполненные гордостью от того, чтобы «воевали в зоне АТО», качали права, навязывали всем свои правила. Потому что не боялись применить оружие в споре. Лишний раз никто связываться с ними не хотел. Они везде были главными. А здесь, на Донбассе, они чувствовали себя еще круче — властелинами людских жизней. Можно было делать, что угодно. И за это никогда ничего не было. Случаи наказания были исключением из правил.

Зверек строил планы на завтра. Дошла до него информация, что в двух селах отсюда живет один достаточно зажиточный фермер. Славик хотел наведаться с бойцами к нему. Не обогатиться, имея автомат в руках и бронетранспортер, было грешно...

Егор наблюдал за тем, как солдат ходит вокруг боевой машины. Беспечно, беззаботно. «Зеленые еще. Недавно,

что ли, прислали? Нет, здесь так нельзя... Нельзя терять бдительность», — удивлялся ополченец.

Медный решал, что делать дальше. Наверное, лучшего момента не будет. Пусть и те еще не спят, а горланят песни.

Подкравшись по мягкой земле, Егор с помощью большого армейского ножа отлаженными движениями отправил Славика с позывным Зверек к праотцам. Медный осторожно положил тело возле колес БТРа. Рядом со смертельной раной Медный заметил татуировку свастики. Он оттащил труп подальше от двора в темные кусты, куда не доставал тусклый свет уличных фонарей.

Сам перешел в другое укрытие, за старым толстым дубом. Оттуда хорошо был виден дом, где расквартировались украинские националисты.

Егор выжидал, пока их гулянка затихнет.

Минут через двадцать вышел еще один украинский ариец. Он, шатаясь и спотыкаясь, отошел от дома к высокому стройному дереву известно зачем. Убрать его было легче легкого. Действия абсолютно такие же, как и с первым. И вот в кустах уже лежат два трупа.

Вскоре окна начали гаснуть, осталась гореть только лампа, которая была в коридоре. Никто даже не заметил пропажи двоих человек.

«Не, это явно щенки», — покачал головой Егор.

Выждав еще немного, он подошел к дому, медленно и тихо открыл дверь, благо, она не скрипела. В первой комнате лежали двое — один на кровати, отвернувшись к стене, а второй прямо на полу что-то глухо бормотал. Обоих постигла та же незавидная участь. Они погибли, так толком ничего и не поняв.

Дверной проем вел во вторую комнату. Здесь пьяным крепким сном спали еще трое. Армейский нож Егора работал четко, быстро, без лишней суеты. Медный передвигался и действовал очень тихо, к тому же из третьей комнаты негромко доносилась музыка, заглушая все шорохи.

Ополченец отправился туда. Откинув занавеску, он увидел работающий без звука телевизор, а сбоку от него в кресле сидел парень. В руке он сжимал недопитую бутылку коньяка. Но проблема была в том, что он не спал.

Его глаза округлились, когда он увидел незнакомого человека в камуфляже с кровавым ножом в руке. Нацбатовец понял, что на кону стоит его жизнь. Медный за доли секунды просчитал все. В Егора полетела недопитая бутылка коньяка, это заставило его отскочить в сторону, он оказался посреди комнаты. От врага его отделяло несколько шагов. После неудачного броска бутылки противник кинулся к автомату, прислоненному тут же, рядом с креслом, к стене. Коньяк и паника делали его движения корявыми, кривыми, неточными. Конечно, он ничего не успел сделать. Егор метнул нож. Солдат застонал, обмяк и начал сползать, опрокинув кресло.

Медный подошел к нему. Тот скреб пальцами, тяжело вдыхал воздух. На тыльной стороне ладони Егор увидел уже знакомую татуировку свастики. Поэтому сомнений и сожалений быть не могло.

— Ну, прощай, древний укр.

Нанес решающий удар, чтобы раненый не мучался.

Дело сделано. Почти.

Найдя в гараже бутылку с бензином, Егор облил изнутри БТР и поджег.

Удовлетворенный, зашагал по улице прочь из села. Акция устрашения удалась. Вскоре весть о его вылазке разлетится по всей округе. Жители обнаружат убитых нацбатовцев и будут передавать друг другу эту историю, она обрастет новыми подробностями и деталями.

Егор уверенно шел по грунтовой дороге, — с обеих сторон от нее стояли ветхие старые домики, где пытались уснуть старики, довольные, что музыка из дома с военными прекратила играть. Настроение у Медного было приподнятое. В каком-то смысле даже беззаботное.

Но он встал как вкопанный и его пробила дрожь, когда на улице под свет фонаря вдруг вышел мальчик в одной

пижаме и с игрушечным медведем в руках. «Как кадр из фильма», — вздрогнул Егор. Он сбил морок, сделав шаг навстречу ребенку. Мальчик остановился, видимо, испугавшись. Но не убежал. Медный подошел ближе.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Я вышел во двор в туалет. Мне не спалось.

— Холодно же. Иди домой.

— Вы меня не убьете?

Егор улыбнулся:

— Нет, конечно. Не бойся. Пойдем, я проведу тебя. И защищу от любых обидчиков.

— От любых?

— Да... Видишь автомат. От любых.

— На меня уже направляли оружие, — слишком по-взрослому сказал мальчик.

— Не бойся, — повторил Егор. — Как тебя зовут?

— Саша. А вас?

— Я... Я — Медный. Ну, пойдем, замерзнешь.

Мальчик повернулся и зашагал бок о бок с незнакомым солдатом. Пройдя несколько домов, Егор почувствовал, как ребенок взял его за руку своей холодной ладошкой.

«Да, в какие времена нам выпало жить...» — задумался он.

Так они шли какое-то время, совсем недолго. В один момент Медный чуть оступился, неудачно встал на камень в темноте. И почудилось ему, что с другой стороны его как будто толкнули. Он повернул голову вправо. Естественно, никого. Только темная сельская дорога. Оставшуюся часть пути ему казалось, что с ними рядом идет еще кто-то. Или что-то. И так втроем они и шли: маленький мальчик в пижаме, солдат в обмундировании и незримая спутница нашей жизни, в развевающихся одеждах и с известным атрибутом. Егор понимал, что это фантазия разыгралась, но ничего поделать не мог, он чувствовал, что она рядом. Возможно, это знак, что ему не суждено вернуться назад в город. Пусть и так. Он давно

уже смирился с тем, что смерть последние годы ходит очень близко. Но именно сейчас он ощутил ее физически, как будто можно пожать ей руку.

Егор уловил себя на мысли, что хочет поменяться местами. Но с кем? С ней, этой темной зловещей сущностью, или с маленьким человечком в светлой пижаме? В ком из них больше силы? Понятно, что в ней... Или все-таки нет? А он сам, капитан Егор Медянов, убивший только за сегодняшний вечер несколько человек, кто он такой?

— Вот мой дом, — тонкий голос мальчишки отвлек от размышлений.

— Ну, беги спать.

— Спасибо, дядя. До свидания.

Утром мама, увидев, что рука и пижама Саши в чем-то красном, испугалась. Она разбудила сына криками. К горлу подступала истерика. Потом, убедившись, что это не кровь сына, женщина начала расспрашивать ребенка о том, что случилось. Саша рассказал все честно, как было. От мамы он практически никогда ничего не скрывал. Она начала истово молиться после этой истории перед образами в углу комнаты.

Отправившись за продуктами в магазин, мама Саши встретила своих знакомых односельчан и хотела было рассказать им о странном происшествии, но те только и говорили, что об обнаруженных утром трупах украинских националистов и сгоревшем БТРе. И все части головоломки сложились в единую картину. Она прибежала домой и строго-настрого запретила Сашке кому-либо рассказывать эту историю.

Глава 3

Городом управлял Рэм. Он занял место коменданта после покушения украинцев на Владимира Соколова. Первый комендант Ленинска в итоге выжил, но остался инвалидом. Правда, после восстановления он пытался вернуться на свое место, но Рэм аккуратно отодвинул его

от дел. Соколов вышел на пенсию и уединился в своем домике на южной окраине города на улице Косиора.

Рэм, в миру Федор Ромашин, управлял городом уже несколько лет. Годы эти были отнюдь не простые. Боевые действия продолжались, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Украинские войска стояли не так далеко, но взорванный мост, широкая река и крутые неудобные берега не давали им захватить город. Хотя артиллерийские перестрелки были делом будничным.

Откинувшись в кресле и закинув ноги на стол, Рэм сидел в своем кабинете и смотрел на городскую площадь, на которую пришла весна. Еще совсем слабенькая, но уже ощущавшаяся повсеместно. Он вспоминал, как пришел в ополчение в соответствии своим убеждениям. А сейчас... ему не хотелось смотреться в зеркало... он был сам себе противен. Разочаровался? Но в чем? В идеях русского мира, в соратниках, в руководстве? Наверное, отчасти, во всем этом. Но в первую очередь в себе. Отказаться от гешефта, предложенного агентами Министерства обороны Украины, он не смог... Вот такая весна, понимаешь ли. И за этот гешефт предстояло много чего сделать.

В кабинет вошел его помощник с позывным Горняк, потому что работал когда-то на шахте.

— Все готово, — уверенно заявил он.

Помедлив, Рэм сказал:

— Хорошо, начинайте.

И верные Рэму отряды взялись за работу.

Бойцы республики на позициях в районе Ленинска, конечно, не знали, что началось в городе. А в городе началась стрельба. Многие сдавались, застигнутые врасплох, они не понимали, что происходит, почему их бывшие соратники направили на них оружие.

Но были те, которые бы никогда не приняли вражескую сторону. Они моментально сориентировались в ситуации и оказали сопротивление. Потому и началась

стрельба. Эти люди, конечно, не сразу поняли, кто их предал. Как правило, боестолкновения в городе были достаточно короткими, перестрелки непродолжительными. Рэм не один день все это планировал, но решиться все должно было как раз за один день. А вскоре в город должны были войти украинские войска.

Рэму было противно смотреть на себя в зеркало. Надломилось что-то у него внутри. Надломилось тогда, когда ему предложили круглую сумму наличными. Ломалось и сейчас, когда верные ему люди ликвидировали тех, кто мог оказать сопротивление. Тех, с кем он шел одной дорогой все эти годы. Но доллары способны залечить любые надломы. По крайней мере, Федор Ромашин очень на это надеялся.

* * *

Полдня Владимир Соколов, бывший комендант Ленинска, читал книгу, сидя за столом у окошка своего дома. Он уже давно приловчился обходиться во всем одной рукой. Левую ему ампутировали по локоть после покушения около семи лет назад. Только иногда он забывал, что ее нет, и пытался взять ей нужную вещь или прикоснуться к супруге. Но через секунду одергивал себя. С годами эта привычка почти пропала.

В двенадцать часов дня Сокол услышал, что в городе идут бои. Обстрелы из артиллерии и танков и так не прекращались уже пару месяцев в связи со спецоперацией. Но тут стрелковый бой шел буквально на соседних улицах.

Он позвонил жене:

— Ты знаешь, что происходит?

— Что-то нехорошее, Вова. Какая-то неразбериха. Все разное говорят.

Супруга работала продавцом в магазине, поэтому всегда была в курсе всех слухов.

— Неужели нацики прорвались в город?

— Ох, не знаю... Вроде как наши.

— Что? — прокричал в трубку от неожиданности Владимир. — В каком смысле наши?.. Так, вот что. Закрывай магазин и иди в гараж, к машине. Встретимся там.

Такого плохого предчувствия у Сокола не было давно. Происходило что-то очень серьезное. И за себя он переживал не так сильно, как за жену.

Он, сохраняя спокойствие, вернул книгу на ее место на стеллаже. Из шкафа достал кобуру с пистолетом и пристегнул на пояс. Все эти годы он не расставался с оружием, продолжал упражняться в стрельбе. Владимиру очень хотелось, чтобы ему сегодня не пришлось использовать оружие, но если понадобится, то он сделает это без промедления.

В этот момент услышал, как к дому подъезжает машина. Пригнувшись и посмотрев в окно, он увидел, как из автомобиля вышло несколько бойцов со знаками отличия республики. Они вошли во двор и постучали в дверь.

— Кто там?

— Товарищ Сокол, вас комендант Ленинска вызывает по срочному делу.

Какие же хитрецы, подумал Владимир. А зачем присылать целый отряд, чтобы привезти одного инвалида? Нет, у них приказ взять его живым. Знают, что он может оказать сопротивление.

И он его, несомненно, окажет.

На такой случай у Соколова уже имелись заготовки. Он быстро прикрепил гранату с протянутой леской в специально сделанную нишу возле двери.

— Сейчас оденусь и выхожу, — крикнул он незваным гостям.

А сам метнулся в комнату, открыл окно и достаточно ловко для однорукого перемахнул через подоконник. Оказавшись в палисаднике, заросшем малиной и крыжовником, он успел отойти метров на пятьдесят в сады, когда услышал взрыв...

...Двое солдат-предателей вошли в дом, выбив дверь. Гранату они не заметили. В сенях бойцы начали дергать

дверь, ведущую в комнаты. В этот момент сработала «лимонка». Вспышка, хлопок, полетевшие осколки. Двое окровавленных, завалившихся на холодный пол людей. Два предателя, пришедшие за жизнью другого человека...

Сокол представил, что сейчас произошло в его доме. «Надеюсь, пожар не начнется. А то дома жалко», — промелькнула единственная мысль.

Издалека доносились визг колес и крики. Теперь его будут усиленно искать, так что появляться в городе нельзя.

Пройдя через участки соседей, Владимир оказался у русла пересохшей речушки. За спиной по-прежнему раздавались выстрелы, иногда вспыхивали короткие перестрелки.

— Что же творится?! — вслух сказал Сокол.

Он взял телефон и, сделав несколько неудачных попыток дозвониться, все-таки смог наконец связаться с человеком, которому доверял, — Андреем Шишковым.

— Ты знаешь, что случилось?

— Нет. Бои в городе. У меня под окном трое убитых, — совершенно спокойно ответил Андрей.

— Чьи?

— Да наши. Правда, я их не знаю.

— Ты выбраться сможешь? — с надеждой сказал Владимир.

— Попробую.

— Да. Если это укры, то... сам понимаешь. Где встречаемся, знаешь?

— Знаю, знаю. Сокол, удачи.

— И тебе.

Владимиру повезло — путь к гаражному кооперативу лежал через довольно пустынный массив со складом, базой механизации и несколькими домами. Людей на улицах не было. Соколов надеялся, что и его никто не приметил. Кто враг, было непонятно. Им мог сейчас оказаться любой. Его единственная рука лежала на рукоятке пистолета. Конечно, против пары автоматчиков это почти бесполезно.

Но, по крайней мере, оружие немного успокаивало. Остаться без него в такой ситуации означало бы верную гибель. Лишь бы с женой ничего не случилось. Не должно быть за ней слежки. Если есть, то всем им конец.

Пришлось накинуть капюшон куртки. Появлялся шанс, что его никто не узнает.

Осторожно, но быстро Владимир продвигался в гаражный кооператив.

Глава 4

Последние недели прокурора города Ленинска Романа Овчаренко были напряженными и бессонными. Работы всегда хватало, но теперь она нарастала, как снежный ком, а подчиненных постоянно не хватало. Он занимался важным делом — фиксировал обстрелы, общался с пострадавшими жителями, документировал преступления украинских боевиков. Роман Овчаренко свято верил в то, что все это пригодится для трибунала. Не международного, так нашего, российского.

Потом произошло странное — внезапно начались бои в городе. Он среагировал оперативно, приказал выдать личному составу оружие. Если противник уже здесь, то прокуратура будет одним из важных объектов, который они попытаются взять.

Не успел немногочисленный личный состав вооружиться, как Овчаренко увидел в окно своего кабинета на третьем этаже подъезжающие автомобили. Это были свои — подчиненные Рэма. Его это обрадовало — видимо, прислали помощь, усиление. Но эта радость моментально улетучилась, когда раздались выстрелы в здании.

— Что за черт? — сказал своему помощнику Овчаренко.

Затем прозвучали одиночные выстрелы. Крики долетели до третьего этажа. Кого-то ранили.

Прокурор города, чувствуя, что дело неладно, жестко скомандовал:

— К лестнице!

Вдвоем, с автоматами наперевес, они заняли позицию у единственной лестницы, которая вела на их этаж.

Еще несколько человек выглянули из своих кабинетов.

— Боевая готовность! — приказал Овчаренко. — Что-то странное здесь творится.

Они услышали топот ног — к ним поднимались. У Овчаренко пробежал холодок по спине. Все эти годы он документировал преступления украинской армии и националистов, занимался важной работой, не жалея себя, свои нервы, но воевать ему не приходилось. «Мы на войне», — напомнил он себе. Здесь не может быть жалости. Здесь не должно быть слабости. Здесь парализующий страх означает гибель. А значит, на спусковой крючок нужно нажимать без сожаления.

Сколько людей продвигалось к ним, понять было трудно.

— Стоять! — из-за стены скомандовал им Овчаренко. — Кто такие? Что происходит?

— Мы от Рэма.

— Что за стрельба?

Ответа не последовало, но Роман услышал шорох движения. Не задумываясь, он резко выглянул в дверной проем и выпустил автоматную очередь, после чего снова скрылся. В ответ раздались выстрелы и крики. Овчаренко понял, что ранил одного бойца.

Помощник прокурора повторил действия шефа, но менее удачно. Ответный огонь перебил ему плечо. Он застонал и осел, опершись спиной о стену и выронив автомат.

Роман выругался про себя и, выставив из-за стены оружие, начал стрелять, не давая противнику продвинуться по лестничной клетке.

Остальным сотрудникам Овчаренко приказал забрать раненого и уходить через окно в конце коридора, где была железная пожарная лестница. Подчиненные замешкались.

— Давайте! — тихим рыком надавил он.

Они достали магазин из автомата раненого сотрудника и по полу бросили его Овчаренко. Тот только активней

стал поливать огнем лестничный пролет. Сотрудники уходили, забрав с собой раненого.

В этот момент в коридор влетела граната. Она упала прямо рядом с Романом. Его глаза округлились. Он подумал, что это конец. Руки сами разжались, оставив автомат, схватили «лимонку» и бросили ее в открытую дверь ближайшего кабинета. Через мгновение раздался взрыв, заставивший все в груди сжаться. После этого снизу зазвучали очереди. Овчаренко повернул голову и увидел, как его коллеги выбираются сквозь открытое окно. Нет, он должен их прикрыть, должен найти в себе силы сосредоточиться и действовать быстро и решительно.

Автомат снова оказался в его руках. Овчаренко унял дрожь, покрепче сжав оружие. Выстрелил очередью из-за угла и услышал, как что-то тяжелое бухнулось и покатилось по ступенькам.

«Один раненый, один убитый, — подумал он. — А может, это был один и тот же».

Сменив рожок, Роман продолжил стрелять. Прокурор видел, что его люди выбрались и, скорее всего, уже на земле. Теперь надо было думать, как уходить самому. Он должен успеть добежать до окна.

Собравшись с духом, Овчаренко еще несколько раз выстрелил и, вскочив с колена, быстро побежал в конец коридора.

Наступавшие услышали звуки быстрых шагов, отметили отсутствие выстрелов и, взвесив все, бросились наверх. Первый забежавший повернул голову сначала не в ту сторону. Когда обернулся, то увидел направленный в его сторону автомат Романа. Доля секунды, выстрел, и враг повалился, заливая кровью старую ковровую дорожку.

Когда прокурор перелезал через подоконник, ухватившись одной рукой за холодное железо лестницы, по нему открыли огонь. Овчаренко показалось, что пули прошили стену совсем рядом с ним. В его голове сейчас крутилось очень много разных мыслей. Но главной была одна:

«Спаси, Господи. Твою ж мать! Не попали!» По коже пробежали мурашки.

Сдирая кожу с ладоней, Овчаренко практически скользил по ржавой лестнице вниз. Он знал, что спускаться надо как можно быстрей. Через несколько мгновений в окно высунулся автомат, поливая все внизу свинцом, но прокурора там уже не было.

Запуская двигатель своего автомобиля, Роман удивлялся, что нападавшие не перекрыли все дороги возле здания. То ли им людей не хватило, то ли не ожидали, что получат такой отпор.

Овчаренко надавил на педаль газа, машина застонала и помчалась прочь от этого гиблого места. Логически рассудив, что дороги в городе могут быть перекрыты, прокурор быстро свернул на тихие улочки в частном секторе и направился на запад, а затем — на грунтовую дорогу на окраине города. Он надеялся, что подчиненным тоже удалось скрыться.

Остановившись среди густого участка соснового бора, Роман закурил. Что делать дальше, непонятно. Ехать вон из города? Он со злостью ударил руками о руль — в здании прокуратуры остались сотни дел о преступлениях Вооруженных сил Украины. Вся работа коту под хвост. Но что ему оставалось делать... Патронов мало, уже не повоюешь. Надо было рвать когти из города, пока ситуация не прояснится.

Погрузившись в свои размышления, Овчаренко не заметил, как к машине подкрался человек в запачканной грязью полевой форме. Прокурор повернул голову налево и увидел там дуло автомата. Оно качнулось вниз, мол, открывай окно. Промелькнула мысль ударить по газам и смыться. Нет, не успеет. Тут секунда — и все, труп.

Прокурор опустил окно и только после этого взглянул в лицо подкравшемуся солдату.

— Медный? — удивился и обрадовался Овчаренко. — Ты, что ли? Тьфу ты, а! Да опусти ты оружие.

Но Егор не спешил убирать автомат, с недоверием глядя на своего знакомого:

— Что происходит?

— Да хрен его знает! Они захватили прокуратуру. Я с боем вырвался.

— Кто они? — все еще держа на мушке Романа, спросил Медный.

— Сказали, что от Рэма. Все они в нашей форме были... Да садись ты уже в машину!

Медный с недоверием обошел автомобиль, но все-таки забрался в кабину.

Они знали друг друга не первый год, и Овчаренко доверял Егору, а Медянов, похоже, сейчас не доверял никому.

— Ты откуда такой? — спросил прокурор.

— На украинскую территорию лазил, — откинувшись в кресле, сказал Егор. — Разведка боем, так сказать. Возвращаюсь, подхожу к городу и вижу, как украинцы понтонный мост налаживают. Обычно наша арта фигачила по ним, а сейчас — спокойно. А вот в городе слышу выстрелы. Перебрался через реку, а тут хаос, машины горят, трупы на улицах. Это при том, что укры нас не обстреливают. Ну, я в город и не стал лезть, пошел по посадке. И на тебя наткнулся. Надеюсь, ты мне все объяснишь?

— Да я сам ничего не понимаю. Просто к прокуратуре подкатили вроде бы наши, вошли в здание и начали стрелять. Мы отстреливались. Мне и еще некоторым ребятам удалось уйти.

Оба задумались. Егор закрыл глаза, видимо, удовлетворившись рассказом Овчаренко. А Роман снова закурил, тело била мелкая дрожь. Возможно, весенний холод, а может, недавние события оседали так на нервах.

— Доверять никому нельзя, — произнес Медный.

— Прям никому? — с небольшой иронией переспросил прокурор.

— Хм. Ты прав, есть пара проверенных человек.

— Я даже знаю, о ком ты говоришь. Соколов?

— Именно. А еще мой старый друг Андрюха Шишков. Этим двоим точно можно верить. Но где их найти? Домой к ним сейчас не сунешься.

— Да и неизвестно, что с ними. Может, их уже... того...

Егор тяжело вздохнул. Он не хотел в это верить, но понимал, что Овчаренко может оказаться прав. Война есть война.

— А нет ли у вас какого-то своего места? Места сбора.

Медный подозрительно покосил на него глаза.

— Что? Подозреваешь в чем-то? Меня грохнуть полчаса назад хотели! Если не так что-то, выметайся из машины, а я сваливаю из города.

— Нет, какого-то особого места у нас нет, — протянул Егор. — Но и у Андрюхи и Вована есть машины. И гаражи, в которых мы иногда собирались посидеть. Давай заедем туда. Если их там нет, тогда свалим из города.

— У тебя патроны есть?

— Да, два рожка. И пистолет с полной обоймой. И пара гранат.

— И у меня полмагазина. Думаю, из города сможем вырваться.

— Тогда давай в гаражный кооператив.

Он находился недалеко. Роман вернулся на асфальтированные улицы частного сектора, потому что грунтовая дорога вела не в ту сторону. Дома, мимо которых они проезжали, казались пустыми и одинокими. Многие из них стояли с заколоченными окнами, а некоторые были разбиты после недавних обстрелов. Дальше, южнее, возвышалось несколько девятиэтажек, а уже за ними — обширная территория с кирпичными гаражами.

Овчаренко ехал небыстро, вглядываясь вдаль, избегая других машин и людей. Когда впереди перед девятиэтажками замаячил блокпост, состоящий из двух «буханок», вокруг которых вертелись люди с оружием, прокурор резко повернул на соседнюю улицу.

— Вроде не заметили нас.

Сейчас была важна не быстрота, а аккуратность, осторожность. В итоге, конечно, им пришлось припарковаться далеко от въезда в кооператив, прямо посреди поляны возле леска, под бетонным забором. Они лишний раз не хотели попадаться на глаза охране. Мало ли, вдруг сообщат кому-то.

— Становись возле стены. Обходить не будем, перелезем здесь, — предложил Егор.

Они взяли оружие, забрались на автомобиль и перелезли через забор. Медный обладал хорошей памятью, и уверенно вел их к гаражу Сокола. Через несколько пролетов они оказались возле красной железной двери с навесным замком. Если бы Владимир был внутри, замка бы снаружи не было. Возможно, он взял машину и уехал. Заглянуть бы туда. Но как? Проделать дырку выстрелом нельзя — привлечешь внимание.

— Ладно, пойдем к гаражу Андрюхи.

Он находился в соседнем пролете. Здесь замок был встроенным и непонятно было, есть ли кто-то внутри. Егор прислушался, приложив ухо к серой двери. Он услышал шум, внутри явно были люди. Медный негромко постучал.

— Это Егор, — сказал он не в полный голос. — Открывай, Андрей!

Все еще никакого движения не было. Может, показалось, и в гараже никого нет?

Но вскоре щелкнул замок, дверь плавно, без скрипа, открылась. Егор и Роман увидели автоматы, направленные в их сторону.

Глава 5

— Сразу видно, что пришел к друзьям, — небрежно бросил Медянов, переступая порог.

— Радуйся, что не пристрелили! — Андрей опустил оружие и хлопнул по ладони друга. — Черт, как же я рад тебя видеть!

— И я тебя.

Егор заметил, что помимо Шишкова, в гараже находились Сокол, его жена и еще два военных — Механик и Гриб. Медный знал обоих, хорошие ребята, воюющие уже несколько лет. Он поздоровался со всеми и уселся на табурет. Овчаренко остался у двери, которую закрыл Андрей.

— Что это за фигня?! — недоумевал Егор. — Стоит на день оставить город, как начинается такое...

Никто не спешил отвечать. Все были погружены в свои мрачные мысли. Они уже догадались, что случилось.

— Ни с кем связаться не можем, — бросил Механик. — Что с нашими подразделениями — неизвестно. Мы как раз из Луганска возвращались. Въезжаем в город, а здесь непонятно что...

У всех было тяжело на сердце. Как действовать дальше, оставшись без командования, они не знали.

— Укры мост наводят, — сказал Роман. — Вскоре их войска займут город.

— Твою ж мать! — выругался Сокол.

— Тогда чего мы ждем? Надо валить! — вмешался Механик, а Гриб одобрительно кивнул.

— Просто так свалить? — протянул Медный. — Не-е-е-е-т. Это не по мне.

— Что ты предлагаешь? — поднял бровь Роман.

— Отблагодарить Рэма, — ответил Егор.

— Да что мы можем? У нас пара автоматов. Даже гранат толком нет.

— Вот тут ты не прав, — зло рассмеялся Андрей.

Он прошел в угол гаража, отодвинул тяжелый деревянный стол с ящиками. Ковер под ним смялся, Шишков откинул и его. Все увидели металлический квадратный люк. Андрей достал из кармана ключ, вставил в замок и повернул его, откидывая дверцу, ведущую в подвал. Включил там свет. Запахло сыростью.

Спустившись, они увидели неплохой арсенал. Чего тут только не было.

— Откуда все это? — спросил Гриб.

— Да так, собирал помаленьку. Как чувствовал, что что-то серьезное начнется.

— Все мы чувствовали, — раздался сверху голос Сокола, который не стал спускаться вниз. — Но не знали, когда.

Они снова поднялись наверх и собрались вокруг стола.

— Надо нанести Рэму ответный визит. Вернуть ему должок за предательство. А потом уже уезжать из города. Если получится, — заявил Егор. — Больше ребят наших не осталось?

— Да кто его знает... — ответил Механик. — Может, и есть кто-то, да только связи с ними нет. Кто успел залечь на дно или дал деру. Остальных либо положили, либо перевербовали.

— М-да, перспективы не радужные, — опустил голову Медный. — Но ждать нельзя. Сейчас каждая минута на счету. Когда в Ленинск войдут нацики, мы уже ничего не сможем. Сколько у нас машин?

— Две, — ответил Андрей. — Моя и Сокола.

— Три, — поправил Овчаренко. — Еще моя, она за забором.

— Нормально. Нормально, — повторил в задумчивости Егор. — Так. Самое важное — это узнать, где будет находиться Рэм.

— Да он, наверное, из администрации не вылезает сегодня, — ответил Гриб. — Но к ней не подобраться.

— Тогда придется прорываться с боем, — тяжело вздохнул Андрей.

— Руки-то еще помнят? — улыбнулся Медный.

— Это — да.

— Распределяемся следующим образом. Одну машину возьмут Механик и Гриб, — командовал Егор. — Ваша задача отвлечь охрану на площади, устроить побольше шума и перевалить как можно больше этих упырей. Что касается нас. Из гранатометов умеем стрелять только я и Андрюха, правильно? Ты же не умеешь, Рома?

Тот отрицательно покачал головой. Про Сокола, у которого была одна рука, все было и так понятно.

— Я с Овчаренко, Андрюха — с Вовкой. Мы прорвемся к администрации и вдарим.

— А жену мою куда? — встрепенулся Соколов.

— Хм. Задача. Здесь оставлять ее нельзя. Туда брать — тоже.

— Я поеду с вами, может, пригожусь, — твердо заявила супруга Владимира — Вера Соколова.

— Это опасно, — с нажимом сказал Егор.

— Но других вариантов нет, — спокойно ответила она.

— Медный, она водить умеет, — вмешался Сокол. — Может, ее за руль в нашу машину? А я, хоть и с одной рукой, но прикрою Андрюху.

— Вова, дело твое. Если ты уверен...

Конечно, Сокол был не уверен. Но оставлять Веру одну он не хотел. Так она хотя бы рядом будет.

Начались приготовления. Бойцы подняли оружие из подвала. Все пополнили боезапас для АК, напихали по карманам и разгрузам гранат. Вынесли гранатометы. Владимир сходил в свой гараж и пригнал автомобиль. Овчаренко тоже прошелся к своему внедорожнику. Охраны на посту не было, а шлагбаум оказался открыт.

Отряд погрузил в машины все необходимое, проверил снаряжение и оружие.

Перекурили перед бурей.

Начинало темнеть. Лучшее время для внезапной атаки.

— Всем удачи, — напутствовал Медный.

Машины выдвинулись и рассредоточились по городу. Егор и Роман продолжали следовать своей старой тактике — они петляли по узким улочкам частного сектора, надеясь не встретить блокпостов. Андрей, Сокол и Вера решили сделать крюк, чтобы подобраться к зданию администрации города с восточной стороны.

Механик и Гриб ехали с юга по главной дороге. Перед заездом на главную площадь лежали бетонные

сваи, преграждавшие прямой путь, их необходимо было медленно объезжать. Там же стояла бетонная будка с бойницами, а рядом — охрана. Двое военных припарковались за «БУСиком» рядом с блокпостом. Припарковались криво, специально, чтобы удобно было вести огонь из-за машин. Стоящие на блокпосте заметили их, напряглись.

В следующую секунду из-за машины показался Гриб с гранатометом. Мгновение — и выстрел. Попадание — рядом с будкой. Улицу озарила огненная вспышка, грохот был еще тот. Охранники, стоявшие на дороге возле бетонных свай, упали.

Механик пробирался к ним, спрятавшись за машины. Подойдя достаточно близко, он бросил гранату. Очередной взрыв. Послышались предсмертные стоны.

Из железобетонного домика прозвучала мощная очередь. Видимо, из пулемета. Она прошила припаркованные автомобили, попала в железные ворота и стены частных домов, стоявших по бокам от проезжей части.

Механик открыл ответный огонь, целясь в темные проемы окна и двери, но попал только в бетон. Пулеметчик тоже начал стрелять. Это позволило Грибу перебежать на другую сторону улицы. Вдвоем они параллельно продвигались, стреляя короткими очередями. Подобравшись достаточно близко, Гриб попытался закинуть гранату внутрь будки. Не попал, она разорвалась рядом.

Противник водил дулом пулемета из стороны в сторону, поливая всю улицу свинцовым дождем и не подпуская к себе непонятно откуда взявшихся гостей.

Механик, прячась за машиной, обернулся и увидел, что их автомобиль изрешечен пулями. Более того, кажись, пробито колесо. Как же отсюда выбираться? В отчаянии он решился на короткую перебежку, чтобы продвинуться вперед и спрятаться за киоск.

Но ловкий пулеметчик задел его мощной очередью. Механик раскинулся на земле, стиснув зубы и пытаясь превозмочь боль.

* * *

— Товарищ комендант Ленинска, разрешите доложить!

— Разрешаю.

— Город полностью взят под контроль.

— Молодцы. Поручаю подготовить помещения для расквартировки ВСУ.

Помощник с позывным Горняк вышел. Рэм остался в кабинете один. Он закрыл глаза, понимая, что сегодня он натворил много всего плохого. Из-за него погибли хорошие ребята. Десятки хороших ребят. И всему виной предательство, а причина предательства проста — зеленые бумажки.

Федору Ромашину захотелось сейчас сорваться с места, взять сумку с долларами и немедленно уехать отсюда. Бросить все, забыть то, что он сделал, и жить спокойно в Европе. Или в Канаде, например. А вся предыдущая жизнь — это чужие воспоминания, просмотренный фильм. Это все сотрется из памяти. Останется только большой дом с большими окнами, обязательно будет бассейн и маленький сад с декоративными деревьями. Уют и спокойствие.

Он подавил в себе желание бежать из города. Этому помогли обещания от украинской стороны о баснословных выгодах. Рэм понимал, что сможет заработать при Украине на войне в десять раз больше, чем ему дали сейчас. Это и удержало его.

Стрельба в городе затихла. Он знал, что скоро возобновятся ожесточенные бои, когда армии России и Луганской Народной Республики поймут, в чем дело. Большой город практически без битвы, вследствие предательства, перешел под контроль противника. Да, Ромашину подумалось о том, что он явно войдет в историю, только не с очень хорошей стороны. Вообще, историю пишут победители, и если победит Украина, за которой стоит Америка, то он вполне может стать героем, про которого напишут в учебниках.

Рэм рассматривал карту. Линия фронта сегодня поменялась. Он изучал близлежащие населенные пункты, думая о том, куда он и ВСУ могут нанести самый выгодный удар.

В шкафчике его ожидал коньяк. Федор налил благородный напиток в стакан, и вернулся за стол.

«А неплохой все-таки день», — облегченно подумал он, сделав несколько глотков.

В следующий момент Рэм услышал на улице выстрелы и взрыв. Выронил стакан и моментально схватился за автомат, лежавший на широком столе. Рэм понимал, что нельзя подходить к окну, но удержаться не мог, невзирая на опасность. Блокпост был хорошо виден. Несколько человек лежали без движения. Шла перестрелка. Оценив обстановку, он пришел к выводу, что переживать особо не стоит.

Охрана администрации уже бежала на подмогу своим товарищам-предателям.

* * *

Егор и Роман по узкой улочке между частных домов ехали к площади. Выехать прямо на нее и подобраться поближе к зданию не получилось — путь машине преграждала бетонная свая. Им пришлось оставить автомобиль, взяв с собой самое необходимое.

Медный скрежетал зубами. Глаза наливались кровью. Он жаждал битвы. Не во всех боях, в которых он участвовал, доводил себя до такого состояния. Оно могло помешать оценить обстановку, с холодной головой подойти к делу. Но сейчас особый случай. Егор очень хотел поквитаться с Рэмом за предательство, за погибших из-за него пацанов.

Они с Романом подошли с противоположной стороны от блокпоста, где сражались Гриб и Механик. Бежавшая туда охрана не заметила двух новых чужаков. Егор прицелился и дал залп из «мухи» по второму этажу — целился

в кабинет Рэма. Громыхнуло. Снаряд попал не в окно, а в перекрытие, обжег кирпич и оставил черный след.

После этого Медный отбросил использованное оружие, и они с Овчаренко с ходу вступили в бой на открытой местности. Подвергшись неожиданной атаке, несколько солдат, отстреливаясь, начали отступать во двор здания администрации.

Но там их встретили огнем Андрей и Сокол, стрелявший из пистолета. Противники растерялись от такой плотности огня, пытались сориентироваться и дать отпор. Им казалось, что нападающих слишком много. Сначала, как подкошенный, упал один солдат, потом второй. Последний их товарищ побежал в сторону блокпоста, но получил несколько пуль от Романа в руку. Вдвоем с Егором они добили врага.

Из окон администрации по нападавшим со стороны площади начали стрелять. Сразу несколько автоматов. Треск стоял оглушительный. Пришлось искать укрытие.

Овчаренко не повезло. Точная автоматная очередь пробила его грудь. Он упал, продолжая сжимать оружие в руках. Синяя куртка начала напитываться кровью, темное пятно расплывалось. Открытые глаза Романа выражали чувство вселенского спокойствия.

Медный чертыхнулся. Перестав отстреливаться, перемахнул через забор ближайшего дома, укрывшись за кирпичами, приготовленными для возведения пристройки.

Раздался новый взрыв. Это Андрей наконец-то использовал свой гранатомет. Они с Владимиром атаковали здание администрации с другой стороны. На них тоже после выстрела «мухи» обрушился град пуль. Но выстрел был удачным. Шишков целился в запасный выход и точно попал. Моментально вспыхнул пожар. Они с Соколом стреляли из-за укрытий, кто из чего мог. Выбрав момент, когда по ним не так плотно стреляли, бросали в ответ гранаты. Одна из них залетела в окно и разорвалась в здании.

* * *

Механик еще какое-то время пытался вести бой, но вскоре силы оставили его. Истекая кровью, он потерял сознание. Если не оказать ему помощь в ближайшее время, то он скончается.

Гриб постарался действовать быстро. Успешно перебежал поближе к бетонной будке, — полоса пуль едва не достала его. Еще секунда — и он бы оказался в таком же положении, как и Механик. Везение.

Пулеметчик решетил машину, за которой присел Гриб. Небольшая заминка, видимо, перезарядка, и солдат, сохранивший верность республике, высунулся и со всей дури кинул гранату. Она попала точно в проем окна. Вспышка и громкий хлопок. Противостояние было окончено. Внутри укрепления остался труп противника со множеством смертельных ран.

Гриб встал на одно колено, чтобы передохнуть. Голова болела от постоянного шума перестрелки. Как там ребята? Автоматный бой между администрацией и его друзьями продолжался. Он заметил распластавшегося на площади человека. Уже темнело, лицо было не узнать издалека.

Через мгновение из-за забора перепрыгнула фигура и, вскинув автомат и ведя огонь, решительным шагом направилась к главному зданию города. По походке, манере движения, Гриб понял, что это Медный. Сделав несколько глубоких вдохов, Гриб последовал его примеру.

Пожар разгорался все сильнее, пламя и дым валили из нескольких оконных проемов. Среди гражданских сотрудников администрации началась паника, они пытались спастись. Люди бежали, кашляя, к окнам кабинетов и коридора на первом этаже, перелезали через подоконники. Пули врезались в кирпич, спину опалял жар преисподней. Они падали и ползли как можно быстрее и дальше.

Выстрел РПГ попал в стену дома, рядом с которым укрывались Андрей и Владимир. Их отбросило, металлические осколки попали в лицо, тела, руки и ноги. Раскаленный осколок врезался Шишкову прямо в висок, он погиб мгновенно. Сокол еще дышал, когда к нему подбежала жена Вера. Из глаз ее текли слезы, она не могла ничем помочь Владимиру. Припала к нему, рыдая, взяла за руку.

— Уходи... — с трудом проговорил он и закрыл глаза.

Вверху было темное звездное небо с тусклой луной. Но он их уже не видел. Сокол сделал один вдох, а другой уже не смог.

Вера проползла к машине, дрожащими руками повернула ключ зажигания и, не отводя взгляд от мужа, начала сдавать назад. Она не переживала за свою жизнь, паники и страха не было. Появилось непреодолимое чувство тяжести и горя. Она осталась одна в этом мире, никому не нужная и одинокая. А зачем тогда жить? И стоит ли?..

Второй снаряд из РПГ остановил машину и навсегда прервал ее размышления.

* * *

Успешно преодолев расстояние до здания, Медный облокотился о стену. Стрельба стихла, подчиненные Рэма

пытались уйти от стремительного пожара. Некоторые даже пытались его тушить. Но, откуда ни возьмись, снова взрывалась граната, зажигая новые очаги. Вскоре администрация была окутана дымом и языками пламени: плавилась краска, горела деревянная мебель, на побеленных стенах появлялись следы копоти.

Из окна тяжело вывалился мужик в форме. Он грохнулся на клумбу, в которой в скором времени должны были заиграть яркими красками высаженные работницами цветы. Возиться было некогда. Егор подбежал к нему, направил автомат прямо в голову и нажал спусковой крючок. Быстро и не больно.

Медный подтянулся, заглянул внутрь. Никого не было.

— Стой! Куда ты? — одернул его Гриб.

— Рэма найду.

— Да он сгорел! Пойдем.

— Нет. Уходи, Гриб.

Товарищ кивнул и после секундного раздумья вернулся к Механику в надежде помочь раненому другу.

Огонь не страшил Егора, но дым мешал дышать и ухудшал видимость. Сильней всего пожар бушевал в другом крыле. Настоящий огненный шторм. Здесь же было полегче. Медный убрал за спину АК, достал на всякий случай пистолет. Прикрыв перчаткой лицо, поднялся на второй этаж.

Федор Ромашин лежал в коридоре. Видимых повреждений и ран на нем не было. Может, взрывом отбросило или дымом надышался? Егор подполз, не стал пробовать пульс. Пистолет выплюнул патрон, пробивший голову Рэму. «Чтоб наверняка», — подумал Медный. Рядом с бывшим комендантом лежала черная сумка. Егор подтянул ее, раскрыл. Оттуда маняще показались зеленые бумажки. Ополченец усмехнулся. Дело было сделано, пора уходить. Подтянул сумку, закинул ее на плечо и, кашляя, понесся вниз.

Перед тем, как покинуть здание через запасный выход, Егор раскачал набитую долларами торбу и бросил в огонь. Пламя отреагировало новыми яркими языками. Горел домик за границей, который так хотел Рэм, адский

огонь опустошал небольшой бассейн, оставлял обугленными стволы деревьев в маленьком саду, пожар уничтожал безбедную жизнь уже отправившегося на тот свет Федора. Танцующее пламя выжгло его мечты. Сначала погиб Рэм, а вслед за ним — «золотой телец».

Медный выбежал на улицу и ощутил долгожданную прохладу весны. Он открыл рот, задрав голову к небу, и не мог надышаться.

Он не поверил своим глазам, увидев поодаль двух человек, лежащих на земле. Чуть дальше за ними пылала машина. Егору не было так тяжело, даже когда он хоронил свою маму Ульяну. Одной рукой опираясь о стену, он пошел прочь от этого проклятого места. Успеет ли он добраться до машины Ромы Овчаренко и покинуть город? Медному было все равно. Он не спеша ковылял, совершенно опустошенный.

Глава 6

Они двигались по полю к окопам противника. Из села, находившегося сбоку, доносился оглушительный металлический звон. Шли интенсивные бои за освобождение всей территории Луганской Народной Республики. Осталось немного дожать, и российские войска выйдут на прямую дорогу к Ленинску. И вернут его назад под свой контроль. Егор в этом не сомневался.

Он прыгнул в окоп, за ним еще несколько человек. Переступил через несколько обезображенных трупов. Видимо, лежали здесь уже второй или третий день. Чуть дальше, весь перепачканный пыльной землей, ворочался раненый украинский боец.

— Сюда этого тащите! — скомандовал Медный своим.

Бойцы выволокли его, стонущего бедолагу, из окопа, перевязали раны, вкололи обезболивающее. Потом взяли под руки и увели к медикам.

В оборудованном блиндаже Егор нашел ящики со снарядами. Приоткрыл — полные. Неплохой улов. Продвинулись дальше по сети вырытых ходов, держа автоматы наготове. Навстречу вышел мужик с поднятыми руками.

— Повернись! — приказал Медный. — Оружие есть?

— Нет!

— Снимай броник.

Тот послушно выполнил приказ.

— Ранения есть?

— Нет.

Как раз подоспели военные из его отряда.

— Увозите этих обоих в штаб.

Хоть и был Медный за здоровый образ жизни, а отказать себе в сигаретке не мог. Еще бы сто грамм, но это потом. А сейчас он оперся спиной о бревна и с наслаждением дымил. В деревне шли бои, дома зачищали от вэсэушников, которые не успели сбежать. Проблема была в том, что село обстреливала украинская артиллерия. Наши артиллеристы пытались подавить огневые точки, били в ответ по местам предполагаемого нахождения противника. Те меняли дислокацию, снова отстреливались издалека, в том числе по своим. Казалось бы, такая небольшая площадь, а на ней творился настоящий хаос.

Егор быстро выкинул сигарету и вскинул автомат, увидев пролетающий рядом, совсем невысоко, беспилотник. Судя по всему, он направлялся в село. Медный, а вслед за ним и второй боец, открыли огонь. Несколько очередей, и украинский дрон уже падал на землю. Недалеко раздался взрыв от сдетонировавшего боеприпаса.

— Разлетались, твари. Ну, пойдем дальше.

В другом блиндаже они нашли документы. Некоторые были разбросаны по земляному полу, часть обгорела или была полностью сожжена, но оставались и те, которые не успели уничтожить и по каким-то причинам не взяли с собой. Возможно тот, кто за них отвечал, погиб, а другим было не до этого.

— Это передадим в штаб бригады. Пусть они изучают. Может, что интересное найдут.

Совсем рядом бухнуло так, что земля задрожала. Взрывная волна докатилась и до Егора с напарником.

Они не стали выходить из блиндажа, припав к бревнам. Противник бил из «Градов», а может, из чего потяжелее. Стало очень жарко во всех смыслах. Началась артиллерийская дуэль, а Медному оставалось только ждать, чтобы потом продолжить выполнять свою задачу.

— Да не трясись ты. Переждем.

Его напарник явно не находил себе места. Медный же за эти годы уже ко всему привык, и его мало что могло обеспокоить. Хотя бывало и высокое давление, из-за чего врачам приходилось откачивать его. Случались и небольшие двух-трехдневные запои, направленные, как думал Егор, на восстановление нервной системы.

Там, наверху, огромные снаряды выжигали землю, деревья, металл, кирпич. Разлеталось все, пространство затягивалось черным или серым дымом. Подкашивались и загорались дома. Гибли штурмовики, отчаянно сражавшиеся за каждый сантиметр донбасской земли.

Когда выстрелы зазвучали дальше от них, а снаряды начали рваться в другой стороне, Медный и его товарищ продолжили изучать сеть вражеских траншей и окопов.

За спиной у них что-то упало, металлическое и смертоносное, начиненное взрывчаткой. Взрыв подхватил их своими мощными руками, протащив по земле.

* * *

Егор витал в облаках, здесь не было ни времени, ни четких рамок, только безграничное, как космос, пространство. Вокруг все искрилось и переливалось светлыми и нежными красками. На душе было очень спокойно, безмятежно. Он блуждал по воздушным коридорам, оказывался возле белых горных вершин, едва касался вскидывавшего волны сине-зеленого моря, врезался в мягкую траву, как в подушку.

Открыв глаза, Медный увидел, что находится в больнице. Рядом стояло несколько кроватей. В палате был всего один человек.

— О, очнулся, — сказал незнакомец. — Ты это... ногу потерял...

Егор проверил. Действительно. Ничего не ответил.

— Ты отдыхай. Если что нужно, я медсестру позову... Позвать?

— Не, — коротко ответил Егор.

Он снова провалился в сон. На этот раз ему привиделась Вероника, его бывшая возлюбленная, мать его ребенка. Так у них ничего и не получилось. Ника жила в Воронежской области, растила их Ванюшку, была замужем за каким-то мужиком. Они уже сто лет не общались, а сына Егор видел лишь однажды, и даже не успел с ним толком пообщаться.

У Егора не получилось не только с Вероникой, но и вообще ни с одной девушкой. Такая уж, видать, судьба. С какого-то момента он перестал задумываться о том, что нужно завести семью и ограничился случайными и короткими отношениями. Да и на них время он особо не тратил. Было чем заняться.

Появился образ мамы, самой лучшей, самой любимой. Она умерла три года назад. И в его жизни не осталось толком никого. Только друзья-товарищи. Андрей и Владимир. Да и их теперь нет.

Медный открыл глаза. О ноге он не грустил, знал, что ему поставят протез. Не раз видел на войне таких же, с протезами, но продолжающих воевать. Но Егор задумался, что он будет делать дальше.

Эпилог

Солдат сделал шаг к Егору. Их глаза встретились, лица подобрели, на секунду оба улыбнулись.

— Ну, привет, батя, — сказал парень.

— Привет, Ваня.

Военный подошел поближе и одной рукой обнял отца, второй придерживая автомат на плече. От улыбки Медянова не осталось и следа, а глаза повлажнели, но он сдержал слезу.

— Все-таки решил уходить? — надрывающимся голосом произнес Егор.

— А куда деваться, отец? Ты же сам видишь, что творится.

Медянов проковылял к потрескавшейся синей лавочке. Присел на нее с тяжелым вздохом. Он очень не хотел, чтобы сын уходил на войну.

— Некуда деваться, если не мы, то кто? Никак не отстанут от нас, не прекращается это все... Да и как я могу оставаться в стороне, с таким-то батей...

— Вот потому я тебе и говорю: не ходи.

Иван вырос с матерью — Вероникой. Он не видел отца годами, редкие встречи были для него очень счастливыми. Это те моменты, которые память бережно хранит. Отец оставался для Ивана далеким, но образцом для подражания. И как-то невольно он перенял все лучшие черты, заложенные в его старике-ополченце. А может, не перенял... Может, это что-то, тянущееся из глубины веков, то, что невозможно приобрести или потерять, предопределяющее судьбу. И неважно, был отец рядом или нет, подглядывал ты за его жизнью, впитывая его поведение и реакции, или нет. Это все равно будет в тебе. Потому что твоя судьба — это судьба отца, деда, прадеда. Да, возможно, ты и не знаешь их биографии, но ты догадываешься, что они всю жизнь честно трудились ради своей семьи и отдали силы и жизнь для защиты своей Родины. В годы Великой Отечественной, в эпоху Революции, во времена Кутузова и Суворова, в период правления Петра I и Ивана Грозного, Александра Невского и Дмитрия Донского, в древние времена Вещего Олега и Владимира Красное Солнышко. Ты знаешь, что твои предки были рядом с великими русскими героями, а возможно, они и сами были героями. И ты понимаешь, что поступи ты иначе, тебя на другом берегу просто не примут твои предки в сонм героев...

Только последние годы Иван стал приезжать к отцу — стал самостоятельным, и его тянуло к этому человеку, который навсегда останется для него непостижимым. Потому что отец — он из древности, он былинный князь, а ты... тебе еще предстоит понять, какое место ты займешь.

Поэтому, когда разгорелась новая война, когда Землю Русскую вновь захотели поработить, встали новые бойцы. И опять в народе роптали на повсеместный бардак, на предателей явных и скрытых, и снова кто-то получал выгоды с побед и поражений за счет чужих жизней... Все было, как всегда, во все времена. Только это не помешало новому поколению встать на защиту Родины.

— Батя, я пришел не для того, чтобы слушать, как ты меня будешь отговаривать.

— Да... Да, все правильно... Я тобой горжусь... И мне тебя жаль. Переживаю за тебя. Я просто не хочу, чтобы ты провел полжизни с автоматом наперевес, как я.

— Понимаю. Все понимаю. Но ты же знаешь, что выбор — это иллюзия. На самом деле, выбора у меня нет.

Иван, молодой и сильный, обвел взглядом небо.

— Я хотел тебе сказать: ты нам нужен, — твердо произнес сын, глядя в глаза.

Егор почувствовал себя как-то неуютно.

— Я... Моя война уже прошла...

— Ты нам нужен, — повторил Иван. — Кто еще сможет обучить ребят, если не ты?

— Нет... Я... я не хочу больше брать в руки оружие.

— Понимаю, — ответил сын. — Это я просто предложил. Просто ты бы поднял боевой дух. Тебя знают все.

— Нет... — задумчиво протянул Егор. — Я...

— Хорошо, хорошо. Все нормально. Это я так, случайно подумалось.

— Да.

Они еще немного побыли вместе, потом Егор проводил сына за двор. Иван попрощался и обещал по возможности сообщать, где он и как поживает. Медянов долго смотрел

вслед уезжающему автомобилю. Стоял, опершись о верейный столб, вдыхал солнечный воздух. Но на душе было не солнечно.

Уснуть в эту ночь он так и не смог. Все ворочался с боку на бок, всплывали воспоминания, мелькали лица уже не живых людей, слышались их голоса. Не мог найти покоя Егор. Потому что он понимал: сын прав. А ведь так хотелось хоть немного пожить счастливо... «Аааа. Вся жизнь коту под хвост», — думал с закрытыми глазами герой республики.

А под утро, заваривая чай, он услышал приглушенный шорох в шкафу. Может, показалось? Егор решил, что это просто фантазия разыгралась. Но все равно подошел и открыл дверцу. Среди кучи барахла на вешалке светилась его офицерская форма.

Да, выбора у него действительно не было.

Немолодой, но еще сильный атлант, на котором держалось небо, отправился в военкомат.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Пылёв
Русская душа в сражении с мировым злом 5

«Прошу помнить вечно» 9
Европейский шлях 20
Затянувшаяся война 32
Защитник 65
Под чужим флагом 89
Смятение 102
Кто поведет нас 147
С автоматом наперевес 158

Андрей Добжанский

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Текст предоставлен
в авторской редакции

Верстка, дизайн, пре-пресс выполнены
в передвижной лаборатории
предпечатной подготовки
Александра Сурнина
alex-surnin@yandex.ru
alexander.surnin@mail.ru